

Леонид РЕШЕТНИКОВ,
генерал-лейтенант Службы внешней разведки
России в отставке

Всё в наших руках

– Леонид Петрович, недавно вы побывали в Салехарде. Какое впечатление произвел на вас город и, если говорить шире, Заполярье? Что вообще изменилось на Севере за последние 20 лет?

– Не могу назвать себя таким уж большим специалистом по регионам крайнего Севера. Да и бывал прежде всё больше на русском Севере, в основном в Архангельской области, хотя приходится много ездить по России. Но вот недавно довелось исправить это недоразумение... Надо сказать, моя недавняя поездка в Салехард произвела на меня очень сильное и яркое впечатление. Очень красивый город. Выглядит радостно и это ощущение радости и свежести в итоге и запоминается. Сразу же бросается в глаза огромное количество новых, современных, ярко окрашенных зданий, прежде всего жилых кварталов. Нельзя не заметить огромного объёма строительных работ. Инфраструктура, связанная с жизнью, культурой, бытом и досугом людей, стремительно расширяется: дворцы спорта, конгресс-холл, множество торгово-развлекательных центров, прекрасный, пока ещё не достроенный кафедральный собор. Очевидно, что город любят и за ним ухаживают. Всё меньше и меньше становится жилых строений барачного типа, характерного признака архитектуры времён советского освоения Севера. Бараков осталось совсем не много, центр города уже полностью от них освобождён, а те, что остались, теряются в море новостроек. Насколько мне известно, вся эта работа по развитию инфраструктуры города, края началась ещё

в середине 90-х годов, при губернаторе Ямало-Ненецкого автономного округа Юрии Неёлове и по естественной преемственности продолжается при нынешнем губернаторе Дмитрие Кобылкине.

Во время моей поездки мне довелось присутствовать на совещании по развитию речного судоходства, его вёл первый заместитель губернатора Алексей Ситников, и я увидел очень деловой, чёткий и ясный подход у руководства округа к решению этой важнейшей транспортной проблемы. Большинство речных судов которые там сегодня используются, были построены от 30 до 50 лет назад и соответственно морально и технически устарели. Руководство округа хорошо понимает важность судоходства во время летней навигации и предпринимает необходимые шаги по постепенной замене старых судов и наращиванию речных грузоперевозок и пассажирского сообщения. Это очень важно для края.

Удивили и салехардские магазины. Разнообразные товары если и отличаются от московских, то весьма незначительно: ни по ассортименту, ни по цене, ни по качеству. А ведь это пресловутый северный завоз, который прежде всегда весьма существенно бил потребителя по кошельку. Не говоря уже о том, что кое-что из некоторых местных товаров или продуктов питания, например, очень богатый выбор изумительной северной рыбы или оленины, и по качеству и по цене значительно превосходят столичные.

Весьма профессионально работает местное телевидение и радиовещание. Действует

Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Евгений БОГАЧКОВ

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Евгения МОИСЕЕВА

В оформлении обложки использованы
фотографии из к/ф «Сказки о маме»
(2018, режиссёр Софья ГОРЛЕНКО)

Подписано в печать
23 июня 2018 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ППП «Типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский переулок, 6.

Заказ 627к

СОДЕРЖАНИЕ

Время, вперёд! Леонид РЕШЕТНИКОВ — Илья РЯБЦЕВ <i>Всё в наших руках</i>	1
Флагманы Арктики Олег ХИМАНЫЧ <i>Судьба «Персея»</i>	7
Извержения Олег ДЗЮБА <i>Эхо плутонических страстей</i>	15
Социальная ответственность Владимир ВАСИЛЬЦОВ <i>О перевале Дятлова и не только</i>	35
Встречь солнцу Яков СОЛОДКИН <i>Первые годы русской крепости на Средней Оби: к 425-летию сооружения «сургуцкого города»</i>	40
Катастрофы Николай ЮРЛОВ <i>Что упало, то не пропало</i>	43
Драма Николай НИЧИК <i>Медведеубийство по-кузбасски</i>	46
Чукотская рапсодия Сергей СУЩАНСКИЙ <i>Собиратель сказок</i>	49
Живут сказания Лев БЕЛИКОВ <i>Кунлелю (Легенда об Одноусом)</i>	55
Дерзость Пётр ЦЫБУЛЬКИН <i>Магаданские светотени</i>	60
Валерия ГУШЕЛЬ	61
Артём ДЕРЕВЯНЧЕНКО	63
Семён ГУБИЧАН	72

арктическая редакция РТР, а так же губернское телевидение. Издаются местные газеты, печатаются авторы, в том числе и свои, местные писатели и поэты. Мне запомнилась очень интересная, на мой взгляд, ненецкая писательница Анна Неркаги, православная женщина, пригласившая нашего Святейшего Патриарха к себе на факторию.

Как православного человека меня не может не радовать устройство духовной жизни в этом суровом северном крае. Причём не только русских, но и ненцев, среди которых идёт активная и плодотворная миссионерская работа, которой, кстати, зачастую занимаются сами ненцы. Строится много храмов, в том числе и в вахтовых посёлках. Эти вахтовые посёлки тоже построены не на скорую руку и выглядят весьма привлекательно и опрятно. А главное удобно для жизни и отдыха.

Сразу же бросается в глаза неподдельная любовь местных жителей к своему краю. Большинство из тех, с кем я встречался и кого видел, объединяет какая-то удивительная позитивная энергия, чувство энтузиазма и гордости по отношению к своей малой родине. Помните, как было раньше: приехали на Север «за длинным рублём», пожили несколько лет, заработали на квартиру и машину и скорее на «большую землю». Сегодня не так. Люди укоренились, большинство и не планирует никуда уезжать, им и здесь хорошо. И ещё я заметил удивительное,

и, увы, такое редкое для Москвы и других больших городов чувство социального оптимизма и спокойной, деловой уверенности в будущем. Нет и следа какого-то недовольства, оппозиционности, капризности, подавленности, распространённого в столицах. И это очень удивило и порадовало меня. Знаете, я поймал себя на мысли, что все мои воспоминания о Салехарде связаны с ярко светящим солнцем. Думаю, это не случайная ассоциация.

С другой стороны, естественно, были и омрачающие моменты, свойственные, впрочем, и для всей нашей современной российской действительности. Например, здание епархиального управления ямало-ненецкого автономного округа расположено на улице Свердлова, в которую упирается улица Карла Маркса. Это, конечно, забавно, нелепо и возмутительно. Все эти чужие нам имена в регионе, который никакого отношения к этим деятелям не имеет, выглядят просто глупо. Я бы сказал жёстче, в этом можно увидеть неуважение и даже издёвку над верующими, прекрасно знающими «деяния» этого государственного «деятеля». И ещё: так уж получилось, что эта самая улица Свердлова ведёт, что характерно, прямо к современной музейной реконструкции ранее существовавшего на этом месте острога. Где, кстати, стоит памятник казакам, некогда основавшим город Обдорск и кото-

рых этот самый Свердлов беспощадно уничтожал. Настоящий театр абсурда! И смех и грех! Уверен, что в самое ближайшее время необходимо устранить это вопиющее, оскорбительное безобразие, рудиментарный признак большевистской диктатуры.

– **То есть руководство округа при участии крупнейших сырьевых компаний, новых русских капиталистов ведут бизнес цивилизованно и дальновидно. Вкладывают деньги в инфраструктуру, улучшают жизнь людей, стараются следить за экологией.**

– Да, перед нами наглядный пример эффективного частно-государственного партнёрства, получившего распространение в последние двадцать лет. Не следует слушать политических провокаторов и безответственных популистских горлопанов, взывающих к низменным инстинктам толпы и требующих пересмотров итогов приватизации и, фактически, неизбежных социальных потрясений. По этой тупиковой дорожке мнимого социального равенства мы уже проходили. Это тупиковый, а главное очень опасный путь. Успешный опыт ямало-немецкого руководства, наладившего у себя эффективное взаимодействие государства и частного капитала, отличный пример того,

как можно убедить бизнес участвовать в масштабных социальных и инфраструктурных проектах. Ведь работает же в Салехарде! А если успешно работает в Салехарде, значит, может работать везде: и в Калининграде, и в Архангельске, и в Курске, и в Новороссийске, и в Ялте, и в Тобольске, и в Хабаровске. По всей России!

Жители ЯНАО уже успели привыкнуть к высоким стандартам жизни, но даже у них ходят легенды о таком чуть ли не райском уголке, типа Сабетта. До этого города мне доехать не довелось, но я неизменно слышал о нём исключительно восторженные отзывы. О нём местные жители буквально рассказывают легенды, гордятся им, даже не жывая в этом новом растущем городе. А ведь это, не какой-нибудь курортный городок, а большой вахтовый посёлок на 30 000 рабочих мест, в котором будет построен сверхсовременный завод по производству СПГ (первая очередь уже пущена, в декабре 2017-го состоялся торжественный запуск отгрузки первого танкера), с глубоководным океанским портом и международным аэропортом. Вот там, по рассказам, уровень жизни просто фантастический. И не только по меркам крайнего Севера. Там уже развивается

международный туризм (экстремального типа, пожить несколько дней в чумах и попробовать аутентичной северной экзотики из жизни местных народов, оленеводов), хотя город приграничный, с ограниченным доступом и специальным контролем.

Да, в Салехарде пока нет местных высших учебных заведений, и молодёжь вынуждена ехать учиться в Тюмень, другие города. Но самое главное, как мне рассказывали, значительная часть выучившейся молодёжи после получения дипломов возвращается домой и находит устраивающую их работу. Полагаю, в таком мощно развивающемся городе как Салехард, рано или поздно откроют местный филиал какого-нибудь профильного для местных надобностей ВУЗа.

А так губернский центр укрепляется, становится солидным, монументальным. Построены новые впечатляющие административные здания, гостиницы, некоторые из которых соответствуют европейскому уровню.

– Ваш рассказ о поездке в Салехард не может не радовать. Все мы, люди старшего поколения, прекрасно помним, в каком ужасном, даже, порой казалось, безнадежном состоянии находился Север во времена позднего Советского Союза и в начале 90-х. Всё заброшено, запущено, никому не нужно, разбито, растащено, захламлено и очень грязно. Очевидно, что произошли, хочется думать, необратимые благотворные изменения. Даже и сравнивать нельзя то, что было двадцать лет назад, с тем, как стало сегодня.

– Да, изменения просто огромные. Северяне даже говорили мне, дескать, это ещё что, вот если бы вы побывали в Новом Уренгое. Как там всё уютно, красиво, а где-то даже фешенебельно по северным понятиям. Кстати, как мне сказали, Уренгой в переводе с хантыйского значит «Гиблое место». Так вот, в этом «Новом гиблом месте» всё просто красиво, даже лучше, говорили мне, чем в Салехарде. А ещё, так говорили и про Надым, и про Ноябрьск. Конечно, хорошо было бы поехать, чтобы увидеть всё это своими глазами. Но на всё воля Божья! Может быть, ещё доведётся.

Как я уже говорил, в целом впечатления на редкость оптимистические, радостные. Я даже был удивлён, что нигде не встретил этой назойливой и навязчивой, нудной, болезненной и неконструктивной оппозиционности, уввы, так часто проявляющейся на Большой Земле. Этого постоянного у оппозиционеров унылого и безнадежного недовольства жизнью: все кругом виноваты, один только я – любимый, честный, принципиальный, словом, «весь в белом». Люди делом занимаются, у них есть реальная возможность

преобразовать жизнь вокруг себя и увидеть результаты своего труда. Что большинство людей и делают, и потому-то лояльны как к губернским, так и к федеральным властям. В разговорах я в шутку немного провоцировал собеседников, говоря, как же так, обычно губернаторов обвиняют во всех грехах и бедах, даже в плохой погоде, критикуют и нещадно ругают. Мне же неизменно отвечали в том духе, что «мы не видим оснований, появятся, вот тогда и будем ругать». Люди работают, им некогда заниматься чепуховой фрондой. Я вообще отметил, что такое вот настроение – «всё в наших руках!» – очень характерно для Севера. И этот жизненный позитив очень заразителен и не может не радовать.

– Один прозорливец как-то сказал, и эти слова постепенно превратились в поговорку: «Кто владеет Севером (Арктикой), владеет и миром». Геологические процессы последних десятилетий сделали это высказывание крайне актуальным. Ледовая шапка Северного ледовитого океана постепенно тает и довольно быстро уменьшается в размерах. Для северных стран открываются новые огромные экономические, да и стратегические геополитические возможности. Это и доступ к колоссальным, уже разведанным запасам углеводородов, плюс возможность получать исключительные выгоды от открывающегося для круглогодичного международного использования Северного морского пути. Что характерно, уже слышались истерические причитания разного рода североамериканских аналитиков, в том числе и военных, поднимающих пока ещё не слишком громкий, предостерегающий вой: «...мы проигрываем Арктику русским, у них самый большой в мире ледокольный флот, эти наглые русские строят в Арктике военные базы и опорные пункты, нельзя допустить, чтобы ими контролировался открывающийся Северный морской» И т.д. и т.п. в том же духе. Честно говоря, даже не очень ясно, чем вызвано это нервное беспокойство англосаксонских стратегов.

– Ещё когда я служил в разведке и позже, когда был директором РИСИ, мы получали данные о том, что в реальных планах расчленения России (они действительно существуют и над их реализацией методично работают наши «партнёры»), на одном из первых мест стояла, да наверное и стоит, задача по освобождению Арктики от Российского присутствия. Самыми разными методами и способами, включая военные. И то, что в последние 8–10 лет наше руководство занимается возвращением нашего военного присутствия в Арктике, говорит о том, что наше руководство со вниманием и пониманием от-

неслось к этим планам и мечтам геополитических противников. Здесь же масштабное переоснащение ледокольного флота, в том числе и атомного, портов, строительство самых современных арктических баз. И пока ситуация складывается в нашу пользу, причём с огромным запасом. У нас в наличии 40 мощных действующих ледоколов, у США – 2. Россия – единственная в мире страна, имеющая атомный ледокольный флот, в составе которого 4 действующих ледокола и один атомный лихтеровоз-контейнеровоз и 4 заложены и должны быть введены в эксплуатацию до 2023 года. Тут, собственно, и нет никаких сомнений и разночтений: Арктика это не только гигантская кладовая углеводородных ресурсов и природных ископаемых, но одна из важнейших стратегических точек на геополитической карте мира. Пока всё хорошо. В нашу пользу. Однако нам следует не почивать на лаврах, а продолжать целенаправленно и методично делать своё дело, продолжать эту линию, укреплять и модернизировать Север. Чтобы ни у кого не появлялось опасных иллюзий и легкомысленных планов.

Есть ещё один момент, на мой взгляд, совершенно необходимый для развития Арктических областей нашей огромной страны. Я имею в виду восстановление исторической памяти. Без этого тоже невозможно выработать правильный подход к восприятию Севера. Надо чтобы люди вспомнили, что мы, Россия, на Севере не вчера появились, колонизируя народы Севера, как представляют это дело наши западные доброхоты. Россия на Севере присутствует уже веками. Обдорску, так раньше назывался Салехард, уже 430 лет. Он был заложен русскими казаками. Конечно же, необходимо вести упорную работу по возвращению старых имён, названий, топонимов. Например, «Северная земля» была открыта русским исследователем Борисом Вилькицким. Он назвал её «Землёй Николая II». Большевики, конечно, не могли допустить такого географического названия, кроме всего прочего постоянно напоминаящего всем о злодейском, изуверском убийстве последнего Императора, его семьи и верных слуг. Поэтому взяли и переименовали в «Северную Землю», хотя потомки Вилькицкого сегодня утверждают, что, даже умирая, он просил сделать всё возможное для возвращения на карту прежнего названия. То, каким он по праву первооткрывателя назвал эту землю.

– **Итак, противостояние с Западом на Севере, судя по всему, абсолютно неизбежно. Это, как говорил один мелкий журналист и неудавшийся адвокат, «Объективная реальность, данная нам в ощущениях».**

– Так оно уже идёт. Они пока работают через своих союзников и финансируемые ими компании: Канаду, Норвегию, экологические организации. Все эти многочисленные гранты, встречи, международные симпозиумы с участием представителей коренных народов Севера. Ведётся чёткая, планомерная и хорошо продуманная работа в нужном направлении. Это стратегическая линия, работа «в долгую». Зачастую на этих встречах обсуждается якобы участие норвежцев, канадцев, даже каких-то никому не известных американцев в освоении нашего Севера. Именно поэтому нам надо быть внимательными, восстанавливать историческую память, исторические названия (в них фактически закреплён наш приоритет). Проводить международные конференции, помогать учёным, изучающим историю русского освоения Севера и исследующих взаимодействие русской культуры и культур народов Севера, издавать научные монографии, а главное, разработать продуманные обучающие программы, начиная с первых классов начальной школы. Если мы не будем работать с нашими людьми, с ними будут работать другие, но цели этих грантодателей будут направлены на раздор и разрушение. Вот я сегодня высказал немало оптимизма по поводу изменившейся к лучшему жизни на Севере. С другой стороны, есть все признаки того, что, занимаясь конкретными, прежде всего экономическими, задачами, руководители северных регионов недостаточно заботятся об идеологии, восстановлении исторической памяти, даже не понимая вполне, насколько это важно. Ведь, обратите внимание, во многих западных странах, особенно ярко это проявляется в странах восточной Европы, существуют и хорошо финансируются из бюджета и разных фондов институты исторической памяти. А чем занимаются эти институты мы прекрасно знаем – интерпретацией истории в выгодном свете, а попросту говоря, исторической фальсификацией, что особенно ярко проявилось в возмутительных и наглых попытках тотального пересмотра итогов Второй мировой войны.

Я согласен, экономика, условия жизни граждан очень важны. Но без исторической памяти мы ничего не добьёмся. Наше историческое сознание разорвано. Вот уже сто лет. Может быть, пришла пора создать институт исторической памяти и в России? Не делая этого, не работая в направлении восстановления исторической памяти, мы создаём условия для проникновения чужой, разрушительной для нас идеологии.

Беседовал Илья РЯБЦЕВ

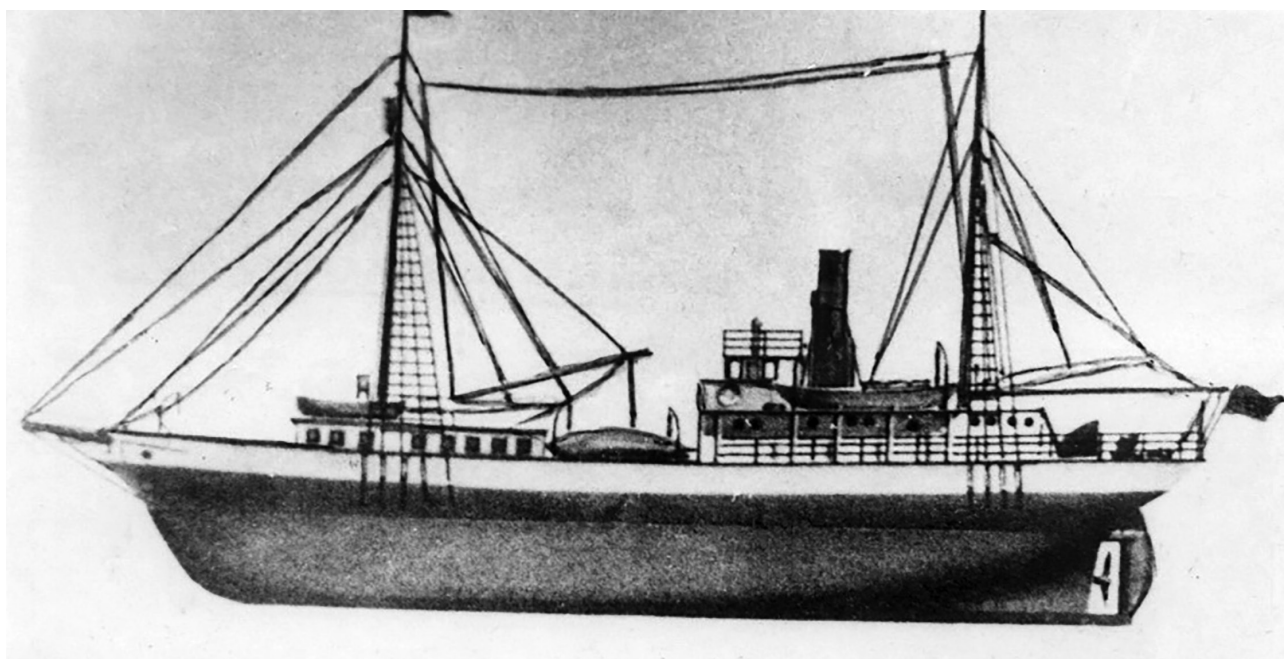
Первое советское научно-исследовательское судно (нис) Севера «персей». Картина художника в.Е. Войшвилло

Олег ХИМАНЫЧ

Судьба «Персея»

Никак не могла поморская Онега стоять в стороне от корабельных дел. Была в том хозяйственная необходимость или, как принято ныне говорить – существовала объективная экономическая потребность. Конечно, и до Указа царя Петра – «Морским судам быть...» русский человек таковые суда строил – крепкие, надёжные, на которых не то что из варяг в греки, а даже на Шпицберген ходить отваживались. И стояли по всей речной и озёрной России частные верфи и плотбища. Повеление же царя-реформатора от 25 октября 1696 года лишь возводило кораблестроение Отечества в ранг государственного дела и политики.

«Где, кто изберёт способно место...»

Читаем «Объяснение о судовом строении XVIII века»: «В Онеге строятся речные и мореходные суда длиною по килю от 30 до 66 футов». Сказано это о местном частном судостроении. Основу его составляли временные верфи – их-то и называли плотбищами. Строились они там, «где кто изберет для себя способное место». К слову, в XVIII – первой половине XIX века в Архангельской губернии, по данным ветхих архивов, насчитывалось более 20 плотбищ. Так вот и в Онеге они были. Создавали и владели ими люди из различных слоёв населения, и масштаб судостроения каждой зависел от материального достатка владельца. Так, крестьянские временные верфи существенно отличались от купеческих. Уже после Указа Петра переименовать поморский судострой на европейский манер купеческие брались за фрегаты, барки, бриги, флейты, галиоты и гукоры грузоподъёмностью от 50 до 240 ластов, длиной от 14,5 до 40 метров, шириной от 7,5 до 10,5 метров. На крестьянских плотбищах дела затевались скромнее: наряду с парусными судами грузоподъёмностью 8–30 ластов, на воду спускали традиционные для поморов парусно-гребные суда – лодьи, кочи, шняки, ёлы. Мастера ладили их в Кожине (Кожозерье), Лямце, Малошуйке. Сохранилось, кстати, и одно из самых первых упоминаний о таковых, когда по летописной книге купец Пётр Дьяков устроил корабельное плотбище в самой Онеге. 11 февраля 1797 года он обратился в губернское правление с просьбой разрешить «производить при городе Онеге по верхнюю сторону онога в вычищенном мною праздном подоле реку Онегу в угоре месте новое мореходное судно».

Корабли на Русском Севере традиционно и в подавляющем большинстве именовали в память православных Святых. И, к слову, особенно почи-

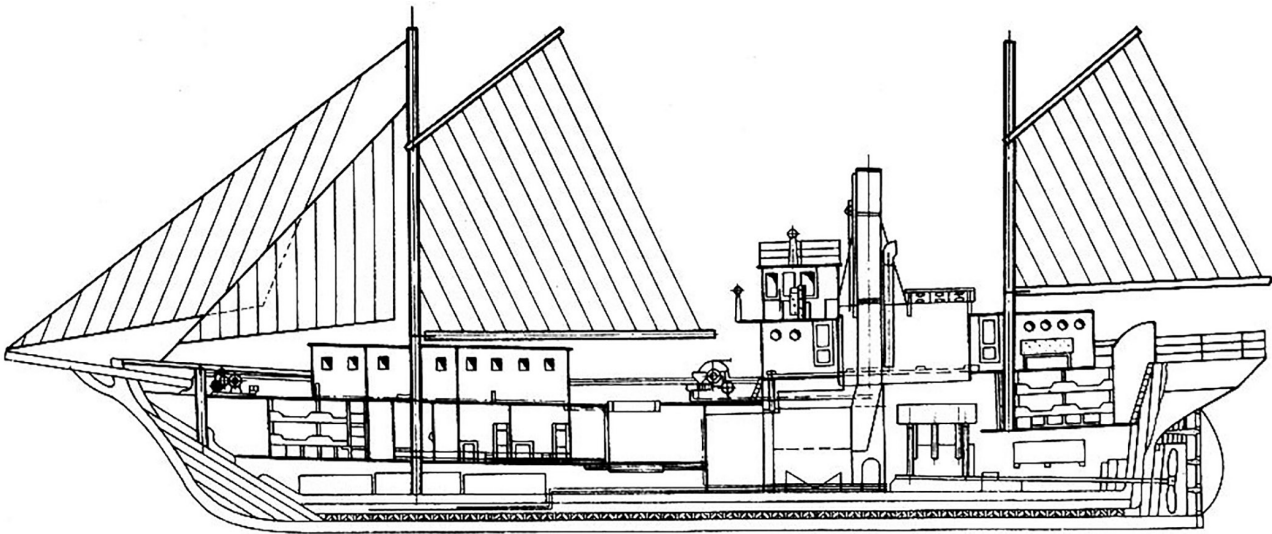
тался при этом Святой Николай – покровитель мореходов. Оно и понятно. Северное море ласки никогда не источало, напротив – никогда не скрывало от человека своей враждебной сути. Поэтому, отправляясь под парусом на промысел или по торговой нужде, северяне, нарекали судно и, как бы вверяли свою жизнь заступникам небесным. «Святой Андрей Первозванный» кемчанина В.Околышникова и «Святой Фёдор» известных кемских предпринимателей К. и А.Амосовых. «Святой Андрей Первозванный» имелся, между тем, и у Антоново-Сийского монастыря, а строил его знаменитый Кирик Никонович Плешуков. «Святой апостол Павел» Осипа Карлукова, «Святой Антоний» Михайлы Стукачева. Или вот – «Святой Елисей» – наречённый, надо полагать, в память о преподобном Елисее Сумском – божьем человеке из Сумского Посада. Все эти и множество других «святых имён» сохранили для потомков время и летописцы.

И всё же сложилось так, что в популярную морскую историю России онежане, образно говоря, памятно вплыли на двух построенных ими судах. Причём названия-то их оказались далеки от традиционно поморских, были позаимствованы из древней греческой мифологии – «Андромеда» и «Персей».

Подсказка Колина Арчера

«Андромеду» построили в 1911 году корабельных дел мастера из Малошуйки по заказу местного и очень известного в Архангельской губернии Василия Ивановича Могучего – предпринимателя из Кушереки. Однако вскоре судно унаследовал его приёмный сын – Епимах Васильевич. Ему же отошли ряд промысловых факторий по мурманскому берегу и несколько небольших судов частного флота. Епимах Могучий имел также интерес к портовому хозяй-

Научно-исследовательское судно «Персей» (рисунок) и схематический разрез внутреннего обустройства

Из архива Олега Химанюча

ству и торговым рядам в самом Архангельске, вёл дела с норвежцами и в целом, можно сказать, род его занятий в основном нацеливался на море. К тому же для своего времени он был все-сторонне образованным человеком, чтившим не только поморские традиции, но и европейскую культуру.

Что представляла собой «Андромеда»? Относительно крупная для онежских мест двух-мачтовая однопалубная парусно-моторная шхуна с деревянным корпусом, обшитым дубовым «поясом». Длина её – 22–23 метра, ширина – 6,7 метра. Указывается полная регистровая вместимость – 131,9 тонны. Помимо парусного вооружения, «Андромеда», которая, кстати, дооборудовалась в норвежском Харстаде, в дополнение к парусам имела и паровую машину двойного расширения, правда, небольшой мощности – 100 индикаторных сил. На чистой воде под полными парусами и парами судно развивало ход в 6,4 узла.

В разных источниках назначение судна указывается по-разному. В одних – зверобойная шхуна, в других – рыболовная, но, если быть точным, «Андромеду» Епимах Васильевич эксплуатировал, как наживочное судно. Это достаточно редкий тип судов, и связан он с применением на рыболовном промысле ярусов (снастей с рыболовными крючками), когда для добычи крупной морской рыбы, той же трески или зубатки, требовалось немалое количество наживки. По задумке Могучего, «Андромеда» должна была поставлять на рыбацкие становища эту самую наживку, причём, с ранней весны и до поздней осени. Именно поэтому при строительстве деревянной шхуны применялись «норвежские технологии»: корпусу придавали выпуклую или лучше сказать – слегка яйцообразную форму. Благодаря ей, при сжатии судно не противостояло напиранию льдам своими рёбрами-шпангоутами, а как бы «выскальзывало» из опасных объятий на поверхность. Такую форму корабельного корпуса изобрёл норвежец Колин Арчер, создавая для

Фритьофа Нансена его знаменитый «Фрам». Позже его опыт распространился и в России. Разумеется, «Андромеда» без особой опаски могла ходить и на зверобойный промысел, но на момент своего создания задумывалась, как наживочное судно.

В популярной истории Русского Севера «Андромеда» главным образом упоминается в связи с трагическими событиями, когда в Ледовитом океане исчезли сразу три русских экспедиции – Георгия Седова на «Святом мученике Фоке», Владимира Русанова на «Геркулесе» и Георгия Брусилова на «Святой Анне». Тогда, в 1913-м «Андромеду» государственное ведомство зафрахтовало для поисков пропавших полярников, а команду судна возглавил Григорий Иванович Поспелов, кстати, уроженец онежского села Ворзогоры. Впрочем, это несколько иная тема...

Своё второе, и в большой степени схожее с «Андромедой» судно, Епимах Васильевич назвал – «Персеем». Онежане принялись его строить в 1916-м. По большой удаче сохранилось письмо Е.В. Могучего, проживающему в Архангельске к Степану Григорьевичу Кучину – отцу знаменитого полярного исследователя А.С. Кучина (Ещё одно удивительное пересечение человеческих судеб. – Прим. О.Х.). Ему Епимах Васильевич доверил начать постройку. Датировано письмо 3 ноября 1916 года, и способно удивить современного обывателя, как деловым стилем, принятым в ту пору, так и особой учтивостью:

«Многоуважаемый Степан Григорьевич!

При сём предлагаю вам доверенность на заготовку леса в Онеге для постройки парового парусного судна «Персей». Для этого Вы заарендуете у города место для леса вблизи, где будет строиться судно.

Под леса на подмётину за пошлину купите сухостойного леса, а для закрышки леса к лету нужно с завода или напилить досок. Лес прошу заготовить согласно сметы, а коры старайтесь, чтоб были очень закомлисты, ничего, что

будут не гладкие. Так, пожалуйста, прошу Вас потрудиться, последить повнимательнее и чтобы подрядчики, нанятые Вами, были люди не вертлявые, а возили бы лес согласно размера.

Длина судна предполагается 120 футов по килю. Надеюсь, что всё Вами будет сделано хорошо. Деньги по требованию вышло, теперь перевожу 3 000 рублей.

С совершеннейшим почтением Е.В. Могучий».

А как строили «Персей» – история вообще особая...

В устье Онеги

Онежский краевед-исследователь Алексей Крысанов сообщает несколько любопытных подробностей, а главное – имена онежан, причастных к созданию «Персея».

Лес и коры заготавливали крестьяне Подпорожской волости Онежского уезда, подрядившись на эти работы за 6 тысяч рублей. Материалы свозили на лошадях к устью Онеги ниже того места, где сейчас стоит пристань и, кстати, установлен памятный знак «Персею».

Строительством руководил инженер Василий Федорович Гостев – житель Архангельска, уроженец Нименьги, и его помощник Михаил Иванович Бачин из Кушереки. Последний значился в должности прораба. Известны и другие строители «Персея» – крестьяне из поморских сёл – Малошуйки, Нименьги и Кушереки: А.Г. Котолов и П.Ф. Котолов, И.С. Максаков, Е.Н. Гурьев, М.Н. Чучин, П.С. Жданов, И.Я. Антонов, И.К. Богданов, П.М. Завьялов, братья И.Ф. и Е.Ф. Чучины. С шаблонами и мерками для оковки судна работал М.В. Зотов из Тамицы, болты и шайбы изготовили онежские кузнецы И. Ушинский, А.В. Беляков, М.А. Лебедев.

Готовый корпус «Персея» спустили на воду в июне 1919 года. Старожил Онеги П.Дьячков засвидетельствовал, как это происходило. Любопытно, но торжества тогда не получилось. Во-первых, не разбилась с первого раза бутылка вина, которой по обычаю «крестили» судно.

Потом сломалось бревно-рычаг ручного ворота, и спуск вообще отменили. Как и банкет по этому же поводу. Только через три дня судно оказалось на плаву, а ещё через две недели его отбуксировали в Архангельск...

В устье Двины

Декрет Совета Народных Комиссаров. Москва. Кремль. 10 марта 1921 года. Самый первый его пункт (сохранена орфография тех лет. – Прим. О.Х.):

«В целях всестороннего и планомерного исследования Северных морей, их островов, побережий, имеющих в настоящее время Государственно-важное значение, учредить при Народном Комиссариате Просвещения Пловучий Морской научный Институт с отделениями: биологическим, гидрологическим, метеорологическим и геологическо-минералогическим».

Подпись под документом – **Председатель СНК Ульянов (Ленин)**.

Сотрудники упомянутого морского института в том же 1921 году отправились из Архангельска в первую свою экспедицию – на ледокольном пароходе «Соловей Будимирович». Однако это был мощный грузовой транспорт с усиленным корпусом, довольно тяжёлый и совершенно непригодный для ведения научных изысканий в море. Вот тогда-то и возникла мысль – построить для исследовательской работы специальное экспедиционное судно, каких, к слову, в российском флоте до той поры не существовало вообще.

Посёлок судоремонтников Лайский Док и сейчас числится заштатным, и в начале 20-х прошлого века, несмотря на свою близость к Архангельску, был таким же. Именно здесь, в тихом устье таёжной Лаи, «Персей» простоял несколько лет. Октябрьская революция, а затем интервенция и Гражданская война вмешались в судьбу этого судна онежских корабелов. Конечно, в такие тяжкие и поворотные для страны времена Епимаху Могучему уже было не до промыслов

Научно-исследовательское судно «Персей» выходит в свой первый научный рейс. Фото из собрания Александра Сидорова (Архангельск)

и коммерческой деятельности. Он эмигрировал в Норвегию, перебравшись в эту страну вместе со своей «Андромедой». А корпус недостроенного «Персея» приняли тихие воды затона, более того со временем они стали его одолевать. Корпус принял воду внутрь и подсел на речной грунт. Вообще, неизвестно, чем бы закончилась история «Персея», если бы на него не обратили внимание сотрудники морского института.

На Архангельском судоремонтном заводе – так называлась в ту пору будущая «Красная кузница» – проводить какие-либо работы на «Персее» отказались, но разрешили, правда, на время поставить его корпус к своему причалу. Так что достройка и оборудование судна главным образом велись в Лайском Доке местными мастерами.

Разруха в Архангельском крае царил трудновобразимая, а потому машины, такелаж, оборудование для «Персея» собирали, что называется, с миру по нитке. Например, главную машину английской фирмы «Амос и Шрютт», а также паровой котёл решили снять с портового буксира «Могучий», который затонул во время известного взрыва парохода «Барон Дризен» в 1916-м. К 1922-му

«Могучий» лежал на дне Северной Двины у Бакарицы. Его подняли, машину сняли, как, впрочем, и другие вспомогательные механизмы, а ещё и «позаимствовали» у него корпусной металл. Из него рабочие Соломбальской механической мастерской изготовили танки для пресной воды.

В своих поисках строители «Персея» оказались на знаменитом (на то время) архангельском корабельном кладбище, именуемом местными жителями не иначе как «собачьей дырой». Там они обнаружили один из русских миноносцев, сняли с него турбодинамо и рулевую машину, а с такого же брошенного посылного судна демонтировали генераторы, часть судового такелажа и даже... паровой свисток.

Броненосец «Чесма» тёмной громадой возвышался в затоне Бакарицы. С него на «Персей» перенесли аварийное турбодинамо, часть осветительной арматуры, кабелей и часть другого электрооборудования.

Со старых кораблей, а их в устье Двины после эвакуации белогвардейцев и интервентов осталось великое множество, будущему научно-исследовательскому судну достались брашпиль, якоря, якорные цепи, кнехты, вентиляционные трубы.

Но самой дальней командировкой создателей «Персея» стала поездка в Чёшскую губу Печорского моря. Здесь зимой 1921–1922 года сел на камни ледокол «Лейтенант Дрейер». Побережье губы – тундровое, малозаселённое, и

добраться до полузатопленного ледокола в конце концов удалось лишь на оленьих упряжках. Этим же транспортом вывезли компасы, ещё кое-что из навигационного оборудования и даже часть мебелировки.

За демонтированные механизмы и оборудование никто и никому не платил. Составляли простейший акт: то-то и то-то взяли там-то. И всё!

Покажется невероятным, но, как вспоминали потом ветераны, никаких смет не составляли, не было никаких специальных бюджетных ассигнований на создание судна. Его строили каким-то, возможным только в России, народно-государственным «самопадом».

Хотя попытки внести мало-мальски надлежащий порядок в отчётность всё же были. В договорах на выполнение работ, например, фигурировали денежные суммы, которые в день расчёта заменялись на продуктовый эквивалент. Расплачивались продуктами из запасов, выделенных первым советским полярным экспедициям, – мукой, солёной треской, сахаром, чаем, перцем... Но самой ходовой «валютой» были сгущенка, табак и, конечно, спирт – его выделяли в качестве премии за особо трудные и срочные работы.

Стендовые испытания машины «Персея» проводили на Соломбальском судоремонтном заводе летом 1922 года. Механизмы буксира, отлежавшего шесть лет под водой, тщательно перебранные и отлаженные механиками, «стучали» отлично. Рамы для драг и тралов «отковали» кузнецы всё той же Соломбалы, а вот работы, связанные с деревом и монтажом, велись в Лайском Доке. Сюда везли высокосортную сосну, дубовые доски для защитного ледового пояса, железные шины и листы для нижней корпусной части и форштевня. Часть научных инструментов, в частности батометры, изготовили в небольшой мастерской по металлоремонту.

Непреренно нужно назвать тех двинских помощников-умельцев, чьими стараниями строился корабль науки. По-прежнему руководил работами мастер В.Ф. Гостев. Плотничали братья Скачковы и И.И. Карпов из Лайского Дока. Машиной «Персея» занимались соломбальцы – судовые механики А.Н. Волков и А.М. Елезов, котельщики Ф.В. Грачёв и Ф.И. Жиров, архангельские инженеры А.С. Воронич, В.П. Цапенко, П.К. Божич.

Так и строилось, оборудовалось «с миру по нитке» в Усть-Двинье первое советское научно-исследовательское судно. А, что, в конечном счёте, получилось?

С выстреленным бушпритом...

В итоге «Персей» явился двухмачтовой моторно-парусной шхуной общим водоизмещением

Капитан Н.Н. Замятин – один из тех, кто командовал «Персеем» до начала войны. Фото из архива Олега Химаныча

550 тонн. Длина – 41,5 метра, ширина – 8 метров. В целом, как и у «Андромеды», корпус «Персея» формировался по техническим заповедям Колина Арчера. Деревянный, снаружи по ватерлинии обшитый дубовым защитным поясом, изнутри он подкреплялся практически сплошным набором и очень толстыми шпангоутами. Дополнительно к ним на уровне ватерлинии были установлены 17 крепких бимсов с мощными кницами. Скошенный форштевень и скулы «Персея» оковали железными шинами с той же целью – противостоять льдам. В общем, во льдах такой корпус, безусловно, являлся благом, а вот на штормовой волне его округлые формы оборачивались бедствием – судно нещадно качало, валяло с борта на борт переменными кренами до 45 градусов.

Паровая машина «Персея» имела мощность в 360 лошадиных сил. В придачу к ней – две динамо-машины, пять помп и угольный бункер на 85 тонн. Расход угля составлял примерно 6 тонн в сутки. Поэтому топливо брали ещё и на среднюю палубу и бак, в мешках. Для пресной воды имелись семь цистерн общей ёмкостью 37 тонн. Машине судна и команде этих запасов хватало на 16–17 суток.

В качестве вспомогательного двигателя, судно несло гафельное парусное вооружение – кливер, стаксель, триксель и грот. Молодцеватый облик «Персея» отличался ещё и далеко выстреленным бушпритом, а также наблюдательной «бочкой» на самой верхотуре фок-мачты.

Помимо навигационной и жилой рубки проектом переоборудования предусматривались ещё и лабораторные помещения – ближе к носовой части палубы. Здесь размещалась библиотека и пять лабораторий. Но и этого учёным показалось мало, и они заняли для своих нужд ещё несколько, иначе не скажешь – закутков в кормовой

рубке. Для океанографических исследований судно оснастили паровой и электрическими траловыми лебёдками, траловыми дугами, специально предусмотрели и лотовые площадки.

Команда судна состояла из 24 моряков, в плавание брали 16 учёных, итого – 40 человек. Разумеется, теснота на «Персее» царилась неимоверная! Каюты, за исключением капитанской и начальника экспедиции, были двух- или четырёхместные, с двухъярусными койками, крохотными столиками, шкафчиками и рундуками, большинство кают – без иллюминаторов. Благом считалось то, что на судне имелись турбина и трубы принудительной вентиляции.

«Бразилец» на рейде

27 июня 1923 года состоялся первый пробный рейс «Персея» – своего рода сдаточные испытания. Моряки хотели посмотреть, как будет ходить новое судно в полном грузу, и потому «Персей» доставил из Архангельска в Кандалакшу... партию соли в мешках. А вскоре на его мачте затрепетали не только лоцманский, государственный, но и экспедиционный флаг: судно уходило в первый исследовательский рейс.

С экспедиционным флагом вышла целая история. Рассказывают, что когда «Персей» впервые стал на рейде Архангельска, многие, увидев на нём звёздно-синий флаг, решили, что он обозначает государственную принадлежность корабля, и по городу пронёсся слух – к нам прибыло судно из... Бразилии! Горожане потянулись на набережную посмотреть на диковинный корабль, ведь гости из Южной Америки в ту далёкую пору, впрочем, и сейчас в Белом море практически не появлялись. Действительно, в бразильском государственном флаге присутствуют как звёзды,

Научно-исследовательское судно «Персей».
Фото из архива Олега Химаньча

так и цвет ночного неба, и не удивительно, что несведущие увидели в «Персее» пришельца из Южной Америки.

Меж тем, история появления экспедиционного флага началась ещё в пору строительства «Персея» в Лайском Доке. Специальный научно-экспедиционный корабль был в полном распоряжении Плавучего морского научного института (ПМНИ). Возник и вопрос, под каким «ведомственным» флагом ему ходить по океану? Эта мысль увлекла, в первую очередь, молодых сотрудников. Возникли проекты, многие из которых поначалу отвергались. Наконец один из участников экспедиции, Владимир Михайлович Голицын, предложил вариант, что устроил всех. Надоумило же его само название корабля. Придуманый Голицыным эскиз флага выглядел так: вдоль внутренней шкаторины полотнища располагалась узкая белая полоса с синими буквами – ПМНИ (будущий ПИНРО. – *Прим. О.Х.*), а на ярко-синем поле флага – семь главных звёзд созвездия Персея. Трактовка символов сводилась к следующему: Персей – отважный мифический герой, бесстрашно отрубивший голову ужасной Горгоне, является символом победы добра и света над злом и тьмой. Так и корабль «Персей», не страшась опасностей, должен исследовать океан, поднимать тёмную завесу человеческого незнания.

Нужно сказать: поначалу под звёздно-синим вымпелом ходил только «Персей», а потом уж и все суда Института морского рыбного хозяйства и океанографии СССР. Более того, эскиз, выполненный тогда художником-любителем, лёг в основу не только экспедиционного флага, но и эмблемы на обложках всех печатных трудов института.

Трудяга океана

Итак, 19 августа 1923 года «Персей» отправился в свой первый исследовательский рейс. Первый капитан судна – Павел Ильич Бурков, уроженец острова Мудьюг, потомственный мореход. Экспедиции поручалось выполнить так называемый гидрологический разрез по 41 меридиану, от Мурманского берега на север до самой кромки льдов. После этого судно должно было взять курс к мысу Желания и спуститься к югу вдоль побережья Новой Земли.

«Работы по 41 меридиану начались 23 августа, в хорошую солнечную погоду, – вспоминает один из участников того рейса Всеволод Аполлинарьевич Васнецов. – После мутноватой бутылочно-зелёной воды Белого моря было приятно опускать приборы в прозрачную голубую атлантическую воду. Белый диск Секки, которым определяют прозрачность, по мере погружения синел и исчезал из вида на глубине 10 метров...».

Станции, так называют учёные, запланированные останки в океане для исследований, «Персей» делал через каждые 30 миль. На каждой из них определялась глубина и температура воды, её солёность и химический состав, брались пробы грунта. В ход шли планктонные сетки, трубка Эккмана, трал Сиксби, драги различного назначения...

В том рейсе «Персей» достиг кромки льдов на широте 80 градусов 07 минут. Произошло это 30 августа. Несколько дней затем судно курсировало вблизи архипелага Франца Иосифа...

Потом выдался крепкий шторм, трудный путь к Новой Земле на угольных остатках топлива и полуторамесячная стоянка в Белушьей губе. К тому же из-за отсутствия электричества замолк и радиопередатчик – связь с большой землёй оборвалась. Однако и эту вынужденную стоянку в новоземельской бухте учёные решили использовать для детального её изучения, промеров глубин и подробной описи её берегов.

Экспедицию выручил тогда гидрографический пароход «Мурман», случайно зашедший в Белушью губу. Через его радиостанцию учёные, наконец, установили связь, и через несколько недель пароход «Сосновец» доставил уголь для «Персея». Первый научный рейс первого советского научно-исследовательского судна завершился 23 октября в Архангельске.

Всего же за свою историю, источники здесь разнятся, «Персей» совершил от 80 до 99 научных рейсов. Исследования с его палубы и бортов велись в Белом, Баренцевом, Карском, Норвежском и Гренландском морях, в районе Новой Земли, Земли Франца-Иосифа, Ян-Майена и Шпицбергена.

В этих рейсах начинали свою научную деятельность будущие светила отечественной океанографии В.Г. Богоров, Л.А. Зенкевич, Н.Н. Зубов, М.В. Клёнова, И.И. Месяцев, А.И. Россолимо, В.К. Солдатов, А.А. Шорыгин, В.В. Шулейкин и многие другие.

Карские ворота – пролив, открывающий Арктику с запада. На основном его фарватере, как указано в лоции, глубины от 52 до 119 метров. Однако есть и места, где судоводителю не помешало бы поостеречься. Среди них – банка Персей с отметкой 7 метров. У гидрографов случайно обнаруженные отмели принято называть именами кораблей, которые первыми их «прощупали», и даже неважно чем – лотом, якорем, а то и собственным днищем. В 1927 году в проливе работал «Персей», и его экспедиция открыла эту отмель, или банку – как чаще принято говорить. В лоции Карских ворот, наряду с банкой Прокофьева, она описывается, как наиболее большая, мористая и опасная...

И ещё трижды именем «Персея» венчали северные гидрографы свои открытия. Есть залив Персея на острове Вильчека, что в архипелаге Земля Франца Иосифа. Надалёком Шпицбергене его именем назван один из ледников. А на карте западной части Баренцева моря пылливый взгляд штурмана отыщет подводную возвышенность Персея.

Умереть, чтобы родиться

Из хроники Великой Отечественной: «10 июля 1941 года. В Мотовском заливе авиацией врага потоплен дрейфтер-бот «Персей»...

С началом войны множество торговых и промысловых судов были мобилизованы для нужд Военно-морского флота. Научное судно

**Памятная стела
строителям
«Персея» в Онеге.
Фото Олега
Химаныча**

«Персей» оказалось в их числе, и тогда же его переклассифицировали в дрейфтер-бот. Всего восемнадцать дней ему было суждено таковым оставаться...

Строки из воспоминаний известного северного капитана Германа Васильевича Беркуля:

«В середине сентября пароход «Сорока», на котором я был командиром, вышел из Архангельска в направлении полуострова Рыбачий. Чтобы не быть торпедированным, приходилось непрерывно менять курс. С Кильдинской Салмы уже в наступивших сумерках мы проследовали в сопровождении военного катера. Подошли поздно вечером к Рыбачьему, на полном ходу проследовали вблизи высокого берега Мотовского залива, прижимаясь к нему правым бортом. Находящиеся на противоположном берегу залива немецкие батареи простреливали пролив насквозь. При полном затемнении корабля и без ходовых сигнальных огней спокойно вошли на рейд губы Эйны, стали на якорь. На рассвете при полном приливе мой взор невольно остановился на двух мачтах и трубе, которые торчали из-под воды неподалёку от нашей стоянки. Это был «Персей». Я сразу же

узнал его по белой полосе – марке на трубе с чётко выделенным вымпелом Плавморнина. – На фок-мачте судна ещё уцелела обсервационная бочка, предназначенная для наблюдений за ледовой обстановкой и горизонтом во время плаваний... Высоко в небе над губой Эйны кружил неприятельский разведывательный самолёт. По-видимому, на малой воде были хорошо видны уцелевшие надстройки, рангоут и корпус затопленного судна...

Но «Персей» не погиб. Сапёрная рота построила причал, где корпус этого корабля послужил опорой для основной части пристани. К ней подходили небольшие суда. По корпусу «Персея» к передовой проходили отряды морских пехотинцев, над ним в обратном направлении несли сотни тяжело раненых бойцов, отправляя их на судах в госпитали Мурманска...»

Продолжилась династия

История сохранила имя онежского «Персея» в названиях судов советского флота. В 1949-м звёздно-полосатый флаг ПИНРО взвился над «Персеем-II». Это был бывший минный тральщик, построенный в Германии в 1944 году. По репарациям он, как принято говорить – отошёл к нам, некоторое время служил в Военно-Морском флоте, но затем корабль передали Министерству рыбной промышленности, и тогда же финские специалисты переоборудовали его в научное судно. Оно уже почти в два раза превосходило прежний «Персей» по водоизмещению, имело стальной корпус длиной 63 метра, паровую машину тройного расширения и, конечно, множество приборов и оборудования, о котором первопроходцы довоенной советской океанографической науки даже не могли мечтать. Скажем, на борту имелся подводный обитаемый (!) гидростат, способный погружаться на глубину до 100 метров. На нём, к слову, впервые в мировой практике ихтиологи провели подводные наблюдения за работой промыслового трала, а всего таких научных погружений было организовано 118.

Однако «Персей-II» был паровиком-угольщиком, и его автономность, как и у первого «Персея», в конечном счёте, серьёзно ограничивалась запасами воды и угля на борту. В 1968-м «Персея-II» сменил «Персей-III» – уже крупный (3.035 тонн) промысловый траулер типа «Николай Книпович». Он продолжил династию научных судов, начало которой, положили онежские и архангельские корабли.

***

В 1979-м в Онеге на речном берегу, где строился «Персей», а его плотбище располагалось в те годы недалеко от Погощенской площади, открыли памятную стелу.

г. СЕВЕРОДВИНСК

Олег ДЗЮБА

ЭХО ПЛУТОНИЧЕСКИХ СТРАСТЕЙ

Вулканическим извержениям редко дают имена собственные, ограничиваясь обычно упоминанием года особо бурного поведения огнедышащей горы. В этом отношении событиям, о которых пойдёт речь, без сомнения повезло.

Во всех мировых вулканологических справочниках оно официально именуется «Большим трецинным Толбачинским извержением». Такой чести земной катаклизм удостоился и благодаря редкостной продолжительности буйства недр — начавшееся 6 июля 1975 года извержение окончательно присмирело только через семнадцать месяцев, и благодаря обилию растраченной Плутоном энергии...

После снегопада. Воронки от бомб всё ещё горячи и не держат снег, создавая отдающий мистикой, прямо-таки инопланетный пейзаж

Камчатский «гаваец»

Начну издалека, а если точнее, то с 1755 года от Рождества Христова, когда в книжные лавки Санкт-Петербурга (интересно, а сколько их было на весь Град Петров?) поступил только что сброшюрованный том «Описания Земли Камчатки» Степана Петровича Крашенинникова. Достоверных сведений о том, как встретили петербуржцы новинку, не сохранилось. Можно не сомневаться, впрочем, что бестселлером она не стала. Дороговаты были книги в царстве Елизаветы Петровны! К тому же далеко не каждый, не любой и не всякий обитатель юной тогда «Северной Пальмиры» смог бы сходу ответить, а где же эта самая Камчатка расположена?! И тем более мало кто обратил внимание на абзац, обретший актуальность ровно через... двести двадцать лет после выхода книги:

«Толбачинская гора стоит в стрелке между Камчаткою рекою и Толбачиком (намного более скромным, но тоже бурным и дьявольски красивым водным потоком. – *О.Д.*), курится с давних лет и сперва, как сказывают камчадалы, дым шёл из верху её, но лет за сорок переменился, а вместо того загорелась она на гребне, которым с другой горой соединяется. В начале 1739 году в первой раз выкинуло из того места будто шарик огненный, которым однако весь лес по около лежащим горам выжгло. За шариком выбросило оттуда и как бы облачко, которое, час от часу распространяясь, больше на низ опускалось, и покрыло пеплом снег вёрст на 50 во все

стороны. В то время ехал я из Верхнего Камчатского острогу в Нижней и за оною сажей, которая поверх снегу почти на полдьюма лежала, принужден был в Машуры в остроге дожидаться нового снегу».

Минуло два столетия, а в придачу к ним ещё два десятка лет, и я оказался в восемнадцати километрах к югу от столь красочно обрисованного Крашенинниковым вулкана Толбачик. Первые дни октября сметали с игольчатых лиственниц желтеющую хвою. Северные сопки посверкивали прочно улётшимся на склонах снегом. В полном безветрии долину поглотила тишина и, если забыть про редкие стволы спалённых давним пожаром деревьев и порыжевшие пятна сохнувших на корню, полусасыпанных катаклизмами последних месяцев кедрочковых рощиц, то чернота и уныние ландшафта походила на лунное безмолвие. Для меня уже не было секретом, что именно эти места разработчики первых луноходов в своё время выбрали для испытаний своих самодвижущихся тележек. Чуть подробнее остановлюсь на этом немного позднее, а сейчас попробую припомнить поострее и передать словами приносимые лёгкими колебаниями воздуха попискивание неугомонных горностаев и бесконечное потрескивание с запада, где змеилась, растянувшись уже на несколько километров, пылающая река лавового потока. Необычность происходящего сглаживалась для меня и почти полным безмолвием, и ощущением, что дымный шлейф над Южным прорывом, как прозвали вулкано-

Такие бомбы Толбачик обрушивал
на вулканологов

логи тот эпизод извержения, подле которого я наслаждался камчатской осенью, и огненная масса, растёкшаяся в стороны реки Камчатки, где некогда проезжал Крашенинников, были всего лишь очередным, хотя и феерическим, эпизодом завершавшегося полевого сезона Института вулканологии – сезона, необычайного по размаху пришедшихся на него катаклизмов, по фантастичности наблюдавшихся и исследовавшихся появлений буйства яростного мира камчатских огнедышащих гор.

...Толбачик, входящий в знаменитую Ключевскую группу вулканов, как и Ключевская сопка, и вулкан Безымянный, относятся к наиболее активным на полуострове. От других своих камчатских собратьев он отличается и тем, что является единственным на Камчатке вулканом «гавайского» типа, для которых характерны стремительные и относительно короткие периоды извержений. «Гавайцы» известны ещё необычайно жидкой и подвижной лавой. На дне кратера Толбачика вулканологи не раз наблюдали пульсирующее огненное озеро. Впрочем... все эти характеристики составлены были, так сказать, по следам былых «плутонических» страстей. Со времён Крашениникова и до ураганного на проявление его необузданного нрава 1975 года Толбачик извергался с десятков раз, но все эти природные безумства обходились почти без свидетелей, поскольку ученых поблизости не имелось, а обитатели сёл в долине реки Камчатки были слишком благоразумны и никогда не приближались к районам вырывавшейся на поверхность Земли энергии недр. Последнее крупное извержение, увы, не дождавшееся своего описателя, произошло в 1940 голу. С тех пор вулкан ограничивался пепловыми выбросами и фонтанами лавы, едва достигавшими кромок кратера.

Неподалёку то и дело пробуждалась Ключевская сопка. Во все каталоги и справочники непременно включался катастрофический взрыв вулкана Безымянного, после которого в посёлке Ключи долго не могли прийти в себя от сухого пеплового «дождя», зачернившего крыши, забившего дождевые трубы и покрывшего улицы таким слоем подземных «даров», что без резиновых сапог долго нельзя было из дома выйти. Близ второго, если считать от Камчатки, острова Курильской гряды Парамушира, увеличил площадь Советского Союза за счёт выползавших в море лавовых мысов остров-вулкан Алаид, а Толбачинский дол продолжал зарастать березняком и кедрчачовым стлаником.

На удобренных пеплом землях разрасталась красная смородина, уцелевшие от валивших некогда сверху пепла и шлака

таёжные полянки и пространства тундры по осени щедро разноцветили шляпки грибов... Оленеводы гоняли мимо подножий Толбачика свои табуны, а туристы, изредка забредавшие в эти края, непременно старались набрать на память вулканических бомб, а если повезёт, то отыскать на склонах клочок-другой «волос Пеле», названных в честь богини огня с тех самых островов, по названию которых именуется толбачинский тип вулканизма.

Такого сувенира нигде, кроме Толбачика, на Камчатке не встретить, а всё из-за стремительной «гавайской» лавы. При извержениях базальтовый расплав разбрызгивался во все стороны в тончайшие струйки и застывал, свиваясь на ветру в окаменевшие клочья или комки стекловидных нитей. В ту доинтернетную эру навести справки о чём бы то ни было, не отражённом в Большой советской энциклопедии, было не всегда просто, так иные из обладателей подобного природного уникаума искренне полагали, что назван он по имени футбольного божка из Бразилии, случайно оказавшегося в тёзках у гавайской родственницы античного Плутона. Отвлекаясь на пару строк, припомню одну камчатскую квартиру, где за стеклом красовались толбачинские «волосы Пеле» рядом с фотографией самого суперзабывалы голов из клуба «Сантос» в городе Сан-Пауло...

«Седлайте коней, господа»!..

Позабывшая про подземные грозы окрестная природа наслаждалась безмятежьем вулкана целых тридцать пять лет, пока в конце июня 1975 года в лабораторию прогнозирования и механизма извержений Института вулканологии не пришла радиограмма с Ключевской вулканостанции. Её весьма многозначительное содержание уложилось всего в несколько строк: *«Рой землетрясений в районе вулкана Толбачик. Более трехсот толчков за трое суток. К месту событий срочно перебрасываются полевые сейсмостанции...»*. Для заведующего лабораторией Павла Ивановича Токарева смысл происходящего был предельно ясен: Толбачик готовится к извержению.

Через несколько дней Токарев приехал в редакцию «Камчатской правды», где я тогда работал, и привёз трёхсотстрочную статью с подробным описанием ближайшего поведения Толбачика, каким его представлял учёный на основе спешно сделанного анализа полученной из Ключей информации. Завтрашний номер газеты был уже практически готов, но мне удалось уговорить редактора отложить впрок уже завершённый в

полосу, хотя и никому, кроме обкома КПСС, не нужный материал о партучёбе в рыбопромысловых экспедициях. Ещё бы: почтенный вулканолог уверял, что извержение начнётся не позднее двух недель после публикации. Токарев полагал, что скорее всего лава изберёт проторённый путь через центральный кратер, но возможен и боковой прорыв магмы. Излагая свои прогнозы посредством партийной печати, Токарев шёл на известный риск, ибо ошибка в предвидении предстоящего толбачинского эксцесса, гарантировала прорицателю на много лет вперёд бесконечный шквал шуточек и язвлений.

В ту пору всё научное сообщество СССР взахлёб читало шутивную повесть братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», в которой описывался сказочный или, как теперь бы сказали, фэнтезийный институт чародейства и волшебства. В этом самом НИИЧАВО, представлявшем из себя ядовитую пародию на большинство советских НИИ, имелся отдел предсказаний и пророчеств, сотрудникам которого – авгурам и пифиям – иногда «...удавалось что-нибудь правильно предсказать, но каждый раз пифии казались такими удивлёнными и напуганными своим успехом, что весь эффект пропадал даром».

В те годы в Институте вулканологии числился в младших научных сотрудниках некий острослов, известный в основном прямым родством с ленинским наркомом продовольствия, якобы падавшим от голода в обмороки. Не снискавший особых достижений на нивах естественных наук, этот персонаж славился ядовитым языком и... разработкой многостраничных методик оценки вклада научных сотрудников в общее дело вулканологии. Шутник уже не раз пытался приклеить Токареву ярлык того же авгура и даже Сивиллы, несмотря на женский пол прорицательницы. В случае осечки с Толбачиком он видимо добился бы своего...

Но Павел Иванович риска явно не страшился и сам рассказал мне в тот вечер про одного из представителей «старой» институтской гвардии, на дух не переносившей геофизиков и сейсмологов, предпочитая оперировать увиденным собственными глазами без датчиков и прочей телеметрии. Тот ядовито сообщил ему, что 31 декабря перед самым боем курантов участники застолья устроили свой собственный прогноз. Полудюжину бутылок шампанского украсили табличками с названиями самых известных вулканов, одновременно лишили пробки сдерживающих проволочных каркасов и стали ожидать, какая из них первой ударит в потолок! Толбачинская бутылка той ночью выстрелила последней, а первой выплеснул

пену на скатерть сосуд с ярлычком «Ключевская». Понятно, что никому и в голову не приходило воспринимать «шампанский» прогноз хоть с микроскопической долей серьёзности, но сам рассказ об этом давал понять, с каким нетерпением ожидали токаревские недруги или просто пустозвоны казавшегося им неминуемым толбачинского фиаско.

...Тем вечером я как раз дежурил по выпуску номера. Оттиск страницы утренней газеты принесли из корректорской поздно, когда уже стемнело и за окном кабинета, выходящего как раз на панораму пригородных вулканов, чуть розовели подрумяненные закатом конусы Коряжской и Авачинской сопки. Над кратером Авачи курчался еле заметный дымок, но в основном она представлялась идиллически спокойной. Впрочем, и Толбачик, виденный мною месяц назад из иллюминатора вертолёт, вполне сходил за образец безобидности. В противовес сомнениям я припомнил столь же тёплый июньский день трёхлетней давности. Тем летом я несколько дней пробыл на базе вулканологов у Карымского вулкана. На третьи сутки стало привычным, что время от времени из-за реки доносился грохот и над кратером начинала торопливо вырастать туча пеплового выброса. Датчики тут же улавливали лёгкие содрогания земли и тут же включали кинокамеру, фиксирувавшую поднебесное зрелище. Кажется, это было первое и единственное в мире применение энергии землетрясений...

Срок командировки истекал, нужно было возвращаться в редакцию. Из города сообщили, что вертолёт будет к вечеру, он и впрямь приземлился часам к четырём пополудни. А едва стихли винты и распахнулась дверца, как геофизик, прибывший сменить предшественника, радостно прокричал: «Ребята, собирайтесь, кто хочет и может! Алаид заработал!».

Призыв звучал риторически, поскольку нежелающих в подобных случаях, как правило, не находилось. Отказываться со ссылкой на предстоящий отпуск или хвори любимой тётки никто бы в здравом уме не стал. Словом, всё почти как в эпизоде времён царствия Николая I, когда император, в разгар бала получивший известие о взбунтовавшихся мадьярах, высочайшей дланью остановил мазурку или какой-нибудь падеграс, со словами: «Седлайте коней, господа, в Будапеште опять революция»!..

Запомнилось ощущение возвышенной обыденности событий, когда любой был готов тут же прыгать в вертолёт, мчась в Петропавловск-Камчатский и на попутном кораблике торопиться то ли через Первый

Вулканологи Анатолий Хренов
и Олег Волюнец

Курильский пролив между камчатским мысом Лопатка и островом Шумшу, то ли через Второй Курильский между Шумшу и Парамуширом – это на усмотрение капитана, а в Охотском море уже рукой подать до сатанинского запаха серы и шипенья застывающих в солёной воде лавовых потоков.

...Толбачик распрощался с тридцатипятилетней тишиной ранним утром шестого июля, вполне уложившись в назначенные Токаревым контрольные сроки.

После отдыха и переформирования...

Первое время, когда к месту прорыва смогли добраться лишь немногие наблюдатели, а оперативную группу «Вулкан», созданную специально на случай подобных экстренных «репримандов неожиданных», погода задержала в аэропорту, не было ещё известно об уникальной особенности происходящего. Никто и предполагать не мог, что на глазах учёных один за другим будут возникать новые конусы новорождённых вулканов, а ввинтившаяся в небо почти до нижних слоёв пепловая туча раскинула через несколько дней свой шлейф на тысячу километров над океаном. В восемнадцати километрах на юго-восток от Толбачика вдоль образовавшейся в земной тверди трещины непрерывно выплёскивались огненные струи. Через сутки кратеры слились в один, но изверже-

ние и не думало слабеть. Вспухая буквально на глазах, приобретая всё более и более правильные геометрические очертания, над землёй воздвигался конус нового вулкана.

Против моей командировки откровенно возражала только погода. Что ни день, то над Петропавловском-Камчатским сгущался туман, развеиваясь только к вечеру, когда светлого времени на полёт уже не оставалось. Прилагавшиеся к нелётью ядовитые словесные шпильки коллег да ироничные взгляды, которыми меня встречали после каждодневных бесплодных возвращений с аэродрома, я предпочитал пропускать мимо глаз и ушей. Ярослав Гашек уверял в своём «Швейке», что всему хорошему приходит конец. К счастью, плохое тоже не вечно, так что и ненастье в конце концов утихомирилось. Внерейсовый Як-40 вылетел в Ключи после обеда и через полчаса за иллюминаторами зачернело взобравшееся километров на десять ввысь облако над новорождённым вулканом.

У стюардессы, для которой на местных рейсах вся работа сводилась к проверке застёгнутых ремней, тут же добавилось забот: все пассажиры левого ряда кресел единодушно повскакивали с мест и прихлынули к правым иллюминаторам, торопясь наглядеться на невиданное зрелище. Все стенания бортпроводницы по поводу нарушения центровки лайнера успеха не принесли и лишь появление второго пилота, застрашавшего публику в салоне штрафами за не

дозволенное в полёте поведение, заставило леворядников слегка уgomониться. Полное же успокоение наступило лишь перед самой посадкой, когда громада Ключевской сопки окончательно загородила облако над юным, но агрессивным отпрыском Толбачика.

Аэродром к Ключах встретил теплом безветренного вечера и надоедливym комариным звоном, которым долина реки Камчатki всегда была печально славна. Отмахиваясь от летучих кровопийц, я провидчески подумал, что таких микровампиров даже вулканы не отпугнут, не подозревая, что на-завтра же столкнусь с этой напастью во всей её кажущейся ничтожной, но вполне реальной силе.

Предстоял ночлег на вулканостанции, впрочем, как пояснила дежурная по ветхому деревянному павильончику, исполнявшего миссию воздушной гавани, ещё оставалась надежды, что вертолёт, работавший сейчас в районе извержения, ещё успеет засветло совершить хотя один рейс к району ранее не ведомого у нас никому таинства появления новой горы.

Ми-4 вернулся за несколько минут до темноты, когда всем ясно стало, что никак не избежать ночлега в гостиничке «Стромболи», пышно названной в честь итальянского островного вулкана в Тирренском море, который за беспрестанную активность и сполыхи над кратером со времён античности обрёл неколебимую репутацию природного маяка.

Гости вулканостанции, которых в эти дни там набралось намного больше постоянных обитателей, за неимением других полезных занятий до поздних сумерек фотографировались у гостиничной вывески и от этого увлекательного занятия их не смог отвлечь даже свист вертолётных лопастей: всем и так понятно было, что до рассвета не улетишь.

Прибывшие с извержения ни малейшего желания делиться впечатлениями не проявили. Пирамиду рюкзаков и ящиков с приборами, требовавшими профилактики или мелкого ремонта, перетаскали по местам хранения, и парни, стряхивая с курток въевшиеся в швы брезента крупинки шлака, отправились на более комфортный, чем вблизи от Толбачика, пересып. На мой вопрос в адрес единственного среди прилетевших знакомого по встречам в институте Юрия Дубика – когда он собирается обратно – последовал отдающий военной терминологией ответ: «После отдыха, переформирования и новых приказов руководства»!

Последний день «Толбачинской Помпеи»

Неразговорчивость прилетевших несложно было понять. Несколько дней без намёка на передышку им пришлось, не прекращая наблюдений, держать позиции в километре от вулкана под ожесточённым шлакопадом.

Образцы глубинных пород берутся сразу после падения адской «посылки» из Преисподней

Тревогу объявили под утро, когда по брезенту палаток застучал шлак. Сначала это побарабанивание никого не смутило, но смена направления ветра, развернувшая шлаково-пепловую тучу в сторону лагеря, предвещала бурное продолжение. Небольшая передышка позволила взлететь заночевавшему вертолёту, но едва он покинул лагерь, как новые куски извергнутой вулканом земной тверди тяжко посыпались с неба, напрочь утратившего синеву.

Не выдерживая тяжести неожиданных даров стихии, падали палатки. Наплывавшие шлаковые дюны грозили поглотить приборы, и в конце концов лагерь остался без воды, поскольку вулкан неумолимо засыпал озёрца, уцелевшие после весеннего таяния снегов в расселинах старых лавовых потоков.

Эвакуировать угодивших в непредвиденную ловушку людей было не на чем, ибо вертолёт не мог прорваться сквозь нависшую над всем районом лагеря пелену из дыма, пепла и того, что скучно называют «твёрдой вулканической фракцией» потяжелей. Последние лужицы были так подкислены пеплом, что пить из них можно было только от безысходности, и на четвёртые сутки никем ещё не испытанной атаки Плутона лагерь пришлось-таки покинуть. На последних перед исходом радиопереговорах с институтом прозвучали слова, тут же вошедшие в легенду: «Пришлите кинооператора снять последний день Помпеи»!

Для археологов будущей эры упомяну, что среди трофеев Толбачика – полевая сейсмостанция, несколько палаток, ящики с консервами и не поддающиеся подсчёту экспедиционные мелочи. Всё это и сейчас безысходно укрыто восьмиметровым слоем шлака в полутора километрах от первого по счёту прорыва 1975 года.

Место для нового лагеря пришлось долго высматривать с воздуха. Искали воду, ставшую вдруг драгоценной, как где-нибудь в пустыне Сахара. А затишье затянулось ненадолго. Не прошло и нескольких дней, как вулкан вновь не обманул надежды приборов и наблюдателей, фиксировавших любое изменение в поведении разгулявшихся недр.

...Вулканические бомбы взрыли шлаковое поле неподалёку от нас. Из кратера вновь выплеснулось пламя, и плавно закружили на высоте светящиеся клочья лавы. Впору было заглядеться, да адские посылки с визгом, как во время атаки «юнкерсов» в военных кинофильмах, понеслись к подножию конуса и, обгоняя друг дружку, словно скутеры на дистанции, прогрызли с десятков борозд на склоне. Мы отступили за скалу, к узкой расселине, которой того и гляди предстояло стать хоть каким-то бомбоубежищем.

Конус вулкана вновь словно задымился от ударов затвердевших во время падения огненных ступков самых невероятных размеров – от калибра гранаты-лимонки до габаритов железнодорожного контейнера. Пыль, взбитая ими в местах падений, тянулась вверх, символически подпитывая бурлящий столб пепла над вершиной. Выброс уходил вправо, но при этом прибавил мощи. Теперь бомбы падали не только на склоны, но и взметывали шлак в сотнях метров от конуса, отмечая точки попаданий округлыми вмятинами воронок.

Скала, которой того и гляди предстояло стать нашей спасительницей, выглядела вполне монолитно, что слегка успокаивало, однако не больше часа спустя я своими глазами видел, как метровая примерно в диаметре бомба – «чемодан» на экспедиционном жаргоне вулканологов – раздробила макушку горки высотой с грузовик. Каска на голове тоже вряд ли выручила бы. Утром, перед выходом в этот маршрут с геодезистами я услышал от непревзойдённого по авторитетности и опыту общения со стихиями вулканолога Анатолия Чиркова, что в случае прямого попадания обладатель защитного шлема уйдёт в то, что условно можно было назвать здешней почвой, по крайней мере на полметра!..

Оценить его висельный юмор я смог только к полудню, успев наслушаться разбойничьих толбачинских посвистов. Впрочем... всем было не до переживаний. Площадка, на которой сотрудники лаборатории геодезии устанавливали отражатель для лазерного светодальномера, была для всех местом работы, порой рискованной, но, безусловно, требующей выполнения. Поэтому, когда вулкан на время оставил наше направление в покое, я вслед за остальными вернулся к приборам.

Эти круглые коробки, начинённые стеклянными призмами, принимали лучи лазеров со стороны лагеря и вершины небольшой соседней сопочки. Геодезистам требовалось определить поверхностные деформации земной коры, по которым можно было предугадать варианты поведения вулкана, судя по всему переживавшего временный кризис. У кромки кратера чётко обозначился расплывчатый треугольник проседавшей зоны.

На связь вышел оператор ближнего светодальномера. Я услышал, что деформация ускорила до пятидесяти сантиметров в час. Не стоило переспрашивать: много это или мало. Речь шла о земле, на которой мы стояли и которую сейчас трудновато было с уверенностью называть твердью.

Из лагеря нашу точку вызвал директор Института вулканологии Сергей Александрович Федотов.

– Да, – отвечали ему, – трещина почти дошла до вершины. Прямой опасности для нас нет. В случае активизации немедленно уходим. Укрытие? Есть... Думаем, что надёжное...

В лицо дышал глубинным жаром нашей любимой планеты вулкан. Около тридцати миллионов кубометров слагали конус. Ещё столько же разлетелось по миру в пепловой туче и выбросах шлака вперемешку с бомбами. Близилась ночь. В сумерках заметно стало, что по склонам катятся просто камни, а толком не застывшие, ещё светящиеся комья лавы. Некоторые задерживались на склонах, другие сбегали до подножья, а там уже тускнели, постепенно теряясь в темноте.

Со скалы нас согноли сумерки. Вести наблюдения за проседанием конуса, за расползанием трещин становилось невозможно. Мы возвращались в лагерь мимо воронок с выглядывавшими из них бомбами, мимо обугленных прутьев кедрача, сожжённого недавним пеплопадом. На пути встретилась вода – чудом уцелевший в маленькой пещере древнего лавового потока крохотный бочажок глубиной с ладонь. Влага, видимо, осталась после весеннего таяния снегов, наполнившего этот природный резервуарчик вместимостью в пару ведер. Больше воде неоткуда было взяться: ни одному роднику не под силу было пробиться сквозь толщу некогда застывшей магмы. Прежде чем напиться, пришлось сдувать с поверхности этой лужицы кусочки пемзы и не по-июльски жёлтые берёзовые листья вперемешку с тоже не по сезону порыжевшей лиственничной хвоей.

За полкилометра до лагеря пришлось доставать из рюкзаков фонарики. Снизу долины Камчатки-реки напал туман. Рядом вдруг послышалось хлопанье птичьих крыльев. Стоило пошарить фонарём в темноте, как его лучик неожиданно зацепил огромного филина. Птица тяжело заметалась в световом пятне, напоминая бомбардировщик, пойманный на подлёте к цели прожектором с земли. Жалея ошалевшую от происходящего «добычу», я перевёл фонарный свет на тропу, но филин словно опасался остаться во тьме. Он грузно приземлился в прогалину между кустами и, ничуть не опасаясь людей, но будто страшая одиночества, тяжело запрыгал вслед за нами. Осторожность вернулась к нему только на подходе к первым палаткам, филин свернул с тропы и затерялся в кедраче.

Все обитатели лагеря, кроме заночевавших на точках наблюдений, собрались на высотке рядом с костром, где стояла на треноге стереотруба.

Федотов выслушал словесный отчёт геодезистов и попросил продолжать лазерные

замеры каждые два часа. Вторая просьба касалась техники безопасности. Директору явно не по душе были стремления некоторых его подчинённых считать экспедицию «Извержение» возможностью пощекотать нервы экстримом. «К риску вам не привыкать, – сказал он, – но не забывайте...». «Не забывайте, что риск – дело подсудное», – вполголоса изрёк кто-то от костра.

По сию пору не знаю, услышал ли Федотов ироничную реплику или сделал вид, что не реагирует на не вполне уместную шутку, но совет его не пропал втуне. На самом извержении, к счастью, никто не пострадал. Вулкан мстил за непочтительность потом – не один и не два участника толбачинской эпопеи после её завершения серьёзно маялись хворьями печени и желудка. С извержением институтская молва связывала и ставшее трагическим обострение болезни одного из сотрудников, которое молва объясняла вынужденной необходимостью пить подкисленную воду и дышать ядовитыми испарениями. Но задним умом все крепки, а тогда о последствиях никто не задумывался в плену эйфории от причастности к происходящему. Сыпали в воду питьевую соду, уповая на реакцию нейтрализации, тем и обходились...

Где рискованней – на Камчатке или в Карпатах?!

В молодые или близкие к ним годы мало кто о чём-то тревожном думает! После директорского острагивающего напутствия мне вспомнился ненароком его же рассказ о студенческой геологической практике в Карпатах.

Время было послевоенное, а на Западной Украине по-прежнему огнестрельное. Бандеровцы шастали по лесам не то чтобы без опаски, но частенько вполне безнаказанно уходили в свои логова после кровавых вылазок. Федотова спасла от вероятных неприятностей канадская кожаная куртка, купленная на барахолке родными специально для полевых маршрутов практиканта. Из-за этой невиданной в «западеньской» глухомани одежды студента Серёжу в деревнях принимали... за парашютиста, прибывшего из-за кордона, и порой даже подсказывали, в какой стороне можно наткнуться на военный отряд, или делились другими столь же деликатными советами.

Лично я бывал в Карпатах в довольно спокойные восьмидесятые годы, поэтому буквально сравнивать степень опасности хождений по горам и пребывания близ вулкана не берусь. Но если припомнить, что творилось на Галичине и поблизости от неё на рубеже сороковых и пятидесятых, то невольно подумается: на Толбачике по крайней мере все знали, с чем имеют дело и чего избегать!

...Словно в подтверждение остерегающих слов Федотова вулкан выбросил исполинский столб пламени. Я прикинул его высоту, ориентируясь по известной высоте на глазах подрастающего конуса. Вышло не меньше двух с половиной километров.

Из темноты вынырнул парень с влажной лентой только что проявленной сейсмограммы. Видимо, сейсмологи высадились днём, когда я вслушивался в посвистывания бомб. Прежняя сеймостанция, доставленная к вулкану в первые дни наблюдений, покоилась теперь под толстым слоем шлака...

– Что ж, ничего тревожного, – оценил сейсмоменту Федотов. – Следующая в час ночи? Сразу же принесите... А вот и Георгий Николаевич! Видите, впервые достигли полной комплексности. Обычно на извержения бросалась лаборатория активного вулканизма. Здесь же и геодезисты, и сейсмологи... Ведутся наблюдения магнитного поля, гравиметрия... А в целом как вам у нас? Не скучней, чем в Дубне!?

– Да уж повеселей, – хмыкнул подошедший от стереотрубы академик Флёров. Знаменитый физик, в честь которого позднее, уже в 2000-е годы назван был 114-й элемент Периодической таблицы, приехал на Камчатку в отпуск и не удержался от соблазна побывать на извержении. – Это не Саксония с её Рудными горами и местной Швейцарией. Красиво, но воображение не поражает.

– А с атомным взрывом сравнится? – справился неизвестный мне голос из мгновенно оформившейся вокруг почётного гостя экспедиции когорты любопытных.

– Он пострашней, – серьёзно ответил Флёров, – но зрелище относительно недолгое. А ваш Толбачик и не думает затихать!

Про то, что Флёров причастен был к «Атомному проекту» я, конечно, слышал, хотя подробности создания нашей ядерной бомбы тогда ещё не разглашались. Но упоминание о Саксонии заставило мимолётно задуматься. Хотя почему бы академику и не съездить в Дрезден ради его галереи, а попутно и выбраться в окрестные горы. Проще всего было спросить самого Флёрова, но несколько часов назад моя осторожная попытка попросить у него интервью была в деликатнейшей форме, но категорически отвергнута. Своеобразным утешением для меня стала пригоршня красной смородины, поднесённая женой Флёрова. Пока её муж проводил время с коллегами по науке, она безмятежно собирала ягоды, которых много уродилось тем летом вокруг да около Толбачика, щедро одаривая ими собеседников Георгия Николаевича. Никто из нас не знал, что и недели не пройдёт, как этот рай, единственным изъяном которого было невиданное обилие комаров и мошки, выжженностью своей превратится в подобие постыдаерной пустыни.

Первый из новорожденных толбачинских вулканов

Смысл флёровского воспоминания прояснился для меня много лет спустя, когда уже после кончины учёного я узнал, что после 1945 года ему довелось побывать в Саксонии ради участия в сверхсекретной и не имеющей никакого отношения к Дрезденской галерее миссии. Для возглавлявшего научную программу «Атомного проекта» Игоря Курчатова дошли не подтверждённые, но всё же требующие проверки сведения о том, что немцам всё же удалось создать мало мощные ядерные заряды, испытания которых якобы проводились именно в саксонских горах, и Флёров был послан туда, дабы на месте разобраться с достоверностью информации...

Издали мелькнул огонёк светодальномера. Я подумал, что кольцо окружения вокруг новорождённого вулкана надёжно замкнулось. Под таким контролем ещё не оказывался ни один вулкан Камчатки. Уникальную возможность проследить и исследовать редчайшее для всей планеты явление использовали полностью.

В непроглядной черноте ночи конус, расчерченный на секторы пылающими комьями лавы, выглядел феерически праздничным. Где в вышине, между земной атмосферой и звёздами кружили космонавты орбитального комплекса «Союз-18»–«Салют-4». Чем виделся им дьявольский факел Толбачинского сателлита? Может быть, маяком на тёмной стороне Земли?!

(Ответа на риторический тогда вопрос я дожидался пару лет. Камчатские телевизионщики, снимавшие фильм об экспедиции «Извержение», умудрились пробиться в Звёздный городок, почти недоступный в то время для не имеющей к внеземному пространству публики, и записали рассказ космонавта Виталия Севастьянова, работавшего в те дни на орбите. По его словам, из космоса вулкан походил на раскалённую наковальню с растянувшимся на сотни километров светящимся шлейфом над ним.)

Магма ждала подкреплений

...Ожидание лавы – одно из самых странных ожиданий. С одной стороны, что за извержение без традиционного лавового потока, а с другой...

– Не пришлось бы нам срочно передислоцироваться, – сказал начальник группы «Вулкан» Анатолий Чирков. – Роща же вспыхнет, как солома.

Роща – непроходимые сплетения берёзок, кедрача, смородины и можжевельниковых кустов, обступая лагерь, тянулась в сторону вулкана. Опасения Чиркова были понятны.

Прорвись лава на запад, к лагерю, и огненного натиска не избежать.

– А кто-нибудь подскажет, что это за светлячок? – спросил кто-то от костра. На перевале между конусом вулкана и соседней сопкой и впрямь отчётливо светилось красноватое пятнышко.

– Бомба, наверное, только уж не «чемодан», а настоящий «сарай», – рискнул я вмешаться в микродискуссию мэтров вулканологии.

– Скорее уж «караван-сарай», – хмыкнул ещё один из самых бывалых по стажу и опыту институтских гуру Олег Волынец. – Полчаса за ним слежу. Бомба давно затухла бы.

Каскад последовавших тут же вариантов увиденного никого не удовлетворил. Для низкой звезды слишком ярко. Огни далёкого села? До ближайшего жилья с полчаса на вертолёте. Выход раскалённых газов? Тоже не он, огонёк совершенно неподвижен, а газы так себя не ведут.

Чирков прикурил от головни, посмотрел в бинокль.

– Лава! Фронт лавового потока.

Ни возражений, ни новых версий не последовало. Лаву все предвкушали, но мало кто думал, что начало прорыва окажется столь будничным.

– Их уже три! К первому багровому пятнышку присоединились два других, разгоравшихся всё ярче.

– До чего же все у нас нетерпеливы, – улыбнулся Федотов. – Лично я предпочёл бы лаву не сейчас, а завтра. Сейсмостанция работает «с колёс» и наклонометры ещё не уставлены. Геодезисты обещают их к утру.

Наклонометры – приборы, фиксирующие вертикальные деформации земной тверди, в эти самые часы готовили к работе в километре от конуса. Поначалу пытались отрыть для них шурфы, но сыпучий шлак тут же наполнил в заготовленные полости. Засветло запустить аппаратуру не удалось и наладчики решили поработать ночью, благо что рядом с облюбованным для наклонометра пятнышком нашли сразу три лавовых пещеры с целыми озёрами воды, позволившей не терять время на переходы к лагерю.

– Ещё бы не азартны, – отозвался Чирков. – Ради лавы сюда и прилетели.

...С рассветом над лагерем повисли комары. По рукам пошёл флакон «ДЭТЫ». Впрочем, от крылатой нечисти каждый спасался по-своему. Одни предпочитали испытанный, хотя и противный своей липкостью, притягивавшей грязь и пыль, диметилфтолат. Кое-то смешивал его с гвоздичным одеколоном. Все, однако же, сходились на том, что комарьё и мошка пока что подокучливей вулкана. Накануне из лагеря со скандалом

отправили попутным вертолётным бортом в Ключи непонятно как пробившегося к извержению сотрудника какой-то районной газеты... из Воронежской области. Искатель приключений исхитрился пролезть в салон Ми-4 без припасов и снаряжения в одной летней рубашечке и в сандалиях. Всё остальное имущество он якобы забыл в ключевской гостинице, заторопясь при известии о возможном вылете. Бедолага не подозревал о существовании мошки-белоножки, в отличие от комара не протыкающей жалом человеческую или звериную кожу, а попросту выгрызающей клочочек внешнего природного покрова хомо сапиенсов. Подкормить его из гуманистических соображений, конечно же, подкормили, но сразу отправить нежданного гостя обратно не смогли. Инструктировать странного визитёра было некому, а сам он не догадался перетянуть бечёвкой штанины, из-за чего в течение суток ноги охотника за впечатлениями по-словины растолстели от последствий укусов.

...Все, кто за ночь не сомкнул глаз, собрались у костра, разогрели остатки ужина. Забытая с вечера кем-то пачка «Беломора» отяжелела от росы, папиросы раскуривались с трудом.

Свечение, ночью взбудоражившее всех, в утренних сумерках стало неразличимо. А когда по долине зашарили первые солнечные лучи, я разглядел в стереотрубу с дружелюбного разрешения Чиркова язычок подостывшего и утратившего яркость лавового потока.

– Что это он так робко себя повёл? – спросил я Анатолия Максимовича.

– Говоря по-военному, – откликнулся тот, – была разведывательная вылазка. Прорыв состоялся, но маломощный.

– Выходит, что лава ждёт подкрепления?

– Примерно так. В этом ли месте, а может быть, по соседству обязательно прорвёт!

...Память о пеплопаде! – пояснили мне в лагере геодезистов, показав залатанную прореху в брезенте палатки. Коричневое пятно по соседству побуждало подумать, что некто, уходя в маршрут, забыл на палатке раскалённый утюг. Но ткань подпалил тот же разбушевавшийся вулкан.

Ещё одну памятку о недавнем натиске с небес я увидел чуть позднее. Золотистый «Полёт» почему-то тикал во славу фабричной марки. Пишу «почему-то», так как противоударности инструкция не обещала. Но прямое попадание куска шлака, прямо на руке разбившего стекло, механизм выдержал, и стрелки продолжали размеренно ходить по кругу. Правда, носить часы без покрытия циферблата было рискованно, а ближайшая мастерская располагалась в полчаса полёта на Ми-4. Так что, отправ-

ляясь в маршрут, их владелец оставлял пострадавшую собственность в палатке.

...Мы покинули привычный палатный приют и через несколько часов ходьбы и попутных рекогносцировочных работ оказались на макушке небольшой сопки между новорождённым вулканом с Плоским Толбачиком. Вспомнив ночные предостережения Чиркова о вероятном лесном пожаре, я осмотрелся по всем сторонам света. Единственным островком зелени была та самая огнеопасная роща. Отсюда она сравнима была с изумрудным островком на шлаковой планете. Вся остальная флора была напрочь засыпана шлаком или сожжена. Всюду простиралась чёрная волнистая равнина с рытвинами от бомб. Ветер разгуливал по ней без малейшей надежды поднять пыль. Шлак слишком тяжёл и разметать его было под силу разве что торнадо. Следы ботинок на мрачноте могли сохраниться до осенних ливней, как в безвоздушном пространстве. Кое-где виднелись белые флажки, под которыми таилась перечисленная выше добыча извержения. На месте сейсмостанции темнела яма – напоминание о бесплодных попытках отвоевать потерю для продолжения исследований. Изломав пару лопат, от затеи отказались до лучших времён, а за вечерним чаем у костра вполне серьёзно обсуждали возможность доставить сюда на вертолётной подвеске маленький экскаватор!

Сопочка, на которую мы поднялись, обладала невеликим, но всё же кратером. Кратер с явственными следами давнего прорыва лавы имелся и на соседней «горе Алаида» – тёзке знаменитого вулкана на Курилах. С высоты заметно было, что окрестные горки, включая сопку Высокую, следующую за «Первенцем», как до утверждения официального названия в разговорах именовали буйствующий вулкан, вписывались в правильную кривую. (После извержения он официально был назван в честь члена-корреспондента АН СССР Михаила Горшкова, несколько лет возглавлявшего Институт вулканологии.) Очевидно, что расположились они на одном и том же разломе земной коры. Время от времени энергия глубин разрывала землю в самой уязвимой точке. Затем всё стихало на века или даже тысячелетия, а на поверхности оставался очередной остывающий конус. Подобные одноразовые вулканчики в этом районе стихия в разные времена воздвигала десятками. При всей краткосрочности своей активности они вели себя поагрессивней огнедышащих гор, вымахавших до нескольких километров в высоту. Накануне я спросил у Анатолия Чиркова, с чем можно сравнить природные страсти, которые нам довелось наблюдать?

Южный прорыв Толбачика
на рассвете

– Две-три Братских ГЭС, – засмеялся Анатолий Максимович, – если не больше.

«Реки Вельзевула»

...Настроение в экспедиции графически можно было изобразить в виде синусоиды. Спокойные утренние часы, дневные маршруты, вечерние предчувствия и растянутое на всю ночь ожидание. Неожиданно всеобщее внимание привлёк Плоский Толбачик, выбросивший из кратера тугой столб пепла. Выброс подтвердил, что активен не только «Первенец» – взбудоражена вся зона. Наблюдатели, надеясь на продолжение, раздвоили внимание и не сразу углядели скромный синий дымок на седловине у сопки «1004». Понадобился свежий взгляд человека со стороны, в роли которого выступил вулканолог Анатолий Хренов, заночевавший вместе с коллегами на шлаковых полях.

Хренову с вечера предстояло подобраться как можно ближе к северному склону «Первенца», где прежде всего ожидался наиболее вероятный прорыв. Но вулкан забросал бомбами все подступы к себе, о восхождении речь уже не заходила, а в лагерь возвращаться было поздно, так что участники неудавшегося штурма провели всю ночь на эффектно освещенном, но малокомфортабельном пленере.

Подобно всем, кто возвращался из маршрутов, Анатолий первым делом отправился к стереотрубе, поразглядывал происходящее вдаль и... хладнокровно оповестил о появлении нового кратера. Почти сразу же после его слов над палатками прострекотал вертолёт, отправленный на воздушную разведку, подлетел к конусу с безопасной стороны и, накрываясь в вираже, скрылся за дымной пеленой. Через полчаса на вертолётной площадке я встретил директора Института.

– Лава! И на этот раз серьёзно, – не дожидаясь вопроса, сказал Федотов. – Неясно, правда, куда она пойдёт. Пока что заполняет седловину...

Трудно было поверить, что всего через сутки огненная река хлынет в долину, но именно так всё и приключилось. На века вечные сгинула в пламени беспокоившая Чиркова роща, а вместе с ней фиолетовые от обилия ягод кусты можжевельника, лиственницы и березняки. Березняк сгорел сразу. Дольше всех остальных деревьев держались лиственницы. Лава успевала затопить корни, но лишь когда жар выпаривал из ствола остатки соков, вспыхивал очередной факел.

Лагерь экстренно эвакуировали вертолётами. До исхода лета ему приходилось переноситься на руках и перелетать по воздуху так часто, что все посбивались со счёта. Даже те, кто наблюдал извержение с первых дней,

путались с ответом, сколько раз приходилось переносить палатки и скромный походный скарб: восемь, десять, тринадцать?..

Последние дни июля стали для вулканологов временной границей между бурным началом месяца, деловой обыденностью его сердцевины и бурными сюрпризами августа. Если накануне прорыва лавы ещё заключали шуточные пари – вырвется из недр полноценный, как встарь, лавовый поток или вулкан мирно затухнет по примеру множества разбросанных по округе древних конусов, то последующее развитие событий, предугаданное данными геодезистов и сейсмологов, уверенно подсказывало – высший пик активности ещё впереди.

...Огромная трещина отскела от конуса блок примерно в две пятых общего объёма «Первенца». На несколько километров растеклась первая огненная река. Второго августа из нижней трети северного склона забились новые фонтаны лавы. Временами их высота достигала полутора метров. Две мощных лавовых струи распространялись, выжигая последние пятючки зелени, а главный кратер по-прежнему выталкивал ввысь ничуть не слабеющую пепловую тучу.

В те же дни приборы уловили новый рой землетрясений. 9 августа чуть более чем в трети километра от конуса вскрылась новая трещина, из которой стремительно зафонтировала лава. Всего лишь за сутки над ней вырос новый конус и на глазах достиг высоты, сравнимой по метражу со спринтерской дистанцией в лёгкой атлетике. Новая гора громоздилась, стремясь к высоте предшественницы, а по краям породившей её трещины заструились новые «реки Вельзевула». Казалось, ни у кого уже не осталось сил для новых удивлений, но 16 августа приборы опять отметили всплеск активности. Очередные трещины расползлись уже на целую версту и попутно породили третий конус, зарождение которого удалось предсказать за несколько часов. Наконец, в ночь на 22 августа зазмеилась очередная система разломов, расползшаяся примерно на квадратный километр. На этой чёртовой «паутине» обосновался четвёртый, так сказать, мини-конус и несколько микровулканчиков. И вновь километровый язык расплавленных пород с привычными уже фонтанами содержимого преисподней. Этот феерический вулканотеатр давал представление до 25 августа. В этот день разом затихли третий и четвёртый конуса. Зато вторая горка стала главным средоточием энергетического буйства камчатских недр.

Прежняя стабильная активность сменилась мощными взрывами, выбрасывавшими бомбы на два с лишним километра вверх, и

бравшими после каждого пароксизма тревожные для наблюдателей паузы. Сразу несколько стремительных потоков жидкой лавы обрушили стенки конуса. Впервые удалось наблюдать, как лава резко меняет свойства в процессе извержения. Наконец вулкан обрушил кромку кратера, обретя сходство с гигантской подковой, между остриями которой заплескалась очередная огненная кипень, подобно транспортёру уносившая в долину текущие дары магмового очага. Ночами пепловая туча напоминала сказочного великана на двух пылающих ногах.

Не верилось, что этому фестивалю возможностей Преисподней когда-либо наступит конец, но всё же на 72 день извержения прорыв, позднее названный «Северным», выдохся и затих.

Лунные трассы Камчатки

...В тишине городской квартиры и редакционной суматохе мне то и дело вспоминались лагерные блики светодальномеров, маршруты под каменным дождём и странное чувство полного бессилия перед неизвестностью, которую сулили разгулявшиеся владения Плутона. Толбачик никак не давал забыть о себе. И, заслышав изредка сирену спешащей на вызов «Скорой помощи», я машинально посматривал в небо, словно сюда за сотни километров могла долететь вулканическая бомба. Поглядывал я и на Луну, а в тёмные ночи выискивал глазами красноватый огонёк Марса. Именно Толбачик, а точнее кое-что увиденное ненароком при возвращении с него, подсказывали смотреть на далёкие миры не вполне равнодушными глазами. А всё потому, что вертолёт, забравший меня из осаждённого лавой лагеря, завернул куда-то в сторону и сделал внеплановую посадку.

Перед самым приземлением высунувшийся из кабины второй пилот недоверчиво осмотрел своих пассажиров и приказал до будущего взлёта в иллюминаторы не смотреть, а любоваться только искусанными комарами да изъеденными мошкой физиономиями друг друга.

Вскоре мы оказались на бескрайнем поле шлага. Рискнув нарушить запрет, я скосил глаза в иллюминатор и увидел несколько палаток и балков, возле которых стояло никогда не виданное, но смутно знакомое сооружение на металлических колёсах, над которыми громоздилось нечто, смахивающее на небольшую буровую установку.

Дверь салона между тем распахнулась, и несколько небритых парней в штормовках втащили в наш Ми-8 странное устройство,

внешне напоминавших огромный бадминтонный волан. Остального я увидеть не смог, так как из кабины вновь появился наш «цербер», молча, но убедительно давший понять, что в наших интересах смотреть разве что под ноги.

– Вулкан вас спугнул, что ли, – спросил командир вертолёта, выбравшийся наружу перекурить, – или на побывку летите. Тогда как свою лунную телегу повезёте? Ми-6 придётся вызывать.

– Ещё покатается, – беспечно ответил один из внеплановых пассажиров, – Толбачик когда-нибудь да уймётся. А с «фобками» пока всё. Разве что к осени вернёмся.

Диалог кое-что прояснил, поскольку и без того все в Ключах знали, что неподалёку от Толбачика не первый год обкатывали ходовую часть новых разновидностей лунохода. Что касается «фобок», то смысл странного слова стал понятен гораздо позднее, когда в прессе появились первые сообщения о готовящемся запуске на спутник Марса Фобос автоматического зонда.

Камчатка же избрана была для испытаний с лёгкой руки самого Королёва. Один из луноходчиков, с которым я столкнулся через не-

сколько лет на их базе близ камчатского посёлка Козыревск, поведал полуанекдотичную историю времён первых шагов к запуску на ближайшую нашу соседку по космосу первых исследовательских агрегатов. Дело в том, что никто достоверно сказать не мог, насколько проходимой окажется поверхность Селены. Мнения разделились между приверженцами фантаста Артура Кларка, написавшего популярный когда-то роман «Лунная пыль», и сторонниками версии, что Луна куда монолитней. На одном из обсуждений уставший от бесплодных прений Королёв разрубил «гордиев узел» резолюцией из двух слов: «Луна твёрдая!» А слежавшиеся за столетия пласты вулканического шлака предстали в конце концов приемлемым компромиссом.

А вот «фобки», которых метали в тех же краях с воздуха для проверки способности оболочки сохранить приборы при падении, на спутники Марса так и не попали. Две станции с подобными конструкциями на бортах в цель не попали и растворились где-то в космической безбрежности.

Конференц-зал в остывшей Преисподней

В локоть впиалась лавовая сосулька. Мириады их усеяли свод пещеры. С полчаса назад я не без замороженности любовался как пламя свечи подсвечивало сиреневые разводы на своде. Но сейчас я на пяток, если не более метров забрался в боковой рукав этой окаменевшей вулканической пасти, чтобы проверить, нет ли там уголка для установки приборов, но стенки её коварно сузились, фитиль чиркнул по вплотную приблизившемуся потолку, если можно так его назвать, драгоценный огонёк погас.

Просунуть руку за свичками в такой тесноте умудрился бы разве что йог. И то не каждый, а йог с приличным стажем, йог, забравшийся на высшие ступени своего искусства владения телом и духом, йог – профессионал высшего уровня! Я всё же попытался исхитриться и высвободить руку, плотно прижатую к бедру. Но пещера сжимала меня не хуже тисков. Оставалось попытаться сдвинуться хоть немного назад, где было свободней. Проклятые сосульки, цепляясь за «чёртову кожу» штормовки, силились натянуть мне её на голову, что им в конце концов и удалось. Зато карман оказался в пределах досягаемости.

При свете выбраться из этой природной ловушки было куда проще. Не без труда, но всё же удалось развернуться и поначалу ползком, потом на полусогнутых ногах и, наконец, в полный рост выйти в грот, куда в

поверхности пробивался отсвет дождливого октябрьского дня.

Сверху, по щиколотку уйдя в рыхлый шлаковый откос, съехал кто-то из незнакомых ещё мне геодезистов с двумя контейнерами в руках. На каменном пороге, за которым начинался главный ход пещеры, уже стояло несколько коробок с приборами. Нужно было перенести их вглубь, метров за восемьдесят от входа. Там лава, некогда не сумевшая выдавить гигантский газовый пузырь, застыла, образовав немалый подземный лабиринт, в один из рукавов которого я и попытался проникнуть. Среди множества бугров и расселин отыскалась почти идеальная ровная площадка, вокруг которой натёки со стен сплывались в подобие амфитеатра, уже прозванный конференц-залом.

Вновь прибывший осторожно опустил свою ношу на шлак у подножия полутора-метрового примерно каменного барьера перед главным тоннелем пещеры и по-паучьи взобрался на докучливое препятствие, попросив меня подать ему принесённую аппаратуру. Я подал ему контейнеры, взобрался следом и, запалив свечу и заняв правую руку какой-то коробкой, пошёл за ним в сторону «зала для заседаний».

– Ты боковой коридор проверил? – спросил нагнавший нас начальник отряда Николай Жаринов, хорошо знакомый мне по летним приключениям.

– Там и кошке не пролезть, – сказал я, не распространяясь о своих попытках помериться гибкостью с ужом или коброй.

Воздух в пещере был сух и неподвижен. Кое-где от главного хода ответвлялись боковые рукава, но напрасно я подносил к ним пламя, ни один не углублялся далее двух метров.

За поворотом сквозь скрип наших шагов пробилась постукивание молотка. Затем блики фонарей высветили коллег Жаринова, занятых проверкой аппаратуры.

– Как вам это подземное царство, – осведомился прилетевший сюда с прибором собственной конструкции из столичного Института физики Земли почтенных лет старший научный сотрудник Юрий Сергеевич Доброхотов. – Здесь же выездную сессию Академии наук можно проводить. Правда, надо бы табличку у входа предусмотреть, что охраняется Институтом вулканологии, иначе туристы всё это великолепие по сосульке, по сталактитику и сталагмитику разнесут.

– Туристы не беда, – возразил Жаринов, – вход мы прикроем, чтобы приборы никто не потревожил. Им же здесь год без нас обходиться. А к зиме снег вход замаскирует, самим бы отыскать. Толбачик своим шлаком и без того всё замаскировал. Летом мы сюда

входили не кланяясь, а сейчас рыть траншею пришлось.

Пещерный уют при всей его экзотичности оказался сродни рефрижератору. Пещера природным термосом хранила запасы холода. Соображения, что когда-то здесь было жарче, чем в доменной печи, мало согревали. Наземный мир, пусть и был он в октябре трижды ветрен и дождлив, привлекал куда больше. Зато наверху у всех сразу заслезнились глаза, хотя вечер был отнюдь не ярок, чтобы сразу утомить зрение.

Пока геодезисты при моём посильном содействии трудились под землёй, наверху пошёл снег. Тропинку, протоптанную к лагерю, успело замести. Встречный ветер упруго отталкивал назад, так что я счёл за лучшее повернуться к нему спиной и только изредка оглядывался на вешку, метившую холм, под которым стояли палатки.

Почему-то стало тяжело дышать. Я прижал полу куртки, поддетую ветром, подумал, что порядочно извозился в пещерной пыли – штормовку словно натёрли наждаком. Но дело было совсем в другом. Уже в палатке я вытер платком лицо и увидел на ткани чёрные полосы. Кроме снега, ветер нёс ещё и пепел, он и тяжелил дыхание. Знать бы ещё, откуда его принесло. «Первенец» же месяца два как замолчал.

– «Безымянка» шалит, – подсказал Жаринов, фамильярно, как было принято у вулканологов, назвав вулкан Безымянный. – Но это не страшно, вот в августе была перedelка. Никто в Институте подобного припомнить не смог...

Жужжал примус. Постукивала крышка закипавшего чайника. Остальные обитатели лагеря подошли на ужин из соседней палатки. Под облепленной снегом брезентовой кровлей августовские события казались главой из романа в духе Жюль Верна, когда бы не их участники сидели рядом со мной за чаепитием в полевых условиях...

Упомянутая Жариновым «перedelка» настигла геодезистов в те дни, когда Толбачик воздвигал третий конус. Шлакопады стали привычней комаров, а занудливые, тоскливые и обычно проклинаемые всеми камчатские дожди стали восприниматься как дары Божьи. Если вертолёт не подвозил воду из-за тумана, её приходилось по каплям сливать с брезента и добавлять в кружки соду для нейтрализации.

Геодезисты ушли в очередной маршрут для проведения нивелировки, необходимой для выявления вертикальных деформаций. Дело кропотливое, но необходимое для прогнозов.

Возвращаться им было недалеко, всего-то и дел перевалить зубчатый кекурник, как на

Камчатке именуют с незапамятных времён пролившиеся и успевшие выветриться лавовые потоки. Конусы, внезапно канувшие в тумане, никого сначала не удивили. Туманом больше, туманом меньше, стоит ли заморачиваться...

Но юная вулканическая «поросль» на этот раз атаковала отнюдь не взвесью водяных капель.

Равнина на глазах побелела, как после снегопада. Летний этот «снег», впрочем, не спешил таять. Ребята враз стали похожими на мукомолов. Они успели ещё посмеяться друг над другом, прежде чем заметили, что ни зги не видно вокруг. Пальцы вытянутой руки и те становились не различимыми.

Они не потеряли друг друга лишь потому, что инстинктивно не отрывались ни на шаг. Когда и полуметровой близости стало не хватать, все взялись за руки, как в песне Окуджавы. Компас оказался бесполезен, поскольку ориентира для азимута взять не успели. В обыкновенную снежную пургу заблудившийся иной раз кружит, выходя на свои же следы. Здесь и это показалось бы роскошью, ибо даже собственных ботинок, не говоря уже об их отпечатках, увидеть никому не удавалось. Наконец, к мучнистой напасти прибавилась темнота, и парни пристроились на ночлег под первой же попавшейся скалой, закутав рубашками лица, чтобы сберечь лёгкие.

Как выяснилось поутру, до палаток оставалось не больше сотни шагов. Но и в лагере накануне было не сладко. Испуганно подвывал фокстерьер, потерявший хозяев из виду. Воду распределяли по стаканам. Из транзисторов и наушников радики доносилось только монотонное потрескивание — видимо, пыль отсекала радиоволны.

Извержение устроило всем проверку на выживание, но всё же отступилось, словно убедившись, что никто не заспешил на первый прорвавшийся после пепловой атаки вертолёт. А пепел после первого же дождя превратился в подобие голубоватой глины. Геологи вспоминали потом, что подобные отложения они уже встречали в долине реки Камчатки: надо полагать, что эти прослойки остались после предшествующих пеплопадов.

Из этой глины в вечерние свободные часы ребята налепили масок условного бога огня с плоскими языческими ликами и обожгли их прямо на лаве. Одну из них подарили мне. Глаза этому рукотворному чудищу заменяют пятикопеечные монеты, а вместо зубов из безмолвного рта поблескивают гривеники...

В те дни шуточный тост вулканологов «За кошмарное извержение», без которого не обходилась ни одна вечеринка, оказался про-

роческим. Все словно вышли на дистанцию экспедиционного марафона с бесконечно отодвигающимся финишем.

Отпуск на лавовом потоке

Финал этой толбачинской страды даже в октябре представлялся неопределённо далёким. Стоило небу хоть немного проясниться от пепла затихшей всё-таки первой группы вулканов, как в десятке километров разверзлась очередная трещина и заработал новый прорыв, прозванный Южным.

В эти самые дни я снова прилетел в район извержения с отрядом геодезистов. В командировке мне на этот раз редактор отказал, философски пояснив, что, мол, коллеги и без того слишком злобно о моих маршрутах судачат. Пришлось просить отпуск, завершив заявление о нём невиданными в истории «Камчатской правды» и отдающими хулиганством словами *«в виду отсутствия регулярного вертолётного сообщения точный период отсутствия может быть определён после возвращения из района катаклизма»*. Возглавлявший тогда редакцию Николай Георгиевич Канищев по прочтении этих слов хмыкнул и наложил резолюцию *«Предоставить на семь дней»* и *напутственно сказал: «Не уложишься, продлим по возвращении»*. Упоминаю этот эпизод лишь потому, что подобных формулировок при оформлении отпусков и командировок в современной журналистике, пожалуй, больше не встретить...

Геодезисты собирались на Южный прорыв не раньше, чем через неделю, поэтому, выбрав день посолнечнее, я обговорил с ними дату возвращения и отправился в сторону ночного зарева.

В последние дни мимолётно налетали первые пурги, раза два к нам даже прибежали на лыжах представители работавших по соседству отрядов, тоже дорабатывавших полевой сезон экспедиции «Извержение», но не вполне остывшие конусы всё ещё не давали снежинкам удержаться на склонах. Побелевшие шлаковые поля у подножий тоже были изрешечены бесснежными воронками от таящихся в шлаке и всё ещё не сравнявшихся температурой с окружающей действительностью летних бомб.

Ориентиром мне служила еле заметная струйка дыма над косогором. Следовало бы пойти в обход новых вулканов и не терять время на форсирование невесть чем чреватого потока «Первенца», но слишком заманчивым показалось глянуть на знакомые по июлю места и сравнить воспоминания с обезображенной усилиями вулканов явью.

Вулкан Острый Толбачик

Я выбрался на берег окаменевшей дьявольской реки и подумал было о возвращении и поисках окольного пути, увидев огромный каньон, заполненный полупрозрачным туманом. Нежелание терять время на обратный путь всё же победило и даже укрепилось, поскольку спуститься по сыпучему откосу удалось без особых усилий. Зато внизу пришлось корить себя за упрямство, так как стало понятно, что заблудиться здесь пара пустяков.

Временами дымка сгущалась, так что я ничего не мог разглядеть в десятке шагов, но изредка развеивалась и тогда удалась одолеть несколько метров. Впрочем, близкая к нулевой видимость была не самой докучливой помехой: кое-где дно летнего потока походило на шипастое ложе факира. Правда, вместо гвоздей природа иззубрила его остриями глыбин, пребывавших в состоянии весьма далёком от стабильности. Стоило поставить ногу на любую из них, как затвердевший обломок лавы начинал раскачиваться на своём ещё вязком фундаменте, заставляя меня балансировать на одной ноге в поисках точки опоры для другой. Все премудрости безопасного падения, которым меня вроде бы научили друзья-горнолыжники, оказались совершенно бесполезными. Любая оплошность могла обернуться переломом и обездвижением, о последствиях которого я предпочитал не думать. Стараясь не отвлекаться от увлекательного процесса борьбы за выживание, я не удержался от соображения,

что по этому потоку стоило бы побродить авторам фантастических повествований. После подобной прогулки описания чужих миров стали бы куда более зримыми.

Посреди каньона дымка слегка прозрачнела, чувствовалось движение воздуха и даже лёгкий ветерок, хоть немного уносивший испарения из расселин. Я расчехлил фотоаппарат, но после нескольких снимков заторопился снова укутать его в полиэтилен. Кто фирмы знает, вдруг эти пары насыщены фтором, а мастера немецкой фирмы «Карл Цейс», любовно шлифуя оптику, явно не ожидали, что будут выдерживать в едких вулканических туманах.

Между тем начинало смеркаться. Нечего было и думать о ночлеге в этом остывающем аду. Холод мне не грозил, но, прикорнув подремать в таком сомнительном во всех отношениях комфорте, вполне можно было остаться к утру без одежды! Я хорошо помнил, как вулканологам Игорю Меняйлову и Вячеславу Шапарю приходилось брать пробы газов прямо из лавы. От трубок из тугоплавкого сплава пришлось сразу отказаться, поскольку те не выдерживали температуры и разъедающих металл газовых коктейлей. Выручали только трубки из кварцевого стекла. А когда от лавовых потоков Меняйлов и Шапарь возвращались к палатке, одежда лохмотьями спадала с плеч. Бывало, что они добирались к своему брезентовому домику в одних плавках.

...Выбравшись из каньона, я зашагал быстрее. До гребня косогора все неровности рельефа были сглажены шлаком. Роца каменных берёз, попавшаяся на пути, похоже, была обречена. Корни деревьев наверняка умертвил своими ядами вулкан. В гуще березняка я вдруг наткнулся на разводы серы вокруг небольшой fumarолаы. Видимо, подвижки земных пластов приоткрыли путь наверх газовым струям. На Камчатке такое бывает. В 1971 году Петропавловск-Камчатский раскачало семибалльное землетрясение, а после него в самом центре города со дна Култушного озера забили горячие ключи...

Казалось, всё живое покинуло этот район. Ан нет, в чаще кустарника мелькнуло красноватое тельце лисицы. Осторожная огнёвка, привыкшая было к уединению, торопилась убраться подальше. Я припомнил мышей, мельтешивших под ногами летом. Норки грызунов остались под пеплом и шлаком, и растерявшиеся зверьки утратили страх, носясь в поисках убежища. Может, и здесь уцелели грызуны, на которых и охотилась рыжая кумушка?.. Стоило бы задержаться и попробовать понаблюдать за лисой, ведь роца была совсем невелика, а сбежать из неё на открытые шлаковые поля хитроумная героиня многих русских сказок вряд ли бы осмелилась. Но... осенние сумерки слишком легки на подъём, а я был всего лишь на полпути к цели.

С гребня, рассекавшего долину, Южный прорыв, предстал как на ладони, если, конечно, признать за таковую немилосердно испытанный на прочность многими извержениями и землетрясениями фрагмент нашей любимой планеты.

Геометрическая правильность новому детичу Плутона явно не грозила. Подросший метров этак до полутораста конус не устоял под натиском магмы, давившей изнутри, и обрушил левый, если смотреть с севера, склон, обретя сходство со сломанным зубом. Геометрическая красота, свойственная многим «открыточным» камчатским вулканам, ему уже не светила, зато из проеденного лавой проёма в сторону реки Камчатки струилась медлительная река, исток которой следовало предполагать где-то в верхней мантии Земли.

Сбиться с пути мне теперь уж точно не удалось бы, но с поисками лагеря, замаскированного природными каменными бастиянами, подступающая темнота справиться не позволяла. Оставалось ждать рассвета.

Огненное зарево высветило одинокую скалу на пригорке, в ней оказался неглубокий сухой грот. Нехватки топлива не ожидалось, поскольку из шлака на каждом шагу выглядывали сухие коряжины. Я натаскал

их побольше, срезал ножом с десятков пружинистых лап кедрача и устроился до зари в этом счастливо подвернувшемся укрытии.

Ночь была тиха. Фонтаны лавы били почти беззвучно, ибо все сопутствующие шумы почти начисто поглощались расстоянием. Доносилось разве что никогда не слышанное мною прежде потрескивание, сопровождаемое еле заметным гудом. Этот еле различимый аккомпанемент к огненному представлению явно был связан с вулканом, но заниматься ночными изысканиями было слишком опрометчиво. Той ночью и с этого ракурса я уж точно был единственным зрителем грандиозного представления. Удержаться от более близкого знакомства с ним было непросто, но за минувший день я уже с лихвой поосторожничал, к тому же собранный вокруг да около сушняк прогорал до углей за считанные минуты и несколько раз на ночь пришлось вставать и пополнять запасы горючего.

Ближе к рассвету костёр собрался погаснуть, но переполненная копилка впечатлений всё-таки склонила к дремоте, которая не отпускала меня за новым пополнением пищи для огня. Разбудило меня лёгкое попискивание под самым ухом. Резко поднявшись, я увидел... мышь, спрыгнувшую с рукава полущубка на шлак. Помнится, подобные братья и сёстры наши меньшие навещали в темнице протопота Аввакума, скрашивая его нелёгкое заточение. Мышка между тем не убегала и сидела у самых углей, словно поджидая подачку. В кармане могли остаться крошки от съеденного по дороге бутерброда. Сунув руку в карман, я не без содрогания обнаружил в нём упругое, вёрткое тельце другой «норушки». Выпровоженная в компанию первой нахалки, эта незваная гостья тоже предпочла погреться рядом с товаркой. Очевидно, мыши совсем застрадали без еды, а, может, просто не встречали прежде людей. Возможен был и третий вариант – где-то поблизости шастала лиса наподобие той, что встретила накануне...

Джеральд Даррел или Конрад Лоренц наверняка нашли бы в этом «реприманде неожиданном» повод для нескольких страниц текста. К тому же последовало и вовсе ошеломившее меня продолжение: из мрака выскользнул успевший побелеть к зиме горноста́й, схватил одну из потерявших страх мышей и вместе с ней канул в темноте... Мне же оставалось только повздыхать о неумолимости расплаты за беспечность, проявленную грызунами. Между тем небо успело заметно поглубеть и, проверив наличие плёнки в фотоаппарате, я оставил свой приют с окончательно погасшим огнём и зашагал к другому пламени.

Перед вечерним устройством на ночлег я успел высмотреть участок, показавшийся мне наиболее безобидным для подъёма к лаве, и привязал к давно засохшей берёзке мешочек для геологических образцов. А вот найти свою метку поутру никак не удавалось. Вроде бы всё совпадало – на шлаке чётко виднелись следы моих же сапог. Деревце же исчезло. Гадать над причинами пропажи долго не пришлось. Скот насыпи, высотой с железнодорожную насыпь, сам по себе сдвинулся в мою сторону. Сверху съехало несколько валунов, заваливших ближайший куст кедрача. Ясно стало, что лава неустанно раздвигала берега своей реки. За ночь она расплзлась на десяток метров. Я прощупал выломанной по пути палкой устойчивость камней и поднялся наверх.

Перед глазами разбежался жутковатый орнамент. Поверхность насыпи бороздили трещины, из каждой удушливо било жаром. Когда-то цыгане дрессировали медведей для танцев на ярмарках, заставляя зверей ходить по раскалённому листу железа. Косолапому бедолаге поневоле приходилось пританцовывать.

Теперь вулкан дрессировал меня. Отыскав пятячок чуть прохладней в сравнении с остальными, я примостил фотоаппарат на камнях и собрался нажать кнопку затвора, но не тут-то было. Устоять на месте, не шевелясь, даже несколько секунд, необходимых для нормальной выдержки, никак не удавалось.

Над руслом дьявольской реки висела сизая дымка, над ней силуэтами возвышались остывающие лавовые острова. Иные из них превосходили высотой средний по размерам домик на дачных шести сотках. Лава ползла не по-речному: скорость её движения то и дело менялась, видимо, вулкан выдавливал свою огненную начинку порциями, слегка затихая после очередной дозы, как бы собираясь с силами для нового импульса. Один из островов прямо передо мной притормозил и раскололся на три пылающих обелиска.

Этот пятиметровый примерно трезубец перегородил ближний ко мне рукав потока. Движение лавы застопорилось, вулканический расплав, наткнувшись на преграду стал переполнять берега, но из-за излучины, где жерло вулкана выплеснуло новые огненные струи, вынесло ещё несколько плавучих утёсов. Наехав на обелиски, они замерли, образовав плотину, показавшуюся мне было незыблемой, но через несколько мгновений перемычка всё же рухнула и, сметая обломки преграды, мимо пронеслась новая жидкость торопливой лавы.

Я скомкал случайно залежавшийся в кармане штормовки старый конверт и бросил его в реку. Не успев коснуться лавы, даже не вспыхнув, бумага бесследно растворилась в воздухе.

Ноги жгло уже нестерпимо. Я попытался представить, каким образом несколько смельчаков или авантюристов – выбирайте понятие по душе сами – в недавние летние месяцы устроили нечто вроде сплава по лавовому потоку. Один из них уверял меня, что перед сомнительным по вероятным по-

следствиям экспериментом набил сапоги асбестовыми прокладками. Однако ничего подобного я не предусмотрел и оставалось только уходить, тем более что и в нескольких метрах от потока полная невредимость могла только померещиться – прямо передо мной затвердевшая с внешней поверхности ячейка, застывшая с поверхности «орнамента», вдруг поднялась вертикально, обнажив дыру в преисподнюю размером в крышу газетного киоска.

Оставляя на камнях ошметки резины с подошв, я двинулся восвояси, но остановился, услышав птичий крик с высоты. Ветер нес в мою сторону шлаковое облако и прямо в него ворвалась невесть откуда взявшаяся утка. Ошалевшая птица потеряла ориентацию и суматошно носилась над потоком, хотя безопасная зона находилась буквально в нескольких шагах. Куски шлака нещадно молотили несчастную по крыльям, а несчастная представительница утиного племени так и не сообразила изменить свой гибельный курс и металась, пока увесистый природный снаряд, посланный вулканом, не сбил её прямо в пламя.

Огонь плескался под ногами, камни летели с неба. Я не успел ещё вернуться в привычный грот, как зарядил дождь, а вслед за ним белые россыпи града разом выбелили округу. «Вода и камень, лёд и пламень» – все четыре стихии объединились, торопя с возвращением...

...На обратном пути я уже не испытывал судьбу, пробираясь по каменному частоколу летнего потока, а обошёл юные вулканы стороной. Попутно довелось взять на себя миссию поводыря и вывести к людям заплутавших туристов.

P.S.

«Возгорание огнедышащих гор не токмо камчадалы, но и казаки почитают за предзнаменование кровопролития; и то своё суеверное мнение доказывают многими примерами, что ни одного случая, когда гора метала пламя, без того не проходило: а притом утверждают, что чем доле и сильнее она горит, там больше крови проливается», – писал академик Крашенинников.

Наивные суеверия древности, порождённые страхом перед неведомым, могут вызвать сейчас только улыбку, но тогда, бродя по исковерканным земными катаклизмами долинам, я долго не мог позабыть птицу, поглощённую лавой у меня на глазах. Вулканы несут смерть, и с этим не поспоришь, хотя единство противоположностей и здесь налицо. Камчатский вулканолог Евгений Мархинин десятки лет обосновывал свою гипотезу, согласно которой именно вулканы одарили

жизнью нашу планету. По мархининским данным, пеплы толбачинского извержения 1975–1976 годов содержали свыше 100 тонн аминокислот – соединений, с которых в доисторические времена мог начаться процесс, микроскопическим, но всё же последствием которого явилось то, что я пишу эти строки.

Другие же предварительные итоги в разные века вырывавшейся наружу энергии земных недр, энергии, которую трудно даже вообразить, видны по всей Камчатке: в окаменевших потоках лавы и в вулканических конусах. С практической точки зрения энергия эта ушла в никуда. Приручив её хоть в малой степени, удалось бы полностью развеять страхи о грядущем энергетическом кризисе. И у нас, и за рубежом – от Никарагуа до Новой Зеландии – геотермальные электростанции вполне привычны и прибыльны. Но это пока ещё только крохи с энергетического стола Плутона. Говорить о планах и проектах можно до бесконечности, но это уже другие ракурсы взгляда на яростный мир камчатских и не только камчатских вулканов. Я же взялся рассказать только о том, что видел собственными глазами.

...Знаменитый бельгийский вулканолог Гарун Тписал в одной из книг: «При каждом вулканическом извержении высвобождается такое гигантское количество энергии, что у человека, шагнувшего за определённые границы, душа преисполняется безотчётным страхом, а ум, не искушенный в подобных зрелищах и к тому же скованный инстинктом самосохранения, теряет именно те качества, которые необходимы для самосохранения». Но автор этих слов слишком много лет посвятил «встречам с дьяволом» на извержениях разных частей света, чтобы свести свою работу лишь к борьбе за выживание. Поэтому на той же самой странице он вновь вернулся к характеристике труда своих коллег:

«Спортивный азарт, страсть к научному исследованию, глубочайшее эстетическое наслаждение – вот, с моей точки зрения, «Элементы радости», которая сторицей вознаграждает вулканологов за их тяжкий труд. Ни на стадионах, ни в бескрайних пустынях Севера, ни в уединённых лабораториях не испытывает человек этого одновременно и сладостного, и горького чувства.

В нашей работе во всех противоречиях проявляются важнейшие свойства человеческой природы»...

Как очевидец, я могу засвидетельствовать, что это предельно точная из возможных характеристик!

Фото автора

Владимир ВАСИЛЬЦОВ

О перевале Дятлова и не только

Никакой загадки в событии, произошедшем в 1959 году с группой студентов на перевале Дятлова в Свердловской области, нет. Всё было достаточно ясно с самого начала для тех, кто знаком с ядерной физикой и поражающими факторами ядерного оружия. В первую очередь нужно обратить внимание на того, кто заметал следы этого преступления, поскольку из криминалистики известно: заметающий следы причастен к преступлению. А заметало следы государство, значит, оно и было виновником. Если бы убийство совершили Манси, уголовники или какие-нибудь отшельники, то что помешало бы государственным органам найти виновных, но вместо этого дело было засекречено, а выводы по нему сделаны настолько несуразные, что их даже нет смысла комментировать. То есть налицо факт сокрытия государством данного преступления. Поэтому, если взять это за основу, остаётся ответить только на один вопрос: «Зачем?» Всё банально просто. Этих студентов использовали как подопытных кроликов. Наверное, читатель сразу же подумает: «Да разве такое может быть?» В настоящее время, конечно, нет, но в те далёкие времена, когда люди миллионами гибли в сталинских лагерях, что такое в сравнении с этим небольшая группа студентов, принесённая в жертву для пользы Родины? На телевизионных передачах, посвящённых этой теме, неоднократно звучало, что студенческая группа была ведомой, то есть за ней следили, и в неё был внедрён свой человек. Это делалось только с одной целью – определить, а ещё лучше вывести с помощью внедрённого агента студентов на место ночлега, подхо-

дящего для проведения испытания, поскольку ядерный заряд должен был быть расположенным на определённом расстоянии от людей и относительно прямой линии (так как, если бы студенты выбрали место ночёвки в пещере или на другом склоне горы, то воздействие ударной волны, как одного из поражающих факторов, было бы сведено практически к нулю). А теперь, чтобы ясно понять их поведение при самом взрыве, поставьте себя мысленно на их место. Вы спите, и вдруг вас будит страшный грохот (понятно, что ядерный заряд был сверхмалой мощности, но сверхмалой-то он по отношению к среднему и крупному ядерному заряду, а по отношению к простому фугасу – огромной силы). Тут не только даже мёртвый проснётся, но может быть небольшое землетрясение. И вот, услышав этот жуткий грохот, естественно все моментально проснулись и вскочили. Через несколько секунд приходит ударная волна и бьёт в палатку (палатка была завалена с одной стороны, что подтверждает сказанное). Естественно, сначала напуганные этим страшным грохотом, а затем ещё и ударом в палатку, все выбежали наружу. Выбежав, вся группа попала под мощнейшее радиоактивное излучение, поскольку находилась на относительно небольшом расстоянии от эпицентра взрыва, и схватили такую дозу радиации, которая убила их всех в течение нескольких часов. То, что телесные повреждения от тупых предметов были обнаружены не у всех, а только у нескольких членов группы, доказывает смерть подопытных от радиации (иначе от чего же тогда погибли не имеющие повреждений?) А тот факт,

что все как один выбежали из палатки, говорит о том, что испугались они чего-то неожиданного и необычного, поскольку, если бы к палатке подошли какие-нибудь враждебно настроенные люди, то гораздо логичнее было бы постараться быстро одеться, чем-нибудь вооружиться и приготовиться к защите. Нанесённые после смерти физические повреждения – это всего лишь попытка замести следы, направив расследование в ложном направлении. На одной из первых телевизионных передач, посвящённых этой теме, один свидетель утверждал, что в момент гибели студентов он находился от них на расстоянии примерно десяти километров в туристическом походе и видел странное яркое непродолжительное свечение, не похожее на сигнальную ракету над горой, где находились студенты, что также доказывает факт ядерного взрыва. Место, где погибли студенты, находилось на территории военного полигона. Поэтому никакой загадки в этом деле нет, а то, что это дело периодически всплывает на центральных телевизионных каналах, так цель этого понятна – прилепить как можно больше обывателей к экрану телевизора, потому что от их количества за счёт рекламы напрямую зависит доход телевизионных каналов. С этой же целью муссируются всевозможные другие темы, в которых всё также довольно ясно.

Вот, например, ещё одна из них: конфликт народного артиста Джигарханяна и его бывшей супруги. И здесь для человека со значительным жизненным опытом, умеющим читать по глазам, нет никакой загадки. Внешность человека обманчива, а глаза – нет, поскольку они являются зеркалом души и отражают степень её чистоты. С самого начала, всего лишь заглянув в глаза Виталины и Армена Борисовича, для меня стало очевидным, что причина их семейного конфликта не в Виталине, а в Армене Борисовиче, а точнее – в его голове. Хочу подчеркнуть – это всего лишь моё мнение, не претендующее на единственно верное и неоспоримое, но основанное на многолетнем опыте чтения по глазам.

Что касается ещё одного значимого события в жизни телевизионных любителей, а именно, госпожи Мишулиной и её мамы, то можно уверенно предположить, что после эксгумации Спартака Мишулина и проведения экспертизы, которая подтвердит то же, что и первая, через некоторое время эти дамы опять заявят, что и здесь что-то не так, что опять произошла какая-то ошибка. И это будет продолжаться до тех пор, пока их не успокоят в какой-нибудь психиатрической клинике какими-нибудь транквилизаторами.

А тема об «изнасиловании» Шурыгиной требует особого рассмотрения, поскольку проблема, затронутая в ней, корнями уходит глубоко в наше общество. Ситуация с Шурыгиной – это всего лишь верхушка айсберга. Реально в нашей стране в зоне особого режима, а именно туда отправляют насильников, находятся тысячи людей, не совершивших данного преступления. И, чтобы не быть голословным, я предлагаю

читателю взглянуть на статистику решений судов по статьям об изнасиловании. Количество оправдательных приговоров составляет примерно 0,3 процента. То есть на 300 обвинительных – одно оправдательное. Поэтому дело здесь не в Шурыгиной и подобных ей «потерпевших», а в Российской судебной системе и законодательстве. Открою маленький секрет для любителей сладострастных ощущений: если кому-нибудь из вас не повезёт, и вы нарвётесь на Шурыгину, и дело дойдёт до суда, то в Российском законодательстве вас поджидают два капкана, и хотя бы в один из них вы точно попадёте. Шансы вырваться из него, как видно по статистике, у вас будут равны практически нулю. Поэтому не питайте иллюзий, не тратьтесь на адвокатов и не готовьте пламенных речей в своё оправдание, выход из здания суда будет для вас только в сторону колючей проволоки. Лучше узнайте, что можно из вещей и продуктов питания взять с собой в место заключения. Что же это за капканы?

Капкан № 1: (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11) Беспомощным состоянием может быть признана лишь такая степень опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, которая лишала потерпевшую возможности оказать сопротивление насильнику. Беспомощным состоянием должна признаваться и такая степень опьянения, которая лишала потерпевшую возможности понимать характер и значение совершаемых с нею действий, и мужчина, вступая в половое сношение, осознавал, что потерпевшая находится в таком состоянии.

На первый взгляд всё как будто бы правильно, но только на первый. При более пристальном рассмотрении этого положения возникает вопрос. А как судья определяет, осознавал или нет мужчина, вступая в сношение с потерпевшей, её беспомощное состояние? Ведь это очень важный и определяющий момент для приговора. А как мужчина может понять, что женщина невменяема? Только если она находится без сознания. Если она ходит, разговаривает, обнимается, понять, что она находится в невменяемом состоянии, может только врач, проведя специальное обследование. И так должно было бы быть написано в законе, но неправильная формулировка этого момента предоставляет право решать судье, понимал ли обвиняемый или нет беспомощность потерпевшей. И, судя по статистике решений судов по этому вопросу, судьи не склонны верить обвиняемому. Опытные адвокаты, хорошо понимая несовершенство этого постановления, советуют: «Если женщина выпила – не подходи к ней, даже если она сама предлагает лечь с ней в постель». Этот совет, может, кого-то и спасёт, но в целом не изменит картину по данному вопросу, поскольку в нашей стране алкоголь употребляют больше половины населения, и сексуальные контакты со случайными знакомыми как раз чаще всего происходят в таком

состоянии. К тому же мужчина может и не знать, что до встречи с ним женщина употребила алкоголь или покурила травки, наглоталась каких-нибудь таблеток. Для того чтобы посадить мужчину в тюрьму, «потерпевшей» нужно всего лишь выпить четыре-пять рюмок водки, хорошенько зажевать, чтобы не пахло, совершить с намеченной жертвой половой акт и через несколько часов смело идти в полицию писать заяву. Наличие спермы во влагалище и алкоголя в крови подтвердит экспертиза, и попробуйте тогда убедить судью, что вы не понимали, что «потерпевшая» находилась в беспомощном состоянии. Спасти от зоны в данной ситуации сможет только крупная сумма денег, и, поскольку аппетиты у таких «потерпевших» акульки (мы это знаем на примере отца Шурыгиной, который не согласился прекратить дело за предлагаемые ему 200 тысяч рублей, а был согласен только за миллион), то, прежде чем вступить в сексуальное отношение со случайной знакомой, приготовьте заранее хотя бы один миллиончик на всякий случай. Могу предположить, что по такому сценарию работает, и уже давно, не одна преступница. Почему это положение закона до сих пор не исправлено – вопрос к законодательной власти.

Капкан № 2: Если женщина хотя бы раз сказала «нет» мужчине, а он при этом не остановился и продолжил наступление, подогреваемое жарким желанием и завершившееся успехом в этом бою, в случае, если женщине что-то не понравится и она решит, что её изнасиловали, будет трактоваться как «применение иных насильственных действий сексуального характера», и он будет признан насильником. Видимо, это положение закона принимали люди, не имеющие опыта интимных внебрачных отношений, либо оно было принято в те далёкие времена коммунистического режима, когда, по словам министра культуры Фурцевой, «в СССР секса не было». И в представлении этих людей внебрачные отношения мужчин и женщин, видимо, укладывались только в два формата.

Первый вариант: Мужчина говорит женщине: «Давай я тебя трахну». Она: «Давай». Раздевается, ложится на кровать и раздвигает ноги.

Второй вариант: Мужчина говорит женщине: «Давай я тебя трахну». Она: «Нет». Мужчина поворачивается и уходит.

Представить, что всё происходит несколько по-другому, видимо, людям, принявшим данное положение, не позволило плоское, как поверхность стола, воображение и отсутствие личного опыта в этой сфере. Но тот, кто имеет хотя бы небольшой опыт в амурных делах, знает, что женское «нет» имеет как минимум три значения. Первое – это когда «нет» действительно «нет». Второе «нет» – с некоторой ноткой неуверенности или кокетства – значит, что пока «нет», а дальше всё зависит от тебя (вариант примерно 50 на 50). Третье «нет» – когда женщина говорит: «Не надо, не надо», но при этом прижимается к своему избраннику, ожидая в сладостном томлении, когда он снимет с неё трусы. Я пред-

ставляю её изумление, если мужчина в этот момент силой оторвёт её от себя и со словами: «Ну что же, нет так нет» уйдёт. Потому что в данном случае «нет» – это: Да! Да! Да! Причём чёткой границы между тремя этими «нет» не существует, возможны и различные оттенки всех трёх вариантов. Если бы я был музыкантом, то сыграл бы как минимум десять вариаций на тему женского «нет». И опять вопрос к законодателям. Ведь исправить данное положение не требует большого ума. Учитывая эту особенность женского «нет», можно было бы написать в законе, что женщина должна в максимально категоричной форме выражать своё несогласие, например: «Прекрати немедленно! Я буду кричать. Если ты меня изнасилуешь, я подам заявление в полицию». Хотя бы так, чтобы ни у мужчины, ни у возможных случайных свидетелей, ни у судей не было никаких сомнений, что это «нет» действительно означало то, что должно означать. Читатель, возможно, подумает: «Какая ерунда, это же такая мелочь, и так для любого ясно, когда «нет», а когда «да», потому что свои слова женщина, как правило, подкрепляет действиями». Это для нас с вами ясно, а судьи обязаны следовать букве закона. И эта мелочь в законодательстве уже отправила не одну тысячу невиновных в зону.

В доказательство приведу довольно яркий пример. Речь пойдёт о нашумевшем деле с названием «Посвящение в студенты», где одна посвящаемая была якобы изнасилована в туалете. Ни одного доказательства изнасилования нет. Наоборот, все свидетели, как и в деле с Шурыгиной, утверждали, что всё происходило по согласию. После «изнасилования» «насильник» и «жертва» обнимались и целовались. Странное поведение для изнасилованной, не правда ли? Более того, само «изнасилование» было показано в соцсети и на этой съёмке каждый, кто смотрел, видел только резвящуюся молодёжь и никакого применения силы. В какой-то момент девушка сказала: «Мне больно» – и парень тут же отошёл от неё. Где вы видели насильника, который прекращает насильственные действия, когда жертва ему на что-то жалуется? На одном из шоу, посвящённом этому событию, «пострадавшая» сказала, обращаясь к своим «насильникам» (цитирую дословно): «Ребята, извините, но вы сами виноваты». Где вы видели, чтобы жертва просила прощения у своих обидчиков? Другими словами она сказала: «Извините, но если бы вы меня не опозорили, выставив всё это напоказ, то ничего бы и не было. А так я вынуждена, защищая свою честь, обвинить вас в изнасиловании». Кстати, это линия поведения практически всех девушек в подобной ситуации. Если сексуальный контакт становится известным, большинство из них говорит: «Я не виновата, я не хотела». А что значит, не хотела? Значит, против воли, значит, изнасилование. И её сексуальный партнёр превращается в насильника, что, собственно, и произошло в данном случае. Так вот, все факты говорят о том, что изнасилования не было, ни одного доказательства и только один раз на

видео девушка произносит: «Не надо», что естественно относится в данной ситуации к третьей категории женского «нет». Кстати, эти слова говорят перед сексуальным контактом довольно многие девушки, и это должно было бы быть понятно судьям, как взрослым людям, имеющим сексуальный опыт. И, тем не менее, всего лишь это одно «не надо» отправило парня на девять лет в колонию строгого режима, что в моём понимании является полным маразмом Российской судебной системы.

В законах, дорогие читатели, нет ничего малозначительного. И опять, наверное, кто-то скажет: «А куда смотрят законодатели? Им что, безразличны судьбы тысяч невинных?» К сожалению, именно так и обстоят дела. «Так вот, оказывается, в ком корень зла – подумает читатель – в паразитах-законодателях, которые своим преступным бездействием принесли и приносят столько горя невинно пострадавшим и их семьям!» Согласен, но только отчасти. С одной стороны – если бы мы сейчас рассмотрели какую-нибудь другую проблему нашего общества, то там будет та же самая картина с законодательной базой – как в сказке про Карлсона: «Он улетел, но обещал вернуться». Так и с нашей законодательной властью: такое ощущение, что она куда-то улетела, а когда вернётся – неизвестно. Но это только с одной стороны, с другой – часть вины лежит и на судьях. Ведь некоторые из них, как, впрочем, и чиновники всех мастей, прячут своё бездушие и боязнь иметь хоть какие-то неприятности за позиционированием себя ревностными служителями закона. Но в законах, сколько их ни совершенствуй, всегда найдутся какие-нибудь неточности, упущения, ошибки, и каждый судья, чиновник в первую очередь должен руководствоваться здравым смыслом и справедливостью. Ещё Пётр Первый говорил: «Не держись устава, аки пьяный плетня». Законы нужно исполнять, но если в каком-то случае они противоречат здравому смыслу и справедливости, то выбор нужно делать в сторону справедливости, к каким бы неприятным последствиям это ни привело для нарушившего их (кстати, когда дело касается их родственников, коллег и личных интересов, они именно так и поступают). Судьи, прекрасно видя, что человек не виновен, и всё же признавая его виновным только потому, что есть какая-то неточность закона, совершают большую ошибку, которая не пройдёт для них бесследно, а те, кто кривосудит ради выгоды – крайне неразумны потому, что из-за духовной слепоты не понимают, какое наказание навлекут на свою голову.

Итак, подводя итог по данному вопросу, повторюсь: причины несправедливости в деле с Шурыгиной не в ней и ей подобных, не Шурыгины отправляют невинных в зоны, а бездушные непорядочные судьи и преступное бездействие законотворцев. «Понятно – скажет читатель – корень зла в законодательной и судебной властях». А чем лучше бездеятельной законодательной и полупродажной судебной – исполнительная власть, если в ней процветает воровст-

во? «Да! – скажет читатель – спасибо за корректировку. Теперь всё окончательно ясно: корень зла и причина всех наших бед во власти со всеми её ветвями. Да мы это и так знаем, во всем виноваты чиновники, эти жирующие за счёт народа паразиты, сволочи!» И опять, я извиняюсь, дорогой читатель, немножко пальчиком не туда. А если Вы развернёте этот пальчик и направите на себя, то будет точно в дырочку. «Вот это да! – воскликнет изумлённый читатель – меня обманывают, обворовывают, ни за что сажают в тюрьму, а я ещё и виноват?» Но не конкретно Вы, дорогой читатель, а в целом всё общество, все россияне, но и Вы в какой-то степени в том числе. Ведь представители власти не были посланы к нам из Вашингтона, чтобы развалить наше государство. Это те, кто ещё вчера учился с нами в школе, институте, работал рядом. Власть – это составная часть общества, которое является единым организмом, где всё взаимосвязано. Какое общество, такая и власть. Вы думаете, мог бы чиновник воровать народные деньги в таком большом количестве и так долго, если бы его окружали только честные и порядочные люди? Вряд ли. У каждого из них много помощников. Разве тот, кто даёт чиновнику откат, а потом, понимая, что его работу проверять никто не будет, только имитирует её выполнение, и всего лишь через несколько месяцев, если взять, например, укладку дорожного полотна, оно исчезает, как весенний снег, а возведённые здания через несколько лет рассыпаются, то чем он отличается от преступника-чиновника? А те члены комиссии, которые принимают такие объекты, прекрасно понимая, что народные деньги частично разворованы, а остальные выброшены на ветер, разве они не подлецы? А те, кто продают государству товары по завышенным в несколько раз ценам, а потом делят прибыль с чиновником, контролирующим эти закупки, они что, не мошенники? А ближайшее окружение чиновника-вора, понимая, что представляет из себя их начальник и вместо того, чтобы встать на защиту народного добра, сами стараются не отставать в воровстве и урвать, пока есть возможность, как можно больше? А члены семьи такого чиновника, прекрасно видя, насколько его зарплата не соответствует количеству денег, приносимых им домой, и вместо того, чтобы выразить свою позицию и осудить, остановить, убедить свернуть с дороги, ведущей в пропасть, помогают ему прятать наворованные деньги? А вышестоящие начальники и правоохранительные органы, они что, все слепые? А брали ли бы взятки судьи и сотрудники правоохранительных органов, если бы им их никто не давал? Давайте посмотрим пристальнее и шире на всё наше общество. Сколько людей управляют автомобилем в пьяном виде, грубо нарушая правила, пренебрежительно относясь своим опасным вождением к другим участникам дорожного движения, участвуя тем самым в убийстве ежедневно около семидесяти человек? Они нормальные? А сколько злоупотребляют алкоголем? А то, что наркотики изымают тоннами о чём-то говорит?

О том, что тоннами, употребляют. А сколько сидит в тюрьмах и лагерях осужденных заслуженно за совершённые преступления, сколько уже отсидело и сколько сядет? С ними что, всё в порядке? А те, кто уклоняется от уплаты налогов? А бандиты из группировок под названием ЖКХ, которые, пользуясь тем, что нет для них ни законов, ни контроля, бессовестно грабят население постоянным необоснованным повышением тарифов на коммуналку и постоянно выдумывают всё новые виды платежей, разворовывают деньги, собираемые с жильцов на капремонт? А те, кто принимают в учебные заведения по блату? Подобные вопросы можно задавать ещё достаточно долго, но надо ли? А Вы, дорогой читатель, не решали какой-нибудь вопрос по блату? И взятки, наверное, никому не давали? И с сотрудниками ГИБДД, полиции, другими представителями власти не решали вопрос через «А может, договоримся?» Я, например, и взятки давал, и через «договоримся» решал проблемы и не только в этом грешил по причине низкого уровня сознания, но осознал, раскаялся и старюсь не совершать ничего дурного потому, что стал понимать на своём горьком жизненном опыте, что всё плохое, приходящее через нас в мир, бьёт сильнее всего по нам же самим, а деньги, полученные нечестным путём, на пользу не идут. А Вы, дорогой читатель, раскаиваетесь в чём-нибудь, или ваша душа чиста, как альпийский снег, и раскаиваться не в чем? Так что «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива». Власть – это всего лишь зеркало нашего общества. И в ней наряду с паразитами, ворами и продажными тварями есть честные и порядочные люди, добросовестно выполняющие свои обязанности, и таких большинство.

Кстати, такое положение практически в каждой профессии. Есть врачи, а есть костоломы, учителя и мучители, священники и попы, полицейские и оборотни в погонах. Но первых гораздо больше, чем вторых, потому что каждому с рождения присуще желание быть хорошим, и даже самый отвязанный преступник хочет, чтобы его любили и восхищались им. Но как сделать, чтобы спасти свернувших с правильной дороги и несущихся в пропасть с закрытыми глазами? Если бы я удостоился такой чести, что меня спросило бы высшее руководство нашей страны во главе с президентом: «Как думаешь, Владимир Николаевич, что нам сделать, чтобы улучшить ситуацию в стране?» Я бы ответил: «Безотлагательно приступить к разработке приоритетной стратегической программы по духовному образованию и воспитанию человека обгороженного образа». Поскольку от успешного решения именно этой задачи будет наибольшее продвижение нашего общества по пути к всеобщему благоденствию. Даже если мы начнём трясти, как грушу, всех законодателей и пробудим их от вечной спячки, и они приведут все законы в идеальное состояние (и это, несомненно, тоже нужно сделать, поскольку любое усилие даёт результат), кардинально ситуация не изменится. Поскольку преступник от ужесточения наказания и усовершенствования

законов не перестаёт быть преступником. Он всего лишь меняет сферу деятельности на более безопасную с точки зрения наказания или выдумывает новую, для которой нет его совсем. Поэтому количество преступников от модернизации законов и ужесточения наказаний не уменьшится, и зло, проходящее через них продолжит наводнять общество. И те, кто утверждают, что ситуацию с преступностью можно будет значительно улучшить, если наказание сделать неотвратимым, – наивные мечтатели, поскольку, чтобы их мечты сбылись, все те, кто работают в правоохранительных органах, судебной системе и в службе исполнения наказаний, должны быть кристально чисты, а это невозможно сделать без духовного просвещения и воспитания всего общества в целом.

Кардинально ситуация поменяется лишь тогда, когда каждый начнёт понимать, что независимо от того, поймают его или нет, за любое преступление, проступок, злое дело он будет расплачиваться своим страданием. И наоборот, каждое доброе дело будет очищать его душу и приносить ему этим пользу, и что человек строит своё будущее своими ежедневными поступками. Как сказал древнеримский философ Цицерон: «Что посеешь – то и пожнёшь». И чем больше людей ясно начнут это понимать, тем добрее и светлее будет наш мир. Поскольку все беды людей – от темноты сознания. Чем выше уровень просвещённости, тем менее человек злопроводен и более добропроводен. А уверенность, что, дорогие соотечественники, в конце туннеля есть свет, и к светлому будущему мы обязательно придём, я подкреплю словами великого Серафима Саровского: «Господь помилует Россию и путём страданий приведёт её к великой славе».

«Всё это касается действий руководства страны – скажет читатель – а что делать нам, простым смертным?» Тем, кто верит в Бога, следовать тому, что говорил Иисус Христос и пророки. А говорили они все разными словами, но одно и то же. Смысл жизни человека – пребывая в любви, приносить пользу обществу и делать добро. «Я пришёл не для того, чтобы мне служили, а самому послужить и умереть для спасения многих» – Иисус Христос. «Родителям – делание добра, и близким, и чужим, и соседям, и сиротам, и беднякам, и путникам, и всему, чего коснулись руки твои» – Мухаммед. «Я не хочу знать никаких теорий о Боге, будьте добры и делайте добро, и вы познаете истину, какой бы она ни была» – Гаутама Будда. «Если хочешь изменить мир – сам стань этим изменением» – Махатма Ганди. Заставить других людей поступать так никто из нас не сможет, если они сами этого не захотят, а приносить в наш мир как можно больше добра и стараться сохранить свою душу чистой есть возможность у каждого. Чистая душа – самое большое богатство, а любовь – самое большое благо. А те, кто в Бога не верит, прислушайтесь хотя бы к словам из песни «О переселении душ» Владимира Семёновича Высоцкого: «Не лучше ли при жизни быть приличным человеком?»

ПЕРВЫЕ ГОДЫ РУССКОЙ КРЕПОСТИ НА СРЕДНЕЙ ОБИ: К 425-ЛЕТИЮ СООРУЖЕНИЯ «СУРГУЦКОГО ГОРОДА»

Через десять лет после гибели «прехроброго» Ермака во время нападения татар на казачий стан близ устья Вагая, вслед за Тюменью, Тобольском, Берёзовым и Пельмом в «Сибирской земле» в соответствии с наказом «святоцаря» Фёдора от 19 февраля 1594 года русскими служилыми людьми был основан Сургут. Его «срубили» на правом берегу «великой» Оби, при впадении в неё речки Бардаковки, в названии которой запечатлелось имя местного остяцкого князя. (Стены и башни Сургута поднялись в 30 верстах от устья реки Тромъ-ёган, где располагалась главная резиденция Бардака, скорее всего ставшего ещё накануне вассалом московского самодержца).

Первый русский город в Среднем Приобье «на яру, на красном месте» (по отзыву ехавшего в 1675 году через Сургут в Китай известного писателя и дипломата Николая Милеску Спафария) под предводительством письменного головы, то есть младшего воеводы, Владимира Аничкова заложили казаки и «литва», как называли не только литовцев, но и поляков, белорусов, иногда украинцев, именовавшихся также черкасами. С отрядом, набранным в Москве и, возможно, на пути оттуда в Сибирь, к примеру, в Коломне и Рязани (таким образом годом прежде был сформирован гарнизон выстроенного неподалёку от устья Северной Сосьвы Берёзова), казаками и «литвой», несшими временную или «годовую» службу в Обском (Мансуровском) городке, который

оставили и даже сожгли, берёзовскими казаками и служилыми остяками из Кодского княжества там, где в Обь впадает Сальма, Аничков начал «ставить» укрепления нового «государева» города за «Камнем», – города, призванного сделаться плацдармом для наступления на селькупскую Пегую орду, проникновения в бассейн Чулыма – самого крупного правого притока Оби – и в другие сибирские «землицы». Вскоре к первостроителям Сургута присоединились тобольские ратные люди и плотники во главе с князем Фёдором Петровичем Барятинским, назначенным воеводой крепости, вырешшей в считанные недели лета – начала осени 1594 года в устье реки Эгут-Ягун (Сургутки). Служилые из будущей сибирской столицы и «кодици», а также большинство берёзовцев, ещё пока морозы не сковали Обь и Иртыш, вернулись обратно.

Мятеж остяков и самоедов, охвативший Югорскую землю в следующем году, заставил московские власти отложить поход против непокорной Пегой орды. (Тогда «иноземцы» сумели осадить Берёзов и выжечь его острог; восстание было подавлено с помощью тобольских служилых татар атамана Черкаса или Ивана Александрова и прибывшей из Москвы рати князя Петра Ивановича Горчакова, располагавшего даже артиллерией).

Летом 1596 года, когда готовилась экспедиция против властителя Пегой орды князя Вони, гарнизон Сургута (строительство ко-

Памятник основателям Сургута

того завершилось лишь накануне) состоял из 155 служилых людей. Примерно столько их могло насчитываться и зимой 1594–1595 гг. – первой в длительной и многотрудной истории крепости Северного Приобья.

Перед походом в Верхнему («Вышнему») Нарыму – главной ставке Вони – сургутский гарнизон пополнился 112 казаками, стрельцами, «литвой» и черкасами. Во время этого похода (1597 г.), которым предводительствовал письменный голова Сургута Иван Колемин, местные служилые и остяки, ратные люди из Тобольска, в том числе татары, Берёзова и Коды штурмом овладели резиденцией правителя селькупов и заложил поблизости Нарымский острог, в котором затем сургутяне (чаще всего по двадцать человек) «годовали» на протяжении многих десятилетий.

Три года спустя служилые, возможно, два-три десятка, из «поставленного» под началом Владимира Аничкова города вместе с полусотней тоболяков и отрядом берёзовцев такой же численности приняли участие в оказавшемся чрезвычайно тяжёлом походе письменного головы князя Мирона Шаховского и сына боярского Данилы Хрипунова в среднее течение Таза, где возник Мангазейский острог. Не исключено, что среди примерно тридцати ратных людей, павших в бою с тундровыми самоедами (где-то на пути в низовья Енисея), кроме казаков, входивших в состав гарнизона новой сибирской столицы, были и сургутяне. Участниками сле-

дующего похода правительственных войск в «Мангазейскую землю» (письменных голов князя Василия Рубца Мосальского и Савлука Пушкина) явились помимо сотни тоболяков и семидесяти берёзовцев тридцать сургутских казаков. В 1601 году эти казаки, видимо, вместе с теми сургутянами, которые провели зиму в заполярном остроге, возвратились в город на Сальме, где несли постоянную службу.

Тогда же в верховьях Кети – в местности, которая в ту пору, как и обширный соседний край, называлась Енисеей, – сводным отрядом дворянина Марка Лодыгина, не исключено, служившим накануне в Берёзове, был заложен Кетский острог (первоначально он слыл ещё и Кунгопским – по наименованию располагавшейся на территории Пегой орды остяцкой волости, где появился). Этот отряд включал полсотни сургутских казаков, стрельцов, «литвы» черкас во главе, возможно, с Тугариным Фёдоровым. Самый известный среди атаманов Сургута, Тугарин в 1614 году вместе с казаком из этого же города Григорием Моржом управлял Кетском острогом, очевидно, ввиду временного отсутствия там воеводы. Тремя же годами ранее, будучи в Москве, Фёдоров и казак, быть может, служивший в его станице Первушка (так часто нарекали первенцев) Колпашник предлагали снести стоявшие якобы на «неугожих местах» Нарым и Кетск и построить взамен на обском берегу, «на Роздоре», один острог или даже город. Это предложение,

как и намерение возвести новую крепость на Тогурском устье Оби, не было принято после тщательного осмотра мест для новых острогов сургутским атаманом Третьяком Деевым с его сослуживцем казаком «Юшкой» (то есть Юрием) Вахромеевым. (Деев, в Смутное время тоже побывавший в Москве, с 1609 года ведал состоявшейся накануне всего из двадцати восьми человек станицей «литвы» и черкас, а ранее был стрелецким пятидесятиником – подчинённым сотника Богдана Михайлова).

Фёдоров же ещё в самом конце XVI века покорил с сургутскими казаками московскому государю «иноземцев» в Притомье и на Енисее, вероятно, в его среднем течении. В годы российской Смуты, судя по челобитной атамана за 1626 год, Тугарин дважды оказывался на «Руси», куда доставил, надо думать, «соболиную казну», – вначале в полках молодого племянника царя Василия Ивановича боярина князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского близ Калуги, куда отступили отряды «воров» из-под Москвы, затем, вернувшись из Сургута, – возле столицы в составе земского ополчения, чтобы освободить её от поляков и «литвы». (Челобитная престарелого атамана с просьбой об отставке из-за «многих служб, от ран, увечей» и определении «во... царскую службу» из своего денежного и хлебного оклада двадцатилетнего сына Петра была, кстати, отклонена, и «Сургуцкого города атаманишко» Фёдоров продолжал числиться в рядах гарнизона вплоть до смерти в 1639 году).

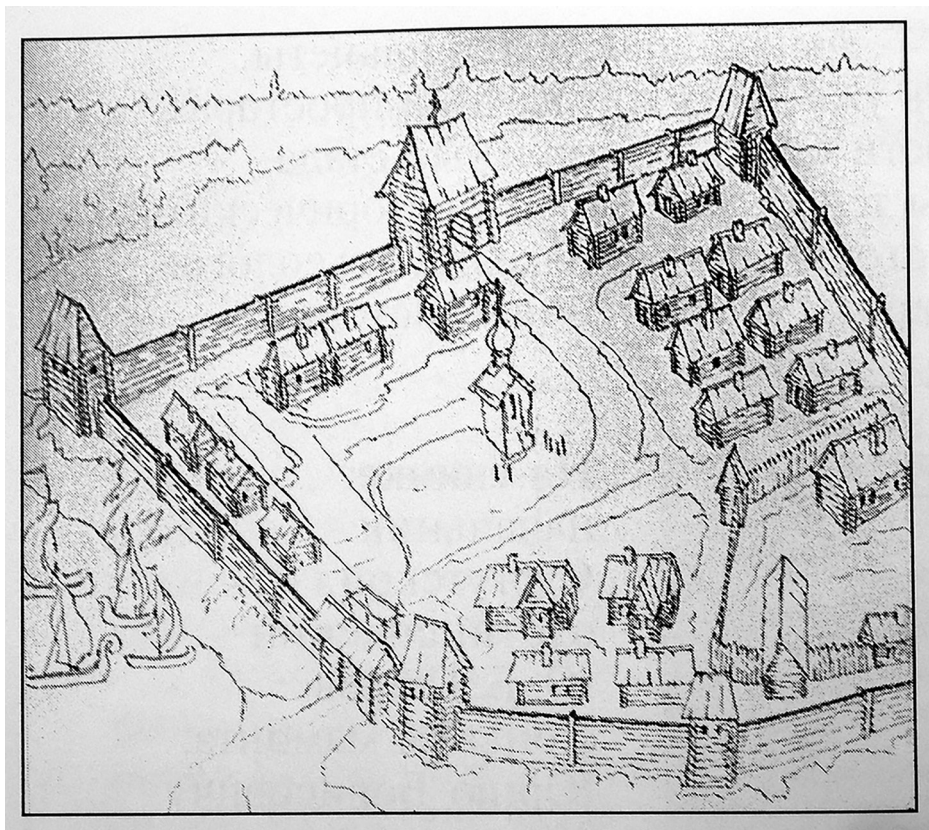
Уже после воцарения Михаила Фёдоровича (ставшего родоначальником новой династии), в 1614 году, из Сургута с «ясачной казной» в Москву приехали стрельцы Афанасий Лызлов, Фёдор Аменов, Давыд Данилов, за что по традиции были награждены отрезами сукна.

Помимо Нарымского и Кетского острогов, сургутяне «годовали» в недолго стоявшем где-то на пути с Тромъёгана и Агана к верховьям Пура Кунацком остроге, а поначалу и в «Томском городе», который летом – осенью 1604 года строили.

Тогда как минимум восемнадцать, скорее же всего ещё около тридцати выходцев из крепости, «поставленной» десятилетием прежде во владениях князя Бардака, остались жить в Томске, превратившемся подобно Сургуту в уездный центр. Среди этих сургутских служилых (как минимум трое из них – Б.Тупылев, А.А. Мангазеин, который, возможно, «годовал» в «Тазовском городе», Т.Г. Серебряников – ранее являлись берёзовцами) упоминаются П.Истомин, «родиною вологжанин» И.Астраханец, К.Медведчиков, ярославский уроженец И.Пеплинский, И.Беляев, Е.Вершинин, И.Коломна или Коломнин, С.Лудяк, П.Маслов, Бурыха, Заев, Кручинко, Бардаков (фамилия весьма красноречивая), Батрагин, Карбышев, Лурохонцев.

Ещё в середине XIX столетия известный финский путешественник и учёный М.А. Кастрен утверждал, что «решительно немного мест в Сибири, которые в эпоху её завоевания играли бы такую важную роль, как отважный казацкий город Сургут». Сохранённые дошедшими до нас документами первых двух десятилетий его существования сведения вполне подтверждают эту оценку.

Яков СОЛОДКИН,
доктор исторических наук,
профессор Нижневартовского
государственного университета,
заслуженный деятель науки ХМАО – Югры

ЧТО УПАЛО, ТО НЕ ПРОПАЛО

В более чем вековой истории Тунгусского метеорита появилась неожиданная интрига

30 июня 1908 года в Киевской губернии возле местечка Кагарлык с характерным шумом с неба свалился метеорит весом почти два килограмма – крестьяне нашли его и любопытства ради слегка подпортили космический реликт, отколотив кусочек. Это оказался хондрит – каменный метеорит со значительным содержанием металлических соединений. Драгоценный экземпляр можно увидеть в метеоритной коллекции Российской академии наук, а в мае 1921 года им заинтересовался минеролог Леонид Кулик.

Под эгидой «железного» Феликса

Это была первая Метеоритная экспедиция, определившая абсолютно точно адрес командировки: ведь если Кагарлыкский метеорит упал почти одновременно с Тунгусским – значит, нужно установить существовавшую между ними связь. Удивительное дело: поручик старой армии, кавалер двух боевых орденов изучил обстоятельства не столь глубоко, как требовалось. Никакого опроса свидетелей – тех, кто видел падение камня с неба. Просто забрал метеорит и отбыл восвояси. Но отправился в обратную дорогу в большей степени как «человек рассеянный, с улицы Бассейной»: в поезде его элементарно обобрали, реквизировав портмоне, а в нём 150 тысяч казённых рублей и все сопроводительные документы. Пожалуй, только покровительство «железного Феликса» спасло Кулика от уголовного преследования в связи со странной кражей, которую в условиях военного

коммунизма можно было спокойно квалифицировать как вредительство одного из бывших.

Почему Кагарлыкский метеорит не стал объектом пристального изучения первооткрывателя тунгусской темы? Всё дело в том, что, отправляясь в киевскую командировку, Кулик уже заранее знал от коллег: метеорит каменный, стало быть, Кагарлыкский и Филимоновский (Тунгусский) метеориты – это совершенно разные космические тела, не имеющие друг к другу никакого отношения. В данном случае Кулик совершил типичную исследовательскую ошибку: если факты не подтверждают гипотезу, от них отмахиваются, исключив из общего рассмотрения, а потом просто забывают. Вот если бы фрагмент метеорита был железным, а ещё лучше – состоял из никеля, то можно было бы составить предполагаемую траекторию его полёта и начать предметное изучение. Возможно, наука в начале двадцатых годов прошлого столетия была и впрямь близка к разгадке Тунгусского метеорита, но что-то у неё не срослось. Причина довольно банальна – пресловутый человеческий фактор, а он подводит всегда и везде, во все времена.

И всё же нашёлся исследователь, который связал воедино две географические точки, отдалённые друг от друга не только Енисейским кряжем, но даже Уральскими горами и Среднерусской возвышенностью.

– Анализ разлёта осколков при высотном электроразрядном взрыве позволяет утверждать, что фрагмент Тунгусского метеорита найден, даже находится в метеоритной коллекции СССР, – заявил ещё в 1987 году учёный в области физики плазмы, кандидат физико-математических наук Александр Невский. – Это известный метеорит Кагарлык, упавший на Украине за пять тысяч километров от места взрыва, в один день с Тунгусским метеоритом.

Предпочтительность гипотезы электроразрядного взрыва, которая странным образом лежала под спудом больше двух десятилетий,

отмечают многие современные исследователи. Одно из её очевидных преимуществ: она подтверждается практикой освоения орбитальных пространств. Действительно, тот же челночный космический аппарат, который входит в атмосферу Земли при посадке, как наглядно показывают фотоснимки, окутан светящейся плазменной оболочкой. Это значит, что он уже содержит мощный электрический разряд, но взрыв здесь исключён, поскольку всё контролируется с пульта управления Земли. Иное дело – незваный гость Вселенной, огромная кинетическая энергия которого при разгоне с высоты быстро переходит в электрическую. В итоге образуется сверхмощная разность потенциалов между метеоритом и земной поверхностью, и происходит гигантский электрический пробой – вспышка многокилометрового огненного столба, состоящего из нескольких тысяч автономных разрушительных разрядов. Целая армада плазменных молний, готовых создавать многочисленные воронки, прожигать любые объекты, скручивать их в спираль, как случилось с деревьями на Великой котловине. Но и это ещё не всё: возникшая электростатическая левитация (притяжение) в эпицентре взрыва поднимала на воздух юрты, деревья, камни и грунт, создавала на реках большие волны, которые устрашающе двигались против течения, внешне напоминая цунами.

Больше того, взрыв в нижней части метеорита отбросил его верхушку на запретную высоту в верхние слои стратосферы, а разреженный воздух практически не препятствовал разлёту частей и осколков на сотни и даже тысячи километров.

Как считал физик Невский, работавший в секретном Центральном НИИ машиностроения, множество моделей реконструкции Тунгусского феномена, которые предлагались их авторами на протяжении нескольких десятилетий, страдали существенным изъяном: объясняя одни явления, непременно спотыкались на других.

В самом деле, чем объяснить, к примеру, тот факт, что даже в далёком, отстоящем от Подкаменной Тунгуски на четыре сотни километров иркутском селении Усть-Кут после катастрофы «стал бить из-под земли горячий источник»? Этому тоже было найдено объяснение: гигантские электрические токи ушли в глубину по водоносным пластам, растопив на некоторое время вечную мерзлоту, вскипятив воду в подземных горизонтах. В итоге резко изменился ландшафт: появились горячие озёра и забились гейзеры (они существовали на протяжении нескольких суток), а тёплая вода, растекаясь по низинам, способствовала быстрому заболачиванию. Коронный разряд повлиял также и на буйный рост многих видов растительности в зоне падения Тунгусского метеорита. Как известно, обработка почвы, семян и сельскохозяйственных растений с помощью электрических разрядов, способствующих росту и урожайности культур, в наши дни активно используется на практике. Образно говоря, «огни святого Эльма», то есть электрические разряды коронного типа, как их ещё называют, – это те

инновационные технологии, которыми должен овладеть человек ближайшего будущего. Никола Тесла указал человечеству правильный путь. И как же глубоко заблуждаются сторонники его неперемногого участия в тунгусской катастрофе! Метеорит, упавший в Киевской губернии, обеспечивает 100-процентное алиби гениальному славянину, хотя многим очень хочется видеть рукотворный характер взрыва над Подкаменной Тунгуской. Может, поэтому в упор не замечают Кагарлыкский метеорит, что он сильно мешает выстроить нужную версию?

Теоретические выкладки физика Невского выглядят достаточно аргументировано: простая физическая гипотеза становится единственно верной, указывая на присутствие не только мощного рентгеновского и нейтронного излучения в эпицентре, но также и сильного магнитного поля, способного перемагнитить местные породы. Разрушение любых метеорных тел – это всегда взрыв электрических разрядов, явление катастрофичное и сложное, комплексное, оно наблюдалось на Земле всегда, включая библейские времена (Всемирный потоп).

А капитал ещё не то устроит!

Мне тоже сначала именно так и казалось, пока не вмешался в познавательный процесс домашний любимец – курильский бобтейл Тарас. В один из вечеров «мой ласковый и нежный зверь» страшно закричал, пытаясь сильно укусь за ноги и заглянуть в глаза в надежде сообщить что-то важное.

Сибирь в очередной раз потрянуло, а чуткий кот это предвосхитил, несмотря на воздействие многочисленных электромагнитных полей от ретрансляторов, установленных на крыше высотного дома. Что уж говорить в таком случае о тех представителях дикой природы, которым не знакома среда обитания в наших мегаполисах? Звери всё предскажут загодя до наступления сейсмического события.

Учёные Института геологии и минералогии Сибирского отделения Российской академии наук сегодня располагают точными данными о том, как вёл себя животный мир накануне страшного Алтайского землетрясения 28 сентября 2003 года. Что бы там народная молва ни твердила про козлов, они хорошо подумали о своей личной безопасности: за месяц до разрушительных толчков с привычных ареалов предусмотрительно ушла вся популяция сибирских козорогов. Менее сообразительными, как ни странно, оказались волки и лисицы, хотя в Горном Алтае перед катастрофой их тоже стало намного меньше. Задолго до тектонических подвижек с водоёмов, что были расположены в районе землетрясения, исчезла также и рыба.

Ситуация, что называется, один в один с теми событиями, которые произошли на Подкаменной Тунгуске. А по-другому и не может быть, поскольку предчувствия животного мира связаны с действием инфразвука, который непременно сопровождает подземные толчки и распространяется на значительные расстояния.

На снимке: стоянка Кулика (Тунгусский заповедник)

Дикие животные его улавливают мгновенно, у древнего человека эта сверхчувствительность, возможно, и наблюдалась, но в процессе эволюции оказалась утрачена.

Но ведь эти сверхчувствительные звери, птицы и рыбы применительно к проблеме Тунгусского метеорита в корне меняют дело! Животные в эпицентре взрыва ориентировались только на инфразвуки, это они подсказали характер рефлекторных действий: из чрезвычайно опасного места нужно срочно уходить. Но сегодня, увы, не существует ни одной гипотезы, которая бы учитывала этот неопровержимый факт, хотя именно он указывает на первичность земного катаклизма, что предшествовал небесному вторжению. Даже если принять за основу тунгусской катастрофы взорвавшийся метеорит, в любом случае не он конкретно стал первопричиной тектонических процессов, что уже происходили в глубинах Земли.

Есть такое понятие в сейсмологии, как «наведённое землетрясение». Что же в таком случае послужило наводящим фактором? Можно предположить, что злую шутку с природой-матерью сыграла в Енисейской губернии «золотая лихорадка» – на протяжении многих десятилетий она охватила не только енисейскую, но и ангарскую тайгу. Жажда лёгкой прибыли вылилась в хищническую эксплуатацию подземных кладовых, далёкую от экологической целесообразности и каких-либо требова-

ний техники безопасности. Непосредственно в Нижнем Приангарье, в Удерее (нынешнем Мотыгинском районе), отмечались частые обрушения шахт, потому как крепить проходку золотопромышленник зачастую не хотел. «Взорвать гору» с богатой породой в нелюдимой тайге, да так, чтобы о динамитном грохоте на всю Сибирь услышал конкурент, – это становилось делом чуть ли не престижа енисейских золотопромышленников.

Количество всегда переходит в качество, но в какие именно тектонические последствия это могло вылиться под землёй, теперь остаётся только догадываться.

Вне всякого сомнения, катастрофа над Подкаменной Тунгусской должна была как-то образумить зарвавшегося человека, а для этой цели природа прибегла к самым крайним мерам. Возможно, именно поэтому Тунгусский метеорит до сих пор не может вписаться ни в одну научную теорию: судя по всему, здесь присутствует так называемый «эффект наложения» двух мощных разрушительных событий: наведённого землетрясения и падения метеорита, вызвавшего электроразрядный взрыв. Как сейчас модно говорить, тут «два в одном»!

Николай ЮРЛОВ

г. КРАСНОЯРСК

Фото Валентины БЫКОВОЙ

В конце мая в южной части Кузбасса произошло два чрезвычайных события, на которые почему-то не обратили внимания ни администрации территорий, ни правоохранительные органы, ни общественность. С интервалом в несколько дней, по сообщениям СМИ, было убито четыре медведя. Возникла мысль: если такими темпами на Кузнецкой Земле производить отстрел диких животных этого вида, то не исключено, что через непродолжительное время из 600 косолапых особей ничего не останется.

Медведеубийство по-кузбасски

Кое у кого может возникнуть вопрос: ну, и что здесь особенного? В стране чуть ли не каждый день происходят и не такие ЧП, есть события покрупнее! А тут какие-то медведи... На первый взгляд, возможно, это логично. А как на самом деле происходили события, и при каких обстоятельствах всё это произошло, давайте вместе и поразмышляем.

О первом случае официальные источники проинформировали, что в жилой массив Заводского района Новокузнецка забрёл трёхлетний пестун. Поскольку он, как рассказывают участники отстрела, мог представлять реальную угрозу для жизни людей, было принято решение его нейтрализовать. Может показаться, что это закономерное явление. Человеческая жизнь дороже.

Официальная структура, принимавшая решение об убийстве медведя, – это Кемеровский областной департамент по охране объектов животного мира. По положению о своей деятельности, да и по моральным принципам, она во что бы то ни стало должна была защитить животное, которое по неизвестным для нас мотивам оказалось в трудной жизненной ситуации. (До конца мы так и не узнаем, почему медведь вынужден был уйти из тайги). Думаю, что сотрудники де-

партаментов, как медики в борьбе за человеческую жизнь, должны были до последнего сделать всё возможное, чтобы не прозвучал смертельный выстрел. А как на самом деле развивались события? За комментарием обращаясь к инспектору вышеназванного регионального департамента Е.Ю. Ащеулову.

– Жизнь медведя, в принципе, можно было сохранить, – после отговорки соглашается с автором этих строк Евгений Юрьевич. – А дальше-то что? Что с ним делать? Куда его пристроить?

Затем он рассказал, что этот медведь, ещё до рокового выстрела, забежал с другой стороны в город. Его охотники на 5–6 километров загнали в тайгу. Но он опять вернулся. Далее приводит разные предположения. Одно из них – мусорные свалки, оставленные дачниками садовых обществ. Они являются основной приманкой. А если это животное хотя бы раз попробовало там пищу, то оно и будет туда постоянно возвращаться. В позапрошлом году, например, мишки заходили на дачи горожан и безобразничали в огородах. Осенью хозяева палками выгоняли косолапых из своих садов, где те лакомились ягодой и яблоками прямо с деревьев.

И всё-таки предположения остаются предположениями. Ведь кто-то же побеспокоил зверя. Была, например, в регионе весенняя охота. Выдавались разрешения на спортивно-любительский отстрел (в области выдается до 200 таких разрешений, 50–60% из них удачно реализуется охотниками и даёт возможность возвращаться домой с богатой добычей). И хотя Ащеулов утверждает, что не могли как охотники, так и угольщики побеспокоить мишку, мол, там нет производственной деятельности, но это, мягко говоря, не так). Практически весь Южный Кузбасс изрыт котлованами: он занят добычей «чёрного золота» открытым и подземным способами. А это регулярные взрывы земных недр, шум мощных агрегатов и большегрузного транспорта. Всё это в стрессовом состоянии держит представителей таёжного мира. К тому же, угольщики всё глубже входят в лесные массивы в поисках «хлебных» угольных пластов. А это, не стоит забывать, законное местожительство медведя.

– Так ведь можно же было усыпить животное снотворным и вывезти его подальше в тайгу? – не отступаю от своего в пользу сохранения медвежьей жизни.

– Бесплезно! – категорически заявляет Ащеулов. – Территория, куда его, попустим, вывезем, уже занята другими сородичами. Пришельца начнут по законам естественного отбора вытеснять со своих угодий другие медведи, и поэтому рано или поздно он придёт к человеческому жилью и там будет отстрелен.

А я, например, считаю, что мог бы и не прийти. То место, куда его предполагали переселить, могло быть и не занято его сородичами (их, например, отстреляли во время весенней охоты). К тому же, как утверждает Ащеулов, животное вело себя неагрессивно на незнакомой ему территории. Просто сотрудники департамента заблаговременно не подготовились к подобной ситуации, не приобрели специальные контейнеры для транспортировки диких животных. Тем не менее официально известно, что в год в Кузбассе регистрируется до десяти случаев появления диких животных в населённых пунктах, а если неофициально – то это количество можно смело увеличить вдвое.

Если кемеровские защитники животного мира не нашли подходящего варианта сбережения жизни новокузнецкому пришельцу, то как тогда объяснить уничтожение трёх медведей в соседнем городе Киселёвске?

Небольшая предыстория.

Двадцать лет тому назад киселёвский предприниматель Валерий Карманов на бензозаправку привёз трёх медвежат и поместил их в металлическую клетку. Поначалу зверьятам жилось неплохо: хватало места для прогулок и игр, да и помимо хозяина их подкармливали водители, приезжающие подзаправить топливом свой автотранспорт. Но дальше у Карманова что-то пошло не так (местные СМИ писали, что «прогорел его бизнес») и, бросив медвежат на произвол, уехал из Киселёвска.

Вот тут-то в прямом смысле и началось издевательство над животными. Взрослым

косолапым стало уже тесно в клетке. Зимой замерзали, а в летнюю жару находились практически без воды: клетка со всех сторон заварена, и не было возможности неравнодушным доставлять туда даже питьё. Жидкость засовывали в полиэтиленовых бутылках. Как животному из такой посуды можно утолить жажду – не укладывается в голове. Не лучше было и с питанием. Если у кого-то из сердобольных водителей находилась в машине еда, то могли и поделиться. Но со временем большинству проезжающих мишки стали не интересны. Некоторые, чтобы не травмировать психику, просто проезжали стороной «концлагерь для животных». По понятным причинам, клетка не убиралась.

И вот в один из жарких майских дней, из-за прогнанных металлических прутьев, вышла на свободу ослабшая Машка. За ней потянулись подышать свободой её собратья – Антон и Света. Чем закончилась эта попытка, мы уже знаем. Их просто застрелили.

Кто организовал медведеубийство, кто дал команду на отстрел, я так до конца и не смог выяснить.

Но мерзкое в этой истории то, что процедуру отстрела медведей показали в новостном выпуске областной студии телевидения, где, правда, предупредили, что от телеэкранов следует убрать детей и стариков. А ещё ужаснее, что после «операции» в том же новостном выпуске другой инспектор того же департамента по охране животного мира, теперь уже по городу Киселёвску, Геннадий Иванович Лихоманенко «убедительно» объяснил телезрителям, что их жизни, наконец, не угрожают косолапые мишки. Посмотрите, какие, мол, мы герои, нейтрализовали опасных животных.

Посмотрев этот сюжет, многие кузбассовцы возмутились.

Встретив меня на улице, старики справедливо недоумевали, как это могло произойти в наши дни на глазах не только руководителей Киселёвского муниципального округа, но и высоких чиновников областной администрации. Уверен, что многие из них не раз проезжали мимо бензозаправки по киселёвской автотрассе и, если не заезжали в «зоопарк», то хотя бы слышали об этом гетто для животных.

Начальник департамента Павел Георгиевич Степанов считает, что возможности сохранить жизнь медведям не было. Правда, обращались с предложением приютить зверей какие-то бизнесмены из Поволжья. Но проверка их «благих» намерений прояснила ситуацию: они просто хотели приобрести зверей для «царской охоты». Конечно, им было отказано.

В этой запутанной медвежьей истории одни только вопросы. Обращаюсь в межрайонную природоохранную прокуратуру, чтобы она дала оценку деятельности (или бездеятельности) причастных к медведеубийству. Сначала мне ответили, что сообщения в средствах массовой информации по этому поводу не являются основанием для расследования. Нужно заявление от физического лица. Находясь в отпуске, я не поленился, пришёл в прокуратуру и написал заявление. Прокурор пообещал разобраться и дать ответ. О нём мы обязательно сообщим нашим читателям...

Параллельно хотелось бы сказать несколько слов ещё и о других представителях животного мира, которые остаются зимовать в Новокузнецке. Это – дикие утки. Их всё больше прилетает на незамерзающую речку Аба. В прошлом году защитники животного мира насчитали около тысячи особей.

Это хорошо, что пернатые доверяют горожанам. Но проблема здесь в другом – питание для птиц. Корма в речке нет, так как в воду промышленные предприятия сливают нечистоты, поэтому нет никакой растительности и живности. Летом, когда уходит вода, в устье, где впадает Аба в Томь, на берегу остаётся многосантиметровое мазутное покрытие. Чтобы не погибли утки, сердобольные горожане их подкармливают, но этого мало. Иногда утки выходят из воды на тротуар и на проспекте Металлургов вместе с голубями выпрашивают у прохожих еду. А это буквально в пятидесяти метрах от офиса городского комитета охраны окружающей среды.

Обращаюсь к руководству этого ведомства с просьбой оказать диким уткам помощь.

– По закону не можем, – отвечают чиновники. – Теперь они уже не дикие, так как зимуют в городской черте.

Не в этом ли ведомстве (или аналогичных ему, родственных структурах) принимались такие марзматические постановления, чтобы, ссылаясь на них, не участвовать в помощи диким пернатым и при этом оставаться на плаву?

Получается какой-то абсурд: по осени открывать охоту на пернатых – это нормально, а зимой, тем же охотничьим обществам и организациям, защищающим животный мир, организовать им совместную помощь – это «не по закону»? Так, может, пришла пора пересмотреть эти законы, чтобы и уткам, и медведям, оказавшимся в городской среде, оставался хоть какой-то шанс на выживание?

Николай НИЧИК

КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛ.

Собиратель сказок

БЕЛИКОВ ЛЕВ ВАСИЛЬЕВИЧ
(27.03.1913 – 1982 гг.)

Закончив десятилетку, Лев Беликов работал слесарем на Дальзаводе (Владивосток). В 1931 году Приморский обком комсомола направил его на Чукотку – обучать грамоте чукотских детей. Там Беликов организовал первую кочевую школу в Канчаланско-Тавайваамской тундре. А через год комсомол поручил энтузиасту новое дело – организовать красную ярангу на мысе Ванкарем.

Два года Лев Васильевич заведовал школой в пос. Ванкарем. Здесь же, в Ванкареме, был в это время самый разгар челюскинской эпопеи. К этому времени Беликов уже свободно владел чукотским языком и как переводчик оказался очень полезным комиссии по организации спасения челюскинцев. В этом же году Лев Беликов направляется на учёбу в Ленинградский государственный педагогический институт им. Герцена.

В 1940 году вновь возвращается на Чукотку, несколько лет является директором семилетней школы-интерната в пос. Уэлен. Там он проработал почти все годы Великой Отечественной войны, и этот труд был высоко оценен Родиной – Льва Васильевича наградили орденом Трудового Красного знамени.

После отъезда с Чукотки, долгое время работал деканом Северного отделения Ленинградского пединститута им. Герцена. В 1982 году в Магаданском книжном издательстве выходит большой том «Чукотские народные сказки, мифы и предания», которые записал и перевёл Л.В. Беликов.

Умер Л.В.Беликов в 1982 году.

Удивительно, но ни в справочной литературе Магадана, ни в Интернете я не обнаружил сведений о месте рождения Льва Васильевича. Ну, что ж, есть повод для продолжения исследований и поисков.

«Л.В. Беликов на протяжении многих лет сотрудничал с Магаданским книжным издательством»¹. Однако помещённый в альманахе некролог – единственный источник информации о талантливом учёном (кроме чукотского библиографического справочника²), который мне удалось отыскать. Поэтому письма Льва Васильевича, относящиеся ко времени подготовки издательством к выходу в 1979 году книги «Чукотские народные сказки и предания» на чукотском языке, добавят какие-то новые, неизвестные доселе штрихи и к портрету учёного, и к его деятельности.

Представляю заинтересованному читателю несколько найденных в архиве Магаданского книжного издательства писем Л.В. Беликова, адресованных главному редактору издательства А.М. Бирюкову:

Ленинград, 21 февраля 78.

Уважаемый Александр Михайлович!

Отвечаю на Ваше письмо от 10 февраля, в котором Вы поставили вопросы, связанные с рецензией В.В. Леонтьева.

Сокрушаюсь, что неожиданно, вдруг возникают дополнительные предложения, связанные с изменением типа издания моей книги «Лымн`ылтэ». В 1961 году книга³ эта была издана Магаданским издательством как массовое художественное издание фольклорных текстов. Тогда, кстати сказать, такой вопрос и не обсуждался вовсе. Наоборот, главный редактор специально подчёркивал в своих письмах ко мне массовый, художественный характер этого издания как книги для чтения для широкого чукотского читателя – без паспортов, «привязанных» к каждому тексту, без переводов и вообще без всяких специальных элементов научного издания. Место и время записи, имена сказителей, их места жительства были указаны в конце моего предисловия на чукотском языке, что и было признано тогда вполне достаточным для массового, художественного издания чукотских народных сказок.

Теперь эта книга переиздаётся, хотя и в дополненном виде, а не издаётся заново, поэтому,

естественно, сохраняется полностью и прежний тип издания. Иначе и не может быть.

Почему же тогда возникают вдруг эти дополнительные вопросы и предложения, связанные с изменением самого типа издания? Ведь вопрос этот отнюдь не формальный, не просто «технический», так сказать, а сугубо принципиальный, как я убеждён, так как связан этот вопрос с разными типами изданий фольклора, которые ни в коем случае не следует, да и нельзя смешивать и объединять. Тут уж, как говорится, «или – или!» «Золотой середины» тут быть не может.

Когда Вы решили включить переиздание моих «Лымн`ылтэ» в издательский план 1979 года, то Вы никаких условий передо мной не ставили, типа издания не затрагивали. А теперь, когда рукопись уже четвёртый месяц находится в производстве, Вы вдруг предлагаете мне изменить тип издания... Почему?

В.В. Леонтьев, как рецензент, не совсем прав в этом вопросе. Ему хочется, очевидно, как я понимаю, придать этому изданию научный характер. Намерение его понимаю, но согласиться с ним не могу, о чём я напишу ему.⁴

Так называемые «паспорта» к каждому тексту, т.е. имена сказителей, мне дать Вам проще всего, Александр Михайлович. Кстати, речь идёт об именах сказителей, а не «авторов записей», так как «автор записей» – это я сам, поскольку я сам записывал и проверял потом слово за словом все эти тексты.

Со всеми этими сказителями я контактировал постоянно и в течение длительного времени, когда работал в Уэлене директором школы. И это были для меня не просто сказители, с которыми встречаются, записывают от них, что надо, а потом расстаются с ними. Для меня это были живые, конкретные люди, которых я хорошо знал, с которыми общался на их языке, встречался систематически и отнюдь не только ради записей. Я даже зрительно помню многие свои встречи с ними, когда записывал всё это. Записывал я обычно в выходные дни или в летний период, поскольку занимался этим в свободное от своей основной работы время.

Между прочим, Александр Михайлович, основные мои сказители, от которых было записано большинство текстов, жили не в Уэлене, а в других селениях, расположенных значительно севернее Уэлена. Но поскольку Уэлен был в то время районным центром, то люди эти периодически и регулярно приезжали в Уэлен по всяким своим делам и всегда приходили ко мне. Они сами очень любили рассказывать мне сказки и

¹ «Лев Васильевич Беликов». Альманах «На Севере Дальнем» № 2, 1982. С. 111.

² «Писатели Чукотки». Библиографический справочник. Выпуск 1. Анадырь, 1993. С. 16.

³ «Чукотские народные сказки, мифы и предания». (На чукотском языке). Магадан, 1961.

⁴ У этого абзаца на полях надпись: «мне думается, что нужно с этим ознакомить В.В. Леонтьева». Подпись не стоит, определить по почерку, кому принадлежит замечание, я не смог.

делали это всегда охотно. Фольклор чукотский в те времена бытовал довольно широко и активно. Но поскольку магнитофонов тогда на Чукотке не было, то записывал я всё это скорописью и обязательно, потом проверял при повторных встречах. Записывать на чукотском языке было нелегко, разумеется, но мне помогала в этом моя повседневная и многолетняя разговорная практика с чукчами, которые в те годы, в большинстве своём, говорили только на родном языке.

*

Принципиальность вопроса о паспортах заключается в том, что наличия одних паспортов, как элемента научного издания, ещё далеко недостаточно. Паспорта такого рода, данные сами по себе, без соответствующего научного комментария, – это чисто формальный момент. Для научной документации фольклорных публикаций требуется ещё многое, кроме именных паспортов: подробные характеристики самих сказителей, характеристика их репертуара, сведения о бытовании тех или иных сюжетов, вариантов, жанров, научный комментарий к текстам и целый ряд примечаний всякого рода (отдельные термины, обычаи, мифологические представления в основе сюжетов, исторические справки, непередаваемые слова и т.д. и т.п.). Другими словами, для научного документирования фольклорных публикаций требуется весьма обширный и совершенно обязательный научно-вспомогательный аппарат со сведениями разного рода, рассчитанных на учёных-специалистов, умеющих всем этим пользоваться.

И всё это действительно необходимо для чисто научного, академического издания фольклора с узкоспециальной задачей: публикация фольклорных текстов как материала для научных исследований лингвистов, фольклористов и историков-этнографов. В такого рода академических изданиях обычно, как правило, публикуются национальные тексты с подстрочными (а не художественными) переводами, но бывают, конечно, научные издания и без национальных подлинников (только в переводах на русский язык), что, с моей точки зрения, уже понижает в какой-то степени их научную ценность.

А из одних национальных подлинников, без подстрочных переводов, научные издания фольклора народов Севера вообще не делаются (ведь весь научно-вспомогательный аппарат даётся на русском языке). Такие же, чисто национальные издания, как «Лымн`ылтэ», издаются и оформляются только как массовые, художественные издания, как книги для чтения. В этом и заключается целевое читательское назначение таких изданий.

В массовом, художественном издании, таких, как моя книга «Лымн`ылтэ», никакие элементы

научно-вспомогательного аппарата, в том числе и паспорта, разумеется, не применяются. Если в отдельных массовых изданиях фольклора на русском языке (без национальных подлинников) и давались весьма краткие паспорта к текстам, то обстоятельство это отнюдь не превращало эти массовые издания в научные.

Кстати сказать, и художественное оформление моей книги, свидетельствующее о массовом, художественном характере издания, никак не совместимо с научным изданием и, в частности, с паспортами, как элементом научного издания.

Ни в коем случае, как я убеждён, не следует смешивать разные типы изданий фольклора и создавать какой-то «гибридный» тип, который будет и не научным, и не массовым. Я имею в виду здесь одноязычные издания, разумеется, и, в основном, на русском языке, поскольку они чаще издаются, чем национальные. Но также и национальные, конечно, хотя они и издаются весьма редко.

Дело ещё и в том, Александр Михайлович, что именные паспорта, т.е. имена сказителей, «привязанные» к каждой конкретной сказке не только не нужны и абсолютно безразличны массовому чукотскому читателю, но даже могут сбить его с толку. Рядовой чукотский читатель, не искушённый в теоретических проблемах фольклористики по поводу коллективного характера фольклора, может воспринять в ряде случаев имя сказителя, названное в паспорте, как имя «сочинителя», т.е. «автора» самой сказки. С подобным восприятием фольклорных произведений мне приходилось встречаться довольно таки часто и на Чукотке, и даже в годы моей работы в институте со студентами-чукчами, которые нередко сообщали мне о подобном восприятии «именных паспортов» в среде рядовых читателей.

Зачем же заранее создавать такой, совсем ненужный «прецедент»? Ведь наша с Вами задача всячески внушать массовому чукотскому читателю мысль о коллективном характере устного народного художественного творчества, которое сохраняется и передаётся из поколения в поколение веками и даже тысячелетиями, но именно передаётся сказителями, а не сочиняется ими.

Правда, в отдельных случаях сказители и приносят что-то от себя, но, если и привносят, то, как правило, детали, не затрагивая общей линии сюжета и его характера. Отсюда и идут так называемые «варианты» сюжетов, которые специально исследуются учёными-фольклористами. Но чаще всего сказка повторяется сказителем почти слово в слово, т.е. так, как он сам слышал и запомнил её. Так называемые «индивидуальные особенности» сказителя выражаются, как правило, в манере исполнения – интонацией,

передачей диалогов и даже попыткой показать действия персонажей движениями и жестами.

В своём предисловии на чукотском языке я постарался, конечно, как мог, объяснить популярно массовому читателю коллективный характер устного народного творчества, а поэтому тем более не следует «сбивать с толку» читателя этими именными паспортами. Да и как мы можем требовать от рядового чукотского читателя, пусть даже с восьмилетним и средним образованием, правильного понимания коллективности фольклора, если среди самих учёных-фольклористов, в 20-е и даже в 30-е годы (XX столетия – С.С.), шли «горячие» споры и дискуссии по всем этим проблемам. Но споры эти давно, разумеется, уже прекращены и давно уже установились определённые и научно обоснованные взгляды на несомненный коллективный характер устного народного творчества, в отличие от литературы.

Извините меня, Александр Михайлович, за все эти подробности и экскурсы, но иначе мне трудно было бы объяснить свою точку зрения по поводу разных типов изданий фольклора.

В связи со всем тем, что я написал, я считаю совершенно ненужным давать именные паспорта к каждому конкретному тексту в массовом художественном издании и буду возражать против этого самым решительным образом, тем более, что в первом издании, повторяю, ничего подобного не было.

Что же касается учёных, специалистов по чукотскому языку и фольклору, то они вполне могут использовать для своих исследований и такие массовые художественные издания, поскольку издано это на чукотском языке, т.е. в подлинниках, а необходимые сведения о сказителях, месте и времени записи указаны в предисловии, что уже свидетельствует о подлинности записей, как и свидетельствует об этом сам язык и стиль сказаний (этот момент подчёркивает и В.В. Леонтьев в своей рецензии).

Поскольку, Александр Михайлович, я Вам ещё не представил перевод на русский язык своего предисловия, то хочу перевести для Вас ту часть своего предисловия, где содержатся сведения о сказителях:

«...Чукотские сказки я слушал и записывал, когда работал учителем на Чукотке. В первый раз я работал сначала в Канчалане – у оленеводов, а потом – в Ванкареме – у приморских охотников (1931–1934 годы). После этого, окончив учёбу в Ленинграде, я снова работал на Чукотке (1939–1945 годы): школьным директором был я сначала в Уэлене, а потом и в порту Провидение тоже. В то время повсюду многие чукчи знали сказки – не только взрослые, но даже подростки.

В этой книге собрана часть сказок, древних преданий и рассказов из записанных мною,

когда работал я в Уэлене, в 1939–1944 годах. Рассказывали мне – Рэнтыгыргин, Тэгрынкеу, Гэмауге, Тэютын и Элеуги (из Уэлена), Эттувьы и Кэргынто (из Метукулина), Амос, Чымкы и Раальнитто (из Четпокаиргина), Вуквулин (из Алякватваама), Ёльгын (из Ванкарема).

Все сказки я записывал на чукотском языке, слово в слово, так, как рассказывали сказители». (Рукопись, «Лымн`ылтэ», стр. 11).

Перевод дал Вам почти дословный, только имена сказителей и названия селений написал так, как их пишут обычно «по-русски», т.е. не в чукотской орфографии.

Убеждён, Александр Михайлович, что сведений этих для массового, художественного издания фольклора вполне достаточно. Утверждать это у меня есть основания, так как чукотским фольклором и фольклористикой я занимаюсь уже больше тридцати лет.

Теперь к вопросу о словарице, который Вы затронули. Не знаю, что Вы имеете в виду. Рецензент об этом вопроса не ставит. С моей точки зрения, никаких таких особых «уэленских» диалектизмов, которые затрудняли бы понимание, в текстах нет.

Как известно, восточный говор чукотского языка, куда входит и Уэлен, был положен в основу чукотской письменности и чукотского литературного языка ещё в 30-е годы, когда создавалась письменность, и когда начали издавать учебники и художественную литературу на чукотском языке. Так что все читающие на чукотском языке и прошедшие обучение хотя бы в начальной школе, должны все это понимать без особых затруднений. В этом я убедился, когда пользовался своей книгой «Лымн`ылтэ» на занятиях со студентами-чукчами, которые приезжали в институт из разных районов Чукотки. Кстати, В.В. Леонтьев в своей рецензии отмечает: «...Тексты... легко читаются и воспринимаются на чукотском языке». (См. рецензию, с. 1).

Как я уже писал выше, большая часть текстов записана была не от уэленцев, а просто в Уэлене, где я жил и работал.

Говоры чукотского языка, насколько мне известно, в основном различаются лишь по изношению отдельных слов, т.е. фонетически, а также по манере и темпу разговорной речи. Особых различий в лексике и грамматике нет. Чукчи из разных районов, как правило, достаточно хорошо понимают друг друга, в чём имел возможность убеждаться, работая со студентами-чукчами в институте многие годы.

Необходимости в такого рода словарице в чукотском национальном издании я не вижу. Кроме того, я не диалектолог, брать на себя такие разъяснения не могу, а проблемы эти у нас ещё вообще не разработаны в чукотском языке.

Пришлось, Александр Михайлович, ответить

на Ваши вопросы так подробно. Но иначе просто не смог бы, очевидно, объяснить свою точку зрения по этим вопросам.

Продолжаю работу над пересказами для художника.

С уважением – Л.Беликов.

*

Ленинград, 9 апреля 78.

**Уважаемый
Александр Михайлович!**

Ваше письмо от 1 марта получил, но сразу не ответил, так как ждал от Вас ответов ещё на два моих письма, посланных во второй половине февраля. (Из двух писем сохранилось только одно, от 21 февраля 1978 года. – С.С.). Но поскольку ответов не было, то решил снова написать Вам.

О том, что М.П. Легков сделал «черновые» переводы для художника, Вы мне сообщили. Не сообщили только ничего о получении пятнадцати моих переводов для художника, которые я послал Вам в середине февраля и просил Вас посмотреть их и сообщить мне своё мнение.

Май Павлович тоже ничего не сообщил мне об этих моих переводах так и не знаю, получили ли Вы их, или нет.

У меня был В.В. Леонтьев, и мы обсудили с ним вопросы, поднятые в его рецензии и в Вашем письме, относительно «паспортов» и диалектологического словарика к текстам.

В.В. Леонтьев согласился со мной в том, что в массовом художественном издании фольклора не следует давать именных паспортов к каждому тексту, а достаточно указать время и место записи сказок, а также назвать имена сказителей в предисловии, что у меня и сделано и о чём я Вам уже писал. И в то же время, В.В. Леонтьев убедил меня в том, что к отдельным текстам следует, всё же, в сносках дать краткие пояснения (на чукотском языке) к некоторым приморским промысловым терминам и отдельным словам.

Я попросил его сделать это вместе с Маем Павловичем. Он согласился. Но это будет не словарь в конце книги, а примечания в сносках, как это делается иногда в массовых изданиях.

Ваше сообщение о возможности заключения договора в текущем году воспринял с удовлетворением. Буду надеяться...

По поводу книги русских переводов («Чукотские народные сказания», 12 печатных листов) прошу только сообщить мне хотя бы ориентировочно, будет ли эта книга включена в издательский план 1980 года, и надо ли мне продолжать над ней работу с тем, чтобы успеть

представить Вам рукопись к концу 1978 года. Мне хотелось бы всё-таки знать это, хотя бы ориентировочно, чтобы правильно планировать свою работу в сроках и темпах.

Жду Вашего ответа.

С уважением – Л.Беликов

*

18/IV-78 г.
190008, ЛЕНИНГРАД,
УЛ. ФОНТАНКА 189, КВ. 7
БЕЛИКОВУ Л.В.

**МНОГОУВАЖАЕМЫЙ
ЛЕВ ВАСИЛЬЕВИЧ!**

В.В. Леонтьев передал мне вчера Ваше письмо. Спешу ответить на затронутые вопросы. Пятнадцать Ваших переводов издательством получены. Ваша договорённость с В.В. Леонтьевым относительно паспортов и словариков к текстам нас устраивает. Госкомиздат обещает нам добавить средства на выплату гонораров. Я полагаю, что не позднее, как в мае мы сумеем заключить с Вами договор. В проект плана редподготовки 1979 г. (выпуск в 1980 г.) я включил «Чукотские сказки», 12 печатных листов, тираж 50 тыс. экз. думаю, что эта позиция сохранится в плане. Сейчас мы приступили к обсуждению проекта плана.

Работа над рукописью 1979 года ведётся, как мне кажется, объективно.

Примите мои пожелания доброго здоровья и творческих успехов.

А.БИРЮКОВ

*

Ленинград, 12 мая 78.

**Уважаемый
Александр Михайлович!**

Ваше письмо от 24 апреля получил, но ответить сразу не смог. Прошу извинить.

В конце мая или в начале июня собираюсь выехать в Харьков на некоторое время. Надеюсь, что договор успею получить до своего отъезда.

Не могу не порадоваться тому, что книга русских переводов – «Чукотские народные сказки и предания» – включена Вами в план редподготовки 1979 года, и что Вы запланировали тираж 50 тысяч экземпляров.

Работу над этой рукописью продолжаю. Во время моей встречи с В.В. Леонтьевым в апреле я попросил его быть титульным редактором моей книги русских переводов, и В.В. Леонтьев в принципе дал согласие. Надеюсь, Александр Михайлович, что издательство против этого возражать не будет. В.В. Леонтьев отлично владеет чукотским языком, знает фольклор, и мне бы

очень хотелось, чтобы это моё предложение было принято.

Поскольку это будут художественные переводы с чукотского, сделанные мною впервые по национальным текстам из моих записей, то такого рода редактор, как мне представляется, был бы весьма желателен.

Хотелось бы ещё узнать, Александр Михайлович, когда примерно я получу вёрстку чукотской книги.

Всего Вам доброго,
с уважением – Л.Беликов

*

**=МАГАДАН ПРОЛЕТАРСКАЯ 15
ОБЛАСТНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ БИРЮКОВУ**

ЛЕНИНГРАД 1/69 33 20 1211

**ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТОГО
ВЫЕЗЖАЮ ХАРЬКОВ
ПОЛТОРА МЕСЯЦА ПРОШУ
ДОГОВОР ПРИСЫЛАТЬ
АДРЕСУ 310050 ХАРЬКОВ
МОСКОВСКИЙ ПРОСПЕКТ
55 КВАРТИРА 9 МАРШАК
ПОЛИНЕ АДЛЬФОВНЕ ДЛЯ
БЕЛИКОВА УВАЖЕНИЕМ =
БЕЛИКОВ =**

*

**Магаданская область
Книжное издательство.
г. Магадан, ул. Пролетарская, 15**

**Редактору издательства
тов. Легкову М.П.
Уважаемый Май Павлович!**

Три экземпляра договора и Ваше сопроводительное письмо получил в Харькове только 28 июня, так как из Ленинграда Ваше письмо мне передали с опозданием.

Договор меня вполне удовлетворяет, кроме формулировки типа издания в пункте 2 («Сказки для детей»). Сказки эти не для детей, а для взрослых, для массового читателя, в том числе и для школьников старших классов. Ведь когда пишут «Сказки для детей», то имеют ввиду дошкольный возраст и младшие классы школы. Поэтому правильнее было бы сформулировать этот пункт по-другому, а именно так, как это издание называется в пункте 13: «Произведения народного

творчества в прозе». Можно ещё добавить – «для массового читателя» или – «в массовом издании».

Дело ещё и в том, что, если говорить о жанровом составе сборника, то это ведь не только сказки, а в значительной степени – предания, мифы и сказания. Сказок же здесь не так уж и много (меньше половины текстов).

Если есть возможность подправить этот пункт, то я был бы Вам очень признателен. Так оставлять всё же не следует, чтобы не было недоразумений и заблуждений в отношении типа издания и его назначения.

Никаких других замечаний по договору у меня нет.

Возвращаю Вам два экземпляра договора, подписанных мною, а третий экземпляр оставляю себе.

Прошу только причитающийся мне гонорар, в том числе и аванс в размере 60-ти процентов, перевести мне в сберкасса по адресу:

190000, Ленинград, Главный почтамт, сберкасса № 1874/025,
счёт № 200560, Беликову Льву Васильевичу.

Только проследите, пожалуйста, за правильным написанием моей фамилии, так как могут написать «Белякову», и сберкасса тогда перевод не примет и отправит обратно. Такой случай у меня уже был с издательством «Просвещение».

Одновременно посылаю заявление в бухгалтерию издательства.

По всем остальным вопросам, связанным с моей рукописью, с дополнительной правкой, с иллюстрациями, напишу Вам отдельно в ближайшие дни.

С уважением – Л.Беликов
29 июня 1978 года.

*

В заключение добавлю, что книга «Чукотские народные сказки, мифы и предания», подготовленная Л.В. Беликовым на русском языке, издана Магаданским книжным издательством в 1982 году.

*

Когда я готовил документальный очерк о Л.В. Беликове, я обнаружил фрагмент рукописи на русском языке, очевидно готовившийся для книги 1982 года.

И судя по содержанию, это первая часть сказания об Одноусом – Кунлелю. В этой части рассказывается о том, как появился на свет Кунлелю, но в книгу текст этого не вошла. Причины, по которым редакция отвергла текст, остались неизвестны...

Материалы к публикации подготовил
Сергей СУЩАНСКИЙ

БЕЛИКОВ Лев Васильевич

КУНЛЕЛЮ

(Легенда об Одноусом)

Отец Кунлелю овдовел, когда Кунлелю ещё не было. Была одна дочь, звали её Кытгы. Ещё её звали Ляйвыткогыткан (Бродячая Нога) – она обошла всю землю, когда убегала от врагов. Ещё её звали Томгавкытгы – Подружившая Кытгы.

Отцу она сказала:

– Иди за невестой к корякам.

Отец ответил:

– Бесплезно, я уже старик. Не пойду я никуда, я стар.

Отвечает дочь:

– Ничего не стар! Сможешь, только иди.

Там есть сиротка – девушка, её и возьми в жёны.

Отец опять:

– Ни за что. Я старый. Всё.

Тогда дочь сказала:

– Сходи, отец. Женись на ней. Она тебе родит Кунлелю маленького.

Пришлось послушаться отцу. Пошёл он за невестой. Немолодой он, подходя к ярангам¹ взял вязанку дров. Большую кучу дров набрал, сколько сил хватило. Сразу пошёл в ярангу девушки-сиротки.

У хозяина яранги было много дочерей. Когда он услышал, что кто-то принёс пошу

¹ В книге «Чукотские народные сказки, мифы и предания» (Магадан, 1982) не яранги, но шатры.

дров, вышел, как старик выходит к старику, и спросил:

– Ого! Ты что это?

В ответ:

– Пришёл свататься.

Тот сразу:

– Ну-ну, ты иди, погляди на них, моих дочерей.

Вошли. Сел и сказал хозяину:

– Я сватаю вот эту, возьму её.

Сиротка-девушка была очень плохо одета, вшива. Плохо выглядела. Хозяин сказал:

– Эту не возьмёшь, смотри на моих дочерей!

Гость ответил:

– Я только эту возьму.

Без пользы уговаривал хозяин гостя:

– Нет! Ты видишь, она сиротка, никудышная. Получше выбери!

Тот всё отвечал:

– Я только эту возьму.

Наконец не выдержал хозяин и говорит:

– Что ж, дело твоё.

А жене сказал:

– Собери её, причеши, умой, одень в чистые одежды без вшей.

Закончив приготовления, гостю сказали:

– Идите сразу. Не стоит отрабатывать невесту.

Привёл домой. Вскоре она понесла. Родила мальчика, у которого уже был один ус. Дочь сказала:

– Уже родился Кунлелю.

Вырос Кунлелю очень драчливым, непослушным. Вырос, значит. К ним пришли враги, отца уже давно не было на свете.

Кунлелю бежал, но враги его настигли. Сразу в него кинули копьё, убили.

*

Там, в загробном мире, он сразу нашёл отца и сказал ему:

– Ох, я от врага сбежал.

Ответил ему отец:

– Да, тебя они убили! Ты умер, потому и пришёл ко мне.

Сын переспросил:

– Что?

Отец:

– Да, ты ко мне пришёл. Ты умер, и я давно умер.

Сын:

– Надо же! Как жаль! Что бы такое сделать, чтобы вернуться назад?

Отец ответил:

– Что ж, если можешь – надень замороженную кухлянку, и тогда уйдёшь в хороший мир.

Сын отвечает:

– Конечно, я не боюсь холода, одену на себя замороженную кухлянку.

Оказывается, его тело замёрзло, раз он умер.

Вдруг он ожил!

*

Три года он прятался, всё лечился. Выздоровев, решил стать ловким, сильным. Как только стал ловким. Быстрым, пошёл искать того, кто его убил когда-то. Всем врагам он говорил:

– Обождите, я не к вам пришёл. Ищу того, кто меня убил. Я – Кунлелю, когда-то убитый. Лучше покажите мне убийцу.

Отвечали ему:

– погоди, сейчас скажем ему: «К тебе пришёл!»

Обрадовался тот убийца, сказал:

– Ох, сейчас я его как следует, убью! Спасибо, что пришёл. Ожил, значит!

Вот, встретились. Сражались на копьях. Как бы между тем говорит Кунлелю убийце:

– Ещё немножко повозись со мной, потеться!

Чуть погодя Кунлелю предупредил:

– Убиваю тебя, враг!

Подпрыгнул сильно Кунлелю, взлетел. Ударил копьём по шее, отсек голову убийце.

Тогда на него набросились остальные – друзья того убитого, решили прикончить. Но Кунлелю был очень ловок, не смогли они расправиться с ним. Кто только подходил – со всеми он расправлялся.

Вот, наконец, пошёл он домой. Не один пошёл, много их стало. Сестра, обошедшая землю, нарожала в каждом стойбище добрых, мирных детей. Ни один враг не смог её

достичь, уходила она, а детей оставляла. Всех она предупреждала, что Кунлелю никому не победить, силен и ловок он. Надо жить в мире. Но за Кунлелю и его людьми всё же гнались враги, и он с ними расправлялся очень быстро.

Его племянник Рьэйипгэв – Хромой (сын сестры Кытгы) всегда оставался дома, и был тоже очень ловок, только об этом никто не знал. Однажды он сказал старшему брату:

– Поднимитесь на гору, ещё вчера я видел врагов. А я пойду на их дорогу.

Поднялись на гору, чтобы наблюдать за продвижением врагов. Притаились, ждут.

Племянник Кунлелю Рьэйипгэв пошёл на ту дорогу, по которой должны идти враги. А на том месте, где он притаился, снег кругом встоптан, чтобы видно было его.

Своих он предупредил: «Видите, вот там я буду».

Действительно, враги его сразу заметили. Направились к нему, решили сразу расправиться. Рьэйипгэв нарочно не замечал их. А своих ещё раньше предупредил:

– Когда меня начнут одолевать, я начну подпрыгивать вверх, вот тогда быстро спускайтесь ко мне на помощь!

Когда стали вплотную подходить враги, он спрыгнул, скорее, упал в яму. Кто подходил – высматривал. Дождался, пока все не подошли. Когда все враги собрались и набросились на него со всех сторон, он подпрыгнул вверх.

Как увидели, что Рьэйипгэв стал прыгать, Кунлелю с племянниками слетел с горы вниз. Когда они показались из-за снежного сугроба, встали враз, и крикнули:

– Во-ок!

Все враги обернулись к ним, вот тогда и стали бить их. Окружили и победили. Ушли домой.

Через некоторое время опять показались другие враги. Кунлелю сказал своему племяннику снова:

– Опять идут враги. Иди на дорогу, остави их.

Самый ловкий враг стал обходить Рьэйипгэва, чтобы сзади застать внезапно. Когда вплотную подошёл ловкач, Рьэйипгэв взял копьё, встал. За ним наблюдали и враги и свои.

Встал он, показал врагу копьё, чтобы тот понял вызов – биться только на копьях, без помощи луков.

Когда Рьэйипгэв показал копьё, враг на него набросился. Упал он вниз, на мягкий снег. Продолжали враги сражаться копьями, тут и остальные подошли. А Кунлелю с племянниками встали на возвышенности и опять крикнули:

– Во-ок!

Опять часть врагов к ним повернулась. Снова Рьэйипгэв вдохновился, стал копьём размахивать, только воздух засвистел. Окружили врагов и опять победили их копьями.

Пошли они домой. Это были Кунлелю, Рьэйипгэв, Уккэмкэй-шаман, Пиккытым и их друзья Каккачейкын, Ирэпикытым, Пойгылыкай, Тиутгин. Всё это – войско Кунлелю.

Убедившись, что их не победить, враги пошли на примирение, подружились. Перестали воевать. Недалеко от тех мест летовали со своими стадами оленей Олялеки – люди Олялека. Был у Олялека парень Мотлинто, который как-то соврал. Сказал, что их всех перебьёт Кунлелю со своей роднёй. И ещё так сказал:

– Говорят: «Что это на наших пастбищах выпасают оленей эти тани – чужие. Убить их надо!»

Обманул. Товарищи его сказали:

– Как нам быть? Что с ними делать?

Ответили:

– Может, нарочно скажем: «Часть наших оленей мы вам отдадим, самых любимых. Каждого по отдельности поведём смотреть

олений. Один из вас пойдёт туда, к Кунлелю, и скажет: «Приходите в гости, заночуем все рядом!»

Приняли приглашение люди Кунлелю, ночёвку устроили неподалёку. Пошли смотреть оленей. Сказали им:

– Сами посмотрите, какие вам больше олени понравятся, подарим. Только мы вам будем говорить: «Это вот мой, этот тоже, какой нравится – бери».

Отделили всех гостей, по одному повели смотреть оленей. И вот там-то с ними и расправились, тайком, исподтишка убили их.

Мотлинто (Кровосос, значит), наговорил на соседей. Совершив преступление, быстро собрали вещи и стали двигаться в сторону стойбища, потом убежали на свои земли.

Соседи спрашивали кочующих людей:

– Что это вы так торопитесь, спешите куда?

Один тайком разъяснил:

– Это Мотлинто посеял раздор, убегаем.

И на своей земле этот род не находил покоя, уходил всё дальше и дальше. Далеко от тех печальных мест застала их зима.

*

Кунлелю с другими своими людьми поехал их искать на оленьих упряжках. Плутали, пурговали: земли-то неизвестные им.

Наконец, сказал Кунлелю Уккэмкэю:

– Вроде шамана мы содержим, а толку-то? Хоть бы для успокоения пошаманил!²

² Очевидно, чтобы определить место, где укрылся Мотлинто.

И сказал тогда Уккэмкэй (Мисочка, значит):

– Подготовьте место для камлания!

Приготовили место. Воткнули копьё в землю, к нему подпрягли нарту. На нарту сел Кунлелю. Уккэмкэй кружил-камлал вокруг копьё, ему отвечал сидящий на нарте. Вот взлетел Уккэмкэй на кончик копьё, сел там и сказал:

– Та-ак! Только у горы Кувэма заяц привязанный, опустив голову сидит, белый заяц для камлания.

Заканчивая, Уккэмкэй только сказал:

– Показано идти вперёд, прямо на зайца.

Кунлелю ответил:

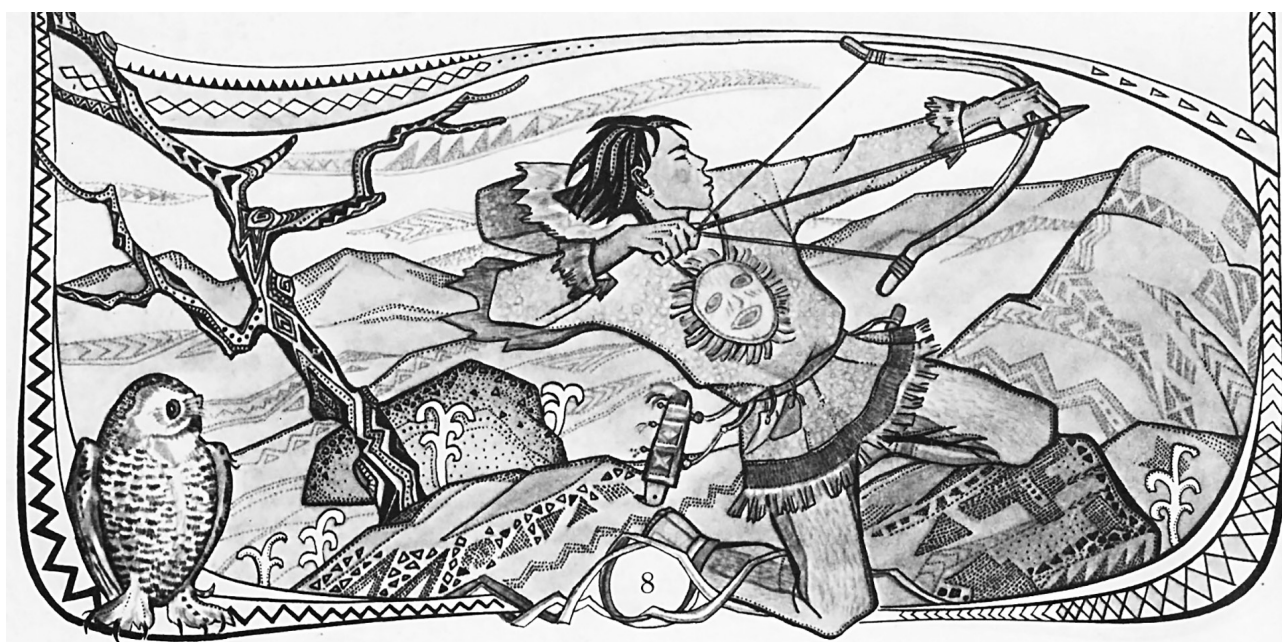
– Что ж, пошли!

Отправились на Кувэм. Попытались как можно быстрее достичь горы. Дошли до подножья, поднялись выше. На вершине вдруг увидели белого медведя – умкы. Убили. Понесли его к нартам целиком. Когда принесли умкы, стали готовиться к свершению обряда. Опять Уккэмкэй стал камлать. Говорит так:

– Э-э-э-й! вот только о единственном сыне вайкынов поём, с рассветом Пыкыттым напал на него!

После того, как свершили обряд, пошли. Очень долго шли – дорога была длинной. Дошли. Действительно пришли к рассвету.

Как раз единственный сын вайкынов вышел по нужде без ремня. Пыкыттым кинулся на него. Когда тот стал убежать в поллог, Пыкыттым на него накиннул вожжи.

Прямо по поясу обвилась вожжи, когда тот согнулся у входа. Крепко держал Пыкыттым узловатые вожжи. Подтянул, обнял. Тут подошли люди Кунлелю. Быстро налёг Кунлелю на единственного сына вайкынов, держит нож прямо у сердца и говорит:

– Убиваю тебя. Молчи, чтоб отец не услышал.

Тот заорал. Мать выбежала. Кунлелю ей сказал:

– Вот вашего сына приходится убивать!

Мать убежала и сказала мужу:

– Убивают наше дитя!

Выскочил отец, умоляет:

– Это мой единственный сын! Отпустите его, не убивайте!

Кунлелю отвечает:

– Если скажете про Олялеков – отпустим. Не скажете – убьём.

Отвечает отец:

– Боже мой, единственный мой сын, прошу вас – отпустите!

Кунлелю:

– Так, не рассказываешь – убиваю твоего сына!

– Гэк! Скажу, что делать! Только не говорите: «Он сказал!»

Кунлелю ответил:

– Хорошо. Расскажешь – догоним их и побьём всех!

Стал отец рассказывать, заикается. Кунлелю ему говорит:

– Говори как следует, смотри – не обманывай!

Стал тот рассказывать:

– Како! Ну вот – ушли они в сторону земель Тайгын. Только один путь туда – на вершину. Знайте – дорога эта обледенела.

Отпустили парня. Даже отдохнули здесь, согрелись. Во время чаепития всё поведал отец, ничего не скрыл человек вайкынов.

Ушёл народ Кунлелю. Дошли до места. Подошли к единственной дороге на подъём – залит как каток. Очень крутой и длинный подъём. Под сопкой Пыкыттым привязал на длинной верёвке белую яловую важенку с очень длинным подшейным волосом. Подёргаешь за верёвку – та кружится. Покружили так, запрягли за нос. Очень много верёвок связали в одну, понужнули важенку, прикрикнули на неё, дёрнули за вожжи-верёвку. Важенка взлетела вверх, как крикнул Кунлелю:

– Гоч-ч!

Поднялась белая важенка по склону, по дороге сбросила копытами, побила лёд, на вершине повернулась навстречу своим хозяевам. Поднялся один человек по верёвке, потом все остальные. Белую важенку принесли в жертву на вершине.

Вышли на след, догнали Олялека. Ночью пришли к стаду. Стали искать дежурного – не могут найти. Стали тогда звать:

– Мотлинтой!

Тут услышали голос дежурного:

– Ой! О-ой!

Подошли к нему и сказали:

– Где яранги? Пойдём туда!

Ещё издали увидели яранги. Завязали рот Мотлинто, чтобы ещё издали не закричал. Пришли, привязали Мотлинто к нартам. Вошли все, кто шёл с Кунлелю. Как только зашумели входящие, Олялек выхватил из-под подушки нож и сразу стал им размахивать. Одного вошедшего убил наповал. Другой крикнул Кунлелю:

– О! Одного нашего он уже убил!

Уккэмкэй сказал им:

– Возьмите его, но не убивайте!

Взяли Олялека. Коленями придавили.

Порубленного Уккэмкэй сложил в целое и положил. Взял за ноги и стал тянуть, приговаривая:

– Чик, чик, чик!

И вот надо же, совсем разрубленный напололам вдруг зашевелился, встал и стал приговаривать:

– Оккой, оккой – страшно, страшно!

Уккэмкэй ему сказал:

– погоди, осторожней.

Тот всё равно причитал:

– Оккой, оккой!

Уккэмкэй шепнул ему тогда: «Не слышу, что ты говоришь, причитаешь как слабый!» Тогда тот, порубленный, сказал:

– Го! Где этот негодяй Олялек?

Недавно убитому Кунлелю сказал:

– Вот он! Мы его держим! Убивай сам!

Ударил тот по шее ножищем Олялека. Убил.

Со всеми расправились, даже с женщинами. Отомстили. Вышли готовиться в дорогу. Развязали Мотлинто. Связали ему сзади руки, заставили гнать стадо, погоняли, торопили вруна, посеявшего раздоры. Ненавидели, и потому так жестоко обращались.

Теперь о вчерашнем вайкынце, что был по пути и указал дорогу. Пришли, значит, туда. Забили много оленей тому, у которого был единственный сын.

Опять повели Мотлинто в сторону своего дома. Со стадом его вели. За предательство очень плохо с ним обходились. Зачем он обманул ни в чём не повинных людей – одних убил, других заставил убивать?

Наконец, вернулись. Тут разделались с Мотлинто. С тех пор стали жить мирно. Навсегда закончились на нашей земле войны.

Всё.

Иллюстрации Ирины ПАВЛИШИНОЙ

Магаданские СВЕТОТЕНИ

В конце прошлого — начале нынешнего века заметным явлением в творческой среде Магадана была активная деятельность Молодёжной литературной студии «Завтрашний день», созданной благодаря члену Союза писателей России поэту Станиславу Бахвалову, выпускавшей свой журнал «Светотени». К сожалению, ввиду прекращения бюджетного финансирования, в 2009 году и группа, и журнал прекратили свою деятельность. По нелепой случайности это произошло в год, объявленный в России Годом молодёжи. Известно, что сломать значительно проще, чем построить.

Было несколько попыток вновь объединить молодых литераторов, но постоянно возникали различные проблемы. То с помещением, то создаваемое объединение уходило в сторону от литературного творчества, превращаясь в клуб для проведения досуга и свободного времени.

И вот, наконец, можно сказать, что одна из попыток завершилась удачно. На базе созданной когда-то Советом дублёров мэрии Магадана молодёжной поэтической (литературной) гостиной, кстати, не совсем оправдывавшей своё название, с конца 2014 года, под патронажем магаданской писательской организации, работает молодёжная литературная мастерская. И уже можно похвастаться первыми результатами — есть публикации, выступления на публике.

Создание странички авторов мастерской — это реакция на внимание к их творчеству со стороны читателей и создание дополнительной возможности для знакомства с их произведениями.

Пётр Ив. ЦЫБУЛЬКИН,
член Союза писателей России, руководитель мастерской

Валерия ГУШЕЛЬ

Гушель Валерия Владимировна родилась 22 сентября 1986 года в городе Магадане.

Окончила вечернюю сменную школу, профессиональный лицей № 7 города Магадана. Работает парикмахером. Свободное время посвящает уходу за ребёнком, его воспитанию, а также творчеству.

Писать начала с 15 лет. В настоящее время практикуется в различных направлениях жанра фэнтези. К Литературной мастерской присоединилась в декабре 2015 года. Ранее не публиковалась.

ЛЮБОВЬ ЗЛА...

(отрывок из повести)

Тщательно расправив оборки на платье, я пригладила волосы и поднесла кулачок к двери ректора, чтобы ненавязчиво постучаться, как подобает скромной девице. Дверь распахнулась сама собой.

– Заходи, – прогремел трубный глас, – не впускай сквозняк.

Я спешно переступила порог. Дверь хлопнулась, чуть не ударив меня.

Ректор академии восседал в высоком, обтянутом алым бархатом кресле. Мужчина, чуть за пятьдесят, он выглядел бодро и молодо. Лицо, которое любой человек в королевстве знал с пелёнок, выглядело обманчиво суровым. Мужчина был без головного убора. Я тактично промолчала – негоже королю на людях без короны показываться. Но он всё-таки уловил намёк на укор в моём взгляде. Мельком взглянул на тяжёлый золотой обод, лежащий на столе поверх каких-то бумаг и документов.

– Натирает шибко, – неопределённо махнул мужчина рукой и тут же обратил свой взор в кресло напротив.

– Ты можешь идти, – произнёс он, – и чтобы я больше не слышал, что твои создания посещают лекции вместо тебя.

Оказывается, мы были не одни. Из-за высокой спинки кресла я не увидела расположившегося в нём парня, пока тот не встал. Ростом около двух метров, юноша поражал своей неестественной худобой и бледностью. Тёмные нечёсанные волосы спускались ниже плеч, скрывая верхнюю половину лица. Беседа с ректором парню явно не понравилась. Он прошёл мимо, сильно задев меня плечом, и громко хлопнул дверью.

– Какая нынче молодёжь невоспитанная пошла! – вздохнул ректор. – Вот помнится в наши времена! Эх, да ладно. С чем пожаловали барышня?

Я протянула мужчине рекомендательное письмо. Он вскрыл его и пробежался глазами по строкам. Его брови нахмурились.

– Час от часу не легче! – воскликнул он. – Девица в академии магов?! Неслыханно! Позволь спросить, о чём думала твоя безумная матушка, когда отправляла тебя ко мне?

– Это я-то безумная?! – завопило вдруг письмо голосом матери. – Я тебе покажу, Егорушка, как оскорблять почтенных дам!

Ректор слегка побледнел и поменялся в лице

– Моё почтение, мадам Тиери!

– Ах, оставь эти фамильярности, Егор. – Гнев матери моментально сменился на милость.

– Письмо легко порхнуло перед лицом мужчины – давно ли ты меня звал просто Варварой?

Хочу напомнить, что за тобой уже давно имеется неоплаченная услуга. Я понимаю, что она не соизмерима с тем пустячком, о котором я тебя прошу. Поэтому не стоит благодарности.

– Пустячком?! Варварочка, дорогая, ты просишь зачислить девицу в мужскую академию! Эти охламоны её на части разорвут! – засуетился мужчина

– Ну, во-первых, – усмехнулась маман, – покажи мне то место в уставе, где говорится, что она мужская.

– Варечка!

– Не перебивать! Во-вторых, если ты помнишь, я сама обучалась здесь некоторое время назад. И, заметь, если бы не моя помощь, то кое-кого бы уж точно...

– Ну ладно, ладно, – устало перебил её ректор, – ты ведь понимаешь, на что её обрекаешь.

– Просто зачисли девочку в академию, – маман упрямо стояла на своём, – нечего ей было соседскому принцу глазки строить. Теперь его родители решили, что наша лапочка достигла возраста, когда её можно сватать.

– А принц недостаточно хорош, а? – невестело усмехнулся ректор.

– Ничего смешного, – надулась маман, – недостаточно. Совсем не похож на принца, ходячее недоразумение. Если бы ты только его видел, понял меня без слов. Но маг он родовитый, в четвёртом поколении. Только пальцами щёлкнет, весь урожай у нас пропадёт. Я сочла нужным ответить достойным соседям, что девочка не имеет возможности в данное время встретиться с потенциальным женихом. Связанная магическим контрактом, она соизволила отбыть

на академическое обучение. Ничего лучше я не придумала. За пять лет многое может произойти. Может, принц этот женится и думать про неё забудет. А может, и наша птичка мужа пригладит достойного, пока учиться будет. И смотри, чтоб ни волосок с её головы, иначе ты меня знаешь...

После этих слов письмо вспыхнуло ярким светом и осело горсткой пепла на столе ректора.

– Страшная женщина твоя маман, – вздохнул мужчина и водрузил корону на голову. – Что же, давай свою руку, дитя. Данной мне властью именую магию... кхм... Юлиану Тиери адептом королевской академии магии и целительства. Пусть печать академии определит её дорогу...

Я послушно встала перед столом, вложила в его ладонь свою и изогнулась от дикой боли. Руку будто сунули в раскалённую печь. Пламя опалило кожу и исчезло. У меня подкосились ноги, и я осела в кресло.

– Ядрёна корона! – ошеломлённо ругнулся мужчина, выдёргивая свою руку из моей мёртвой хватки.

– Маман не говорила, что это так больно, – прошептала я, баюкая больную руку здоровой.

– Выпей водички. – Ректор протянул мне стакан, предварительно капнув в него несколько капель подозрительно пахнущей жидкости. Похоже, он был ошеломлён не меньше меня.

– Твоя маман не могла этого знать. Она занималась по другому профилю. Боевая магия не удел женщин. На этом факультете учатся только самые выдающиеся маги. На данный момент из восьми сотен учащихся академии на этом курсе только девять человек. Как ты знаешь, полный круг состоит из пяти. Как видишь, один пока не завершён. Печать академии никогда не ошибается!! – Ректор схватился за голову. – Немыслимо! За всю историю в кругах не было ни одной девицы!

Вот таким странным образом я и начала своё обучение в королевской академии по курсу «Общая боевая магия».

В тот день Его Величество долго и сильно сокрушался по поводу девиц, которые суют свои хорошенькие носики не в свои дела, но поделаться ничего не мог. Было понятно, что мою маман он слегка побаивался. Впрочем, это не странно, она действительно страшна в гневе. Что ей мнение какого-то короля?

А с контрактом на обучение боевой магии и вовсе ничего нельзя было поделаться. Теперь я, хотела того или нет, довершала комплектацию магического круга. Обучение моё могло закончиться только выпуском из академии или смертью. Боевая магия шутить не любит.

Шагая по коридорам студенческого общежития, я пыталась припомнить свои знания о магии. В нашем славном королевстве люди делились на два типа – маги и не маги. Люди, владеющие магией, как правило, процветали. Чей урожай картофеля или пшеницы будет лучше, у тебя или у соседа, который сдобрит его малой толикой магии? Чьё вино слаще, молоко жирнее? Ответ однозначен. Вот только магией владели, в основном, мужчины. Среди женщин изредка встречались магички, но магия их в основном носила бытовой характер, и обучались они этому искусству на дому. Моя строптивая маман скорее была исключением из правил.

Магия, соответственно, делилась на четыре типа: бытовая, наследная, целительная и боевая.

Бытовая магия являлась своеобразным средством облегчения ведения хозяйства для жителей королевства. Леню копать картошку? Сочини стишок, и вон она у тебя уже просушенная, по мешкам разобранная стоит. Дом такой огромный, что его и за неделю не прибрать? Та же история. Сочиняй, применяй, властвуй.

Наследная магия переходила от отца к сыну и являлась настолько универсальной, что противопоставить ей можно было только боевую (но только в том случае, если наследник не обучался последней).

Целителей к категории магов можно отнести лишь с натяжкой. Как заклинатели, эти люди силы не имеют. Преимущественно они специализируются на травах и отварах. Тем не менее, они проходят полный курс обучения в академии. К любой пятёрке боевых магов автоматически приписывается один целитель.

Как правило, после выпуска все маги разбегаются кто куда. Но если королевству вдруг грозит беда, боевые маги незамедлительно собираются в прежнем составе.

Ох, мамочки! Ну и попала же я! На следующие два года обучения меня обязали обрезать косу и переодеться в мужское платье. Ещё снабдили амулетом, придающим мужскую ауру. Никто, кроме парней из моего круга, не должен знать, что в академии учится девица.

Первым моим заданием было разыскать СВОИХ парней и «обрадовать», что их ряды пополнились. На моей ладони образовался некрасивый рубец в виде герба академии. Ректор сказал, он не перестанет болеть, пока я не найду хотя бы одного из своих магов. Что ж! Чудно!

Следуя указаниям, я тут же отправилась в выделенную мне комнату, чтобы избавиться от своих чудесных волос. И наткнулась на того же долговязого хама.

– Смотри куда прёшь! – Воскликнул он, сбив меня с ног. И откуда только сила взялась?

– Может, это вы смотреть начнёте?! – возмущилась я. – Вы меня уже второй раз за день толкаете!

Худое лицо грубияна сначала вытянулось от изумления, а затем он начал что-то припоминать. Между тем моя рука вспыхнула неярким светом и перестала болеть.

Я настороженно уставилась на парня. От его внимания не укрылись мои трансформации с рукой. Он изучал меня взглядом, одновременно что-то сопоставляя в уме.

– Та-ак, – произнёс он, нагибаясь ближе ко мне, – и кто же тут у нас? – Он прищурился, будто изучая меня, и тут же отшатнулся. – Девушка!

Я испугалась, вскочила на ноги и побежала.

– Эй. Стой! – донеслось мне вслед. Но я уже не слушала.

Комнату нашла быстрее быстрого. Отперла ключом и замерла на пороге. Обычное помещение студенческого общежития. Большая светлая комната, шесть кроватей, у каждой тумбочка. Вот только это была мужская комната!

Внутри царил бардак. Скомканные вещи валялись на некоторых кроватях. На одной из тумбочек лежала книга, между страниц которой затесалась чья-то кость. Чья она, знать мне особо не хотелось. Тут и там на полу виднелись небольшие лужи и мокрые полотенца. Я ещё раз внимательно сверилась с номером комнаты. Я должна жить с парнями?! Одно дело выдавать себя за одного из них на уроках, другое притворяться парнем круглосуточно.

На автомате я прошла к пустующей кровати, закиданной чужими вещами. Присев, закрыла лицо руками. Мамочка, что же ты натворила? Неужели этот соседский наследник был настолько плох? Ну и вышла бы за него замуж. Так соседский замок огромен, в нём можно годами жить и ни с кем не столкнуться. Теперь мне придётся провести несколько лет среди бушующих гормонами юнцов и самой выдавать себя за одного из них.

– Кто же ты? – Чьи-то губы буквально вдули эти слова мне в ухо. Моя рука сама собой отодвинулась назад, беря разгон, и врезалась в лицо незнакомца.

Сегодня мы представляем новое имя – Артём Деревянченко. Прозаик, с чем в последнее время мы сталкиваемся реже. Для кого-то гораздо проще стало рифмовать слова и мнить себя поэтом.

Но Артём не обычный прозаик. Он – фантаст. Можно даже сказать – в некотором роде продолжатель традиций той фантастики, которую принято называть советской. Того периода партийных запретов, когда в творчестве нельзя было о многом сказать открыто, но можно было сказать в форме фантастического произведения. Чувствуется, что Артём находится под влиянием этой литературы.

Его рассказы так же проникнуты глубокой философией, размышлениями о смысле бытия, о будущем планеты. В них звучит предупреждение людям быть внимательнее и бережно относиться ко всему, что нас окружает в настоящем.

Особо хотелось бы выделить рассказ Артёма «Скрежет за стеной». В год, когда отмечался очередной юбилей Победы советского народа в Великой Отечественной войне, приходилось сталкиваться с тем, как на различных мероприятиях молодые люди декламировали литературные произведения, не проникнувшись их содержанием. Это происходило там, где репертуар выбирался взрослыми, в угоду формальным плановым и отчётным показателям. И только у немногих, кто сам выбирал произведения, можно было заметить дрожь в голосе и слёзы на глазах.

За Артёма в плане отношения к нашему прошлому можно быть спокойным. То, как он вжился в своего героя этого рассказа, говорит о том, что гордость и другие чувства, с которыми мы должны относиться к Великой Победе, он впитал в себя с генами, передавшимися ему от отцов и дедов. С такими людьми можно быть спокойными и за наше будущее.

Член Союза писателей России
Пётр Ив. ЦЫБУЛЬКИН

Артём ДЕРЕВЯНЧЕНКО

Артём Андреевич Деревянченко родился 6 мая 1991 года в городе Магадане. Здесь же в 2008 году окончил школу № 15 с углублённым изучением математики. После очного обучения в Северо-Восточном государственном университете получил диплом психолога и поступил на службу в войска ПВО Воору-

жённых сил России на должность радиотелефониста-разведчика, окончил её в звании младшего сержанта.

С 2014 года работает в АО «Серебро Магадана» и заочно обучается специальности «Государственное и муниципальное управление».

Увлёкаться творчеством начал с младших классов школы, с написания пародий и приключенческих историй. С 2012 года пишет в жанре ужасов и философской фантастики.

Публиковался в журнале «Литературный Кисловодск».

СКРЕЖЕТ ЗА СТЕНОЙ

Уже не один десяток лет меня не покидает ощущение, что тот звук, который я слышал дождливой ночью 17 сентября 1947 года, преследует меня повсюду. Мне трудно подобрать слова, чтобы выделить его из застывшего в ушах сумбура: я слышу гудящий двигатель, шуршание бумаги, лязг механизмов, рокот осыпающихся камней, непрерывные барабанные удары и многое другое. Этот звук не даёт покоя даже в алкогольном забвении, напоминая о себе снова и снова. И виной всему этому – старый дом, в который я переехал после войны...

Меня зовут Алексей Демидов, как и многие храбрецы своего времени, я вступил в ряды Красной армии и выступил против немецких захватчиков. В этом был весь я – молодой солдат, немного безрассудный, но уже целеустремлённый. Восемь раз я попадал под пулю, но всегда находил силы встать на ноги. И каждый раз, когда кровавый туман рассеивался, и я видел перед собой удивлённое лицо медика, всегда звучала одна и та же фраза: «Откуда в тебе столько жизни?!» Мне нечего ответить, по какой-то причине сами небеса выталкивают меня.

Когда война миновала, я долго не мог приспособиться к ведению хозяйства с одной рукой. Годы искалечили моё восприятие мира. Да, для кого-то я ещё оставался тем весёлым солдатом, любящим сыграть на аккордеоне, выпить стакан молдавского вина и спеть известные русские песни, но те люди уже давно меня не видели. Каждое утро я подходил к зеркалу и вздрагивал при мысли, что этот живой мертвец, измождённый голодом и войной, бледный, словно никогда не видевший солнца, со следами вечного одиночества в глазах смотрит прямо в душу. Отголоски прошлого звучали каждую ночь, и я с криком просыпался в холодном поту, выхватывая из-под подушки нож. Но это лишь кошмары...

Говорят, заброшенная усадьба в два этажа с подвалом и слегка погнувшимися стенами, что находилась на холмистой местности за городом, когда-то принадлежала некоему Василию Зареву. Я не знаю, кем был этот человек; жители города дали ему незамысловатое прозвище – Мастер. Он зарабатывал на существование, занимаясь ремонтом техники: металлическая посуда или сложные машины – часы, граммофоны и тому подобное. Делал он это качественно и быстро. Такой человек, наверное, был очень ценен во время войны. Это подтверждает тот факт, что в доме я обнаружил телефон – неожиданная находка, ведь подобную роскошь могли позволить себе только единицы людей.

Кто жил здесь до него – неважно, дом пустовал и пользовался дурной славой. Мастер переехал сюда незадолго до войны и практически в одночасье приобрёл репутацию технического гения. Не было приспособления, с которым бы он не совладал. Однако, имея внешность небрежного и непомерно утомлённого художника, он редко появлялся в городе, предпочтя скрытный образ жизни. Всегда в порезах и ссадинах, иногда в ожогах, пропахший порохом и с измазанными машинным маслом волосами – этот человек пугал и своей несговорчивостью, утаивая собственные эмоции. Но когда началась война и в эти земли вторглись немецкие захватчики, люди узнали истинное лицо Мастера – безжалостного и могущественного.

Этот человек убил свыше десяти немцев за пару секунд. Никто так и не понял, как он это сделал, но изувеченные тела остались в памяти многих. Их как будто разорвало изнутри, не нашлось и следов пороха и ожогов; их кости просто треснули от высокой температуры, как многие бы сказали – почти вулканической. Возможно, Красная армия получила бы мощнейшее в истории оружие, если бы Василий Зарев не исчез после этого инцидента...

В его доме перевернули всю мебель, выломали полы, осмотрели двор и подвал, но ничего необычного не обнаружили. Слухи стали местной легендой, а его дом – моей собственностью.

Дневник Мастера хранился в стене за перекошенной картиной с изображением морского пейзажа – классическое место для тайника. Странно, что его не обнаружили раньше. Иногда мне казалось, что хозяин просто залёг на дно, пока суета вокруг его имени не приутихла, а впоследствии вернулся и завершил свои дела. Этот человек был первоклассным художником, о чём свидетельствует качество исполнения чертежей с изображёнными на них человекоподобными фигурами из металла.

Страницы дневника покрывал слой пыли, а их содержимое составляли подробные схемы и описания устройств, которые выглядели необычайно сложными, заметки и личные мысли автора, от навязчивых идей которых бросало в дрожь. Аккуратность и полное отсутствие зачёркиваний указывало на существование двух версий: либо Мастер неоднократно переписывал свой дневник, стараясь оставить отпечаток компетентного человека, либо он действительно знал, с чем имеет дело, а именно, во что я долго не мог поверить, – с инопланетной технологией.

Признаюсь честно, поначалу я думал, что всё это – научная ересь безумного изобретателя, мистификация неудавшегося учёного или попытки писателя-фантаста. Но такая доскональность не могла быть выдумкой.

Я не заметил, как выпил весь запас чая. Сумерки давно окутали лес, сквозь щели в стенах пробирался ночной сквозняк, а горячие угли потрескивали за железными створками камина.

На последней странице записи обрывались – последующие вырваны Мастером. Меня это омрачило больше, чем потеря руки: он рассказывал о науках, не известных современному человечеству, и о явлениях, изобретения которых они могут вызывать. Управление погодой, притяжение стихий и теория шума, в которой он раскрывает силу, способную расщеплять любую материю при правильном подборе звуков. Это не могло быть правдой и казалось безумным. Тем не менее, изучая ранее естественные науки и совсем разочаровавшись в жизни, я подумал над тем, что кое-что из написанного Мастером имеет смысл...

Неожиданно ударил гром. Стёкла вздрогнули, и если бы я при переезде не позаботился о раме, мне пришлось бы ночевать в сквозняке и заколачивать окно с видом на дорогу. Дождь усиливался и перерос из последовательной барабанной дробы в непрерывный ливень. Затемнённое дерево, растущее на холме недалеко от дома, в такую пору всегда играло с моим воображением. Ещё никогда прежде я не ощущал такого волнения, как сейчас, глядя на него во мраке сквозь дождь. Его длинные ветки, подобно руке костлявой ведьмы, склонялись над ещё одной тенью, словно намеревались схватить эту фигуру и впиться в неё острыми когтями, протягивая их всё ближе и ближе...

Я долго смотрел на это, пытаюсь всё осмыслить, потом ошеломлённо вскочил со стула. Моя рука сама по себе схватила со стола охотничий нож. Кто ты?.. Друг?.. Враг?.. Кажется, тень дёрнулась, словно увидела в окне моё движение. Странно. Стрельбы нет. О, Боже!.. Это дерево зашевелилось!..

Когда я добежал до неровного и усеянного ветками и камнями холма, промокнув до ниток, в тени уже никого не было. Высушенное дерево угрожающе скрипело ветвями, словно приказывало убираться прочь. Я упал на колени и, вбив нож по рукоять в землю, смахнул с лица влагу. Казалось, я находился на грани сумасшествия. Я понимал, это иллюзии – всего лишь моя больная фантазия, но в этой тени я действительно кого-то видел! Призраки прошлого до сих пор преследуют меня. Оставьте меня в покое! Я должен был! Я был обязан это сделать! Простите меня, простите!

Лунный свет вырвался из плена грозových туч и осветил дерево, отражаясь от влажной, покрытой каплями серой коры. Я снова увидел руку ведьмы, цепкую и опасную, от вида которой мне захотелось спрятаться в доме и никогда не высовываться. Её пальцы подрагивали, будто живые, и пытались что-то схватить. Продолжая смотреть на дерево, совсем забыв о дожде, я простоял на месте ещё четверть часа, прежде чем вернулся в дом...

Остаток ночи я провёл в глубоком размышлении, изучая найденные чертежи и пытаюсь выделить из них полезную для себя информацию.

***

Несколько ночей жители города видели человека, похожего на поседевшего от тягот жизни старика. Он копошился в мусорных кучах и вытаскивал из-под завалов зданий куски металла. Видя его спину издали, они в страхе уходили прочь. Молодой парень выглядел как смерть – бледный, с отрешённым взглядом и странным выражением лица, на котором эмоции менялись безо всякой причины, будь то гнев или апатия, а через мгновение – восторг или неподдельный ужас. В психиатрических клиниках таких держат в изоляции. Про работу он не вспоминал, его давно уволили из-за прогулов. Физическое истощение от бессонных ночей отразилось и на его лице. Движения ему давались с трудом. Временами он засыпал, стоя на ногах. Потом вздрагивал и снова шёл, ни на кого не глядя. В своих мыслях он был единственным человеком на планете. Единственное, что он слышал – это два слова, которые сам себе произносил безумным шёпотом:

– Вернуть руку... вернуть руку...

***

Прочные железные пальцы со скрежетом сжались в кулак.

Я с восхищением, почти с влюблённостью смотрю на новую правую руку и поигрываю

пальцами, наблюдая за движением механизмов. Мне потребуется немало времени, чтобы привыкнуть. Слегка неуклюже я хватаю со стола клещи и крепко сжимаю – с неприятным звоном литое железо ломается, как деревянная игрушка. Пальцы работают, но не чувствуют ни тепла, ни шероховатости, ни влажности, ни гладкости. Совершенно ничего. Это и описывал Мастер в своём дневнике – свобода от всего человеческого и ощущение невероятного могущества. Именно этого не хватало на войне. Теперь я мог сокрушать стены и рвать врагов на части. В своих мыслях я погрузился в самый разгар войны и расхохотался, представив шок и ужас фашистов, когда они, наконец, поймут, с кем связались. Эта рука великолепна. Намного лучше прежней.

И этой... второй...

Я долго смотрел на неё – обмотанную окровавленными бинтами и покрытую порезами левую руку. Эта боль отвлекает меня от торжества – сколько раз она мешала сосредоточиться на работе! Дрожа от волнения, я поднимаю со стола пилу...

И именно в эту ночь я услышал этот звук.

Он звучал и раньше, но именно в этот момент я его УСЛЫШАЛ. Шорох – тихий и прерывистый. Это крысы?.. Нет-нет-нет!.. Я потравил их ещё в первый день своего переезда! Этот звук не покидает меня с тех пор, как я поселился в этом проклятом доме. Когда закончился тот ливень и ветер перестал поигрывать скрипучей деревянной конструкцией дома, я, наконец, понял, что это не галлюцинация. Свист, вибрация, голос, барабаны... – это не в моей голове...

Я бросаю пилу и ещё раз осматриваю свою настоящую руку, ощущая напряжение в глазах и прояснение разума. Встряхиваю головой и шагаю в подвал, пытаюсь забыть о том, что я намеревался сделать...

Лестница прогнила, местами рассыпалась, осталось лишь несколько ступенек. Воздух испорчен запахом гниющих тряпок, пылью и крысиным ядом. Здесь я был только один раз и ушёл сразу, как увидел крыс, пожирающих мебель и бумагу. Тогда я скинул им банку с ядом. Ненавижу и презираю этих тварей!

Стараясь привыкнуть к свету керосиновой лампы, я с тревогой огляделся. От стены до стены протягивались сети паутин. Под ногами хрустнуло, и я с отвращением вытер подошву о край ящика. Эти тараканы переживут даже конец света! Лампа осветила стену, на которой побелка была относительно свежей. Прикоснувшись к ней рукой, я почувствовал вибрацию. За стеной что-то талось... Звуки за ней иногда замолкали, но через мгновение снова штурмовали мои уши

пугающей сбивчивостью, вызывая мурашки по всему телу.

Я ставлю лампу на ящик и замахиваюсь механической рукой.

Удар. Кирпичи впадают в стену. Этот звук... треск камня... разрушение... Я чувствую, как на смену страху моментально приходит восторг.

Удар! Эта стена – она как бумага – сминается от прикосновений. Никогда я не ощущал подобного – и я не могу остановиться. Удар. Ещё удар!.. Удар!..

Кажется, я вывихнул руку в плече – механическая рука тяжела для моего тела. Со временем я верну себе прежнюю форму и стану сильней.

Я просовываю руку через образовавшееся отверстие и выгребаю разбитые кирпичи, обнаружив за ними проход...

В нос ударила резкая комбинация запахов, почти таких же неразличимых, как и эти звуки. Одно могу сказать точно – меня едва не стошнило, когда я прошёл внутрь.

Справа стоял умывальник. Его невозможно проигнорировать – свет керосиновой лампы упёрся в стену, и глаза опустили взгляд на его содержимое. Куски разложившейся плоти выглядели узнаваемо даже спустя несколько лет после последнего посещения человеком этой комнаты. По половицам бесформенной дорожкой протягивалось пятно – не то грязь, не то высохшая кровь. Сглотнув, я поднял лампу выше и проверил наличие ножа на поясе.

Эта лаборатория. Стены – из обвалившегося кирпича, но при этом не лишены декораций в виде психопатических картин и карты мира. Они разрисованы неизвестными мне формулами и графиками. Остановившись на ступеньках перед огромным плакатом, я в недоумении обежал карту быстрым взглядом. Европа, Африка, Америка – их нет. Вместо них череда островов и неизвестных материков. В уголке я обнаружил царпины, складывающиеся в цифру «2087».

Я вошёл в комнату, заполненную массивными проводами и щитами электропередач, но недолго осматривался и предавался размышлениям о предназначении этих удивительных устройств. Механический скрип привлек моё внимание – и это было последнее, на что я взглянул, ибо увиденное заставило меня кричать...

***

Той ночью я наблюдал, как от дома в небо поднимаются клубы дыма. Пламя, поглощая мебель, вещи, перебиралось на крышу. А потом земля задрожала, ибо раздался взрыв невиданной мощи, словно под домом

находился склад вооружения целого города. Огонь и взрыв уничтожили всё, что было спрятано от людей...

Я так и не нашёл вырванные страницы из дневника, поэтому для меня всё это тоже навсегда останется загадкой. Кто заделал проход, желая сохранить всё в тайне? Как Мастер убил тех немцев и куда перепрятал свои изобретения, когда в дом ворвались члены правительственных организаций? С кем он держал связь по телефону? Откуда пришёл и зачем остановился в этом богом забытом месте?..

Вопросы, вопросы и снова вопросы. И ни одного ответа...

Это существо из комплекса биологического и механического, которое я обнаружил в лаборатории, уже давно перестало быть человеком. Стремясь обрести нечеловеческую силу и бессмертие, дабы получить преимущество перед обычными людьми, он намеренно превратил себя в чудовище. Если верить заметкам в дневнике, его физическая оболочка была на грани между жизнью и смертью, источив жизненные силы от какой-то болезни. Но он не учёл главного – материал, из которого изготовлено его искусственное тело, не был долговечным, и его суставы уже давно проржавели. Однако сердце продолжало биться – настоящее человеческое сердце, погружённое в прозрачный цилиндр. С приглушённым эхом оно поддерживало жизнь существу, которым стал Василий Зарев. Если бы я был подготовлен к тому, что предстояло увидеть, я бы вернул его к жизни и задал сотню или даже тысячу вопросов...

Но я испугался. Бросил лампу и вывалился через проход в стене, ободрав куртку и разодрав плечо...

17.05.2013 г.

СТАЛЬНЫЕ КРЫЛЬЯ

*«Мы бы не считали их такими красивыми,
если бы они не летали.*

*Или если бы они летали прямо и быстро,
как пчёлы. Или если бы они кусались»*

(Примо Леви)

Я не могу забыть это прикосновение, которым ты одарила меня при первой встрече. Прекрасное создание с синими крыльями – ты порхало перед моим лицом и щекотало кожу, будто нарочно раздраживала любопытного мальчишку. Ты помнишь, раз или два я пытался поймать тебя, но мама останавливала меня и приговаривала, указывая пальцем: «Ни одно живое существо на свете не заслужило такого восхищения, как ба-

бочка, и трогать их руками – это проявление неуважения не только к насекомым, но и ко всему человеческому роду». Будучи ребёнком, я не понимал, о чём она говорит, и лишь через десятки лет, взяв в руки книгу Рэя Брэдбери, понял, какую роль ты способна сыграть в нашей жизни.

За свою жизнь я встретился со многими из вас: Репейница, Монарх, Виктория, Омерус, Синяя морфа, Огнёвка, Махаон и даже обычная Капустница. У вас много имён. Я был ошеломлён, когда узнал, что существует столь огромное количество насекомых, объединённых одним простым словом «бабочка». Это слово есть в языке каждого народа мира. Если отбросить понятие «насекомое», то бабочка – это: галстук, способ установки парусов, стиль плавания, звёздная туманность, знак психиатрических учреждений, символ души и возрождений, поцелуй – когда влюблённые касаются друг друга ресницами, словно бабочки усиками... Разве это не прекрасно?.. Не так давно весь мир считал, что бабочка должна быть не только национальным символом Филиппин, но и всей планеты!

И мы настолько восхищались вами, что не заметили, как не мы, а вы стали хозяевами этого мира.

Но настал день, когда триллионы гусениц были уничтожены огнём, так как угроза их распространения достигла критической отметки.

Они обгрызли все растения, оголили леса и повредили миллиарды листовых деревьев. Полмира было обтянуто их паутиной, а уровень кислорода понижался, поскольку растений становилось всё меньше. Планету, на которой почти не осталось зелени, не спасали даже дожди – из-за ошибки человечества в связи с развязавшейся агроклиматической войной земля оказалась выжженной до опустошения, а с неё, не оставляя и следа, начали исчезать микроорганизмы и минералы. И всё это – из-за гусениц, которые съели почти всю флору планеты, чтобы превратиться в этих удивительных созданий – бабочек. Какая трагедия охватила наши жизни!

С тех пор прошло много лет. Потребовались долгие годы непосильных трудов, чтобы наука смогла скопировать ДНК известных человечеству растений, но те лишь видом дублировали оригиналы. В свободное от работы время я прихожу в этот парк, чтобы сесть на скамью и вдохнуть прохладный воздух, исходящий от кондиционера. Но сердце не знает покоя. В этом городе ему нет места. Насколько бы далеко ни продвинулась наука, мы живём на руинах старого времени, и вид полуразвалившихся зданий

и выжженной земли всегда будет нагонять нескончаемую тоску.

И очень скоро я понял, чего в мире не хватает.

Дети будущего никогда не увидят бабочек – тех изумительных созданий, которыми не так давно восхищались все и о которых теперь боятся даже вспомнить. Они не увидят их полёт и не смогут бежать следом, подражая и копируя их движения руками, всегда оставаясь в неведении, насколько хрупка в этом мире истинная красота, которую так легко уничтожить, лишь сомкнув пальцы в кулак. Они забудут все цвета природы, потому что больше нигде их не отыскать. Следы существования этих насекомых стёрты. Не осталось книг и коллекций высушенных экземпляров, которые люди безжалостно бросали в огонь.

Мой отец был охотником, и я не мог просто наблюдать – мне всегда хотелось схватить, пощупать, изучить до тонкостей каждую деталь и оставить на память трофеем. Не могу сказать, что горжусь этим, загубив несколько тысяч бабочек, но если бы я не занимался таким подробным изучением всего, разве смог бы прийти к конечному результату своей работы, которой уделил почти половину века – остаток своей жизни?

Впервые я задумался над этим вопросом, когда пошёл на работу новым, более коротким путём, но опоздал на десять минут. Механический труд, которым я занимался уже много лет, изготавливая детали для жизнеобеспечивающей машины, что создана с целью возрождения флоры на планете, не обещал мне ни перспективы, ни карьеры, ни личностного роста – мой вклад в светлое будущее был настолько ничтожен, что даже я его не замечал. И, невзирая на это, меня ожидало наказание за нарушение дисциплины.

Идя на работу, я услышал крик из невысокого здания с облупившимися от выстрелов стенами, когда уже был готов повернуть и исчезнуть в тёмных лабиринтах старого города. Это был панический вопль, издаваемый самой суетливой женщиной в городе, известной своей манией преследования, которую сторонился каждый житель города, так как её истерика нередко доходила до нападения. Удивительно, что эту женщину ещё не лишили материнства. Но какой бы ни была причина, у неё было сильное потрясение – пронизывающее и внезапное, как и сам вопль для моих ушей, будто весь мир распался перед её глазами. С таким криком даже самые сдержанные люди находили мертвецов в своих домах и глохли от собственных голосов. Какое-то время я находился в ступоре, но опомнившись, со всех ног бро-

сился на помощь, уже заранее приготовившись к жуткому зрелищу, ибо убийства не были редкостью в городе.

В подобию детской комнаты с обгоревшими стенами, пыльными коврами и обрушившимися стропилами, в окружении мебели и сломанных игрушек, я увидел лицо, отразившее нечеловеческий ужас. Женщина в панике отползала в угол и закрывала голову руками, защищаясь от невидимого моему взору монстра. Лишь позже я понял, что этим монстром был её собственный сын. Ребёнок выглядел напуганным не меньше матери. Он не понимал, что с ней происходит и пытался помочь, но с каждым приближением наносил удар по психике женщины. Я не успел отреагировать, как мать с обезумевшим воплем отбросила сына в сторону, и, не замечая моего присутствия, выскочила через дверь. Ребёнок остался один и зарыдал.

Пытаясь осмыслить увиденное, я сначала растерялся, но потом мой взгляд опустился на старый клочок бумаги, на котором мальчик рисовал, и всё прояснилось. Этот мальчик где-то нашёл обрывок бумаги и изобразил на нём маленькую, по-детски неуклюжую, но ярко раскрашенную бабочку-монарха. В генах людей хранится память о мире, который видели наши предки – наследственная память. Мальчику никогда не приходилось видеть бабочек, ни живую, ни на изображениях. Он увидел бабочку во сне и был также впечатлён, как и я в его возрасте.

Я улыбнулся ему, спрятав рисунок в кармане, и в спешке покинул дом.

Его мать глядела на насекомое как на нечто неопишное, отвратительное и мерзкое создание, какое могло возникнуть только в воображении душевнобольного человека. Такая судьба и ожидает этого бедного мальчика, и я не в силах ему помочь. Я надеялся, что смогу спасти его, но врачи психиатрической лечебницы поверили словам этой сумасшедшей женщины, которая с неумолкающим воплем ворвалась в отделение, описывая чудовище, созданное её ребёнком. Через двадцать минут его забрали в лечебницу, где маленькая надежда, отголосок светлого прошлого, безвозвратно потонула в бездне отчаяния.

Оказавшись на своём рабочем месте, я всерьёз задумался над тем, что мало кто на планете, кроме меня, может это понять. Каким будет мир через сто лет? Люди потеряли способность видеть красоту в обычных вещах, их восприятие исказилось. А я, молчаливый творец металлических деталей, угнетённый окружающей атмосферой, начал ощущать в себе чувство, словно включаюсь в серое общество и становлюсь похожим на

бездушную машину, которую создают мои руки. Но если есть в моей жизни какая-то миссия, то для меня это – возможность что-то изменить...

До глубокой старости я трудился над крыльями, вырезая их из тонкого металла и расписывая несмываемой краской сложные узоры. Тонкие лапки с механическими изгибами терялись на моём столе, без увеличительного стекла я не мог их найти – ведь зрение с возрастом убывает. Было очень трудно. Лишённый сна, я становился утомлённым и очень раздражительным. Однако ни одна из пойманных мной в детстве бабочек не погибла напрасно, и поэтому изготовленные детали в абсолютной точности повторяли их натуральные размеры и оттенки. В каждой металлической фигурке родилось перевоплощение каждого вида, различной расцветки, размера, форм. Искусственные бабочки разбираются во времени, избегают препятствий и идут на запах цветочной пыльцы, а значит, будут разносить цветы по миру. У них есть только один отличительный признак – они не могут откладывать личинки и продолжать свой род. Но им это и не нужно. Они – бессмертны.

Что касается меня, то моя жизнь подошла к концу в третьем десятилетии двадцать первого века. Одержимый идеями о возрождении бабочек, я быстро сдался безумию. Будучи ребёнком, я иначе представлял счастье: семья, дети, причём один из них обязательно рыжий, как и его мать. Но когда весь мир перевернулся с ног на голову, и я потерял всех, кто был мне дорог, образ будущего раскололся на тысячи осколков. Я был близок к идее о суициде, но вовремя обрёл цель своей жизни.

И сегодня я её достиг.

Когда меня, смеющегося от радости старика, связывали врачи психиатрической лечебницы, часовой механизм сработал точно по расписанию. Тысячи механических бабочек взлетели в воздух, издавая не машинный, а только самый естественный звук – лёгкий хлопок крыльев, пусть и стальных, но изящных маленьких созданий, что ловят ветер разноцветными крыльями и отражают солнечные лучи радужным дождём.

Я счастлив, ибо построил будущее для этого мира. Многие, закрыв лицо руками, слепо и беспомощно метались, ища спасения, натываясь на стены и сбивая друг друга, пока не исчезли с улиц.

Вы не поймёте, что я сделал это для вас, люди, и вы в страхе будете истреблять мои творения. Не знаю, как сложится судьба человечества, и могу лишь надеяться, что вы изучите тот клочок бумаги, который я сейчас сжимаю в руке. Да-да, тот самый, с ри-

сунком бабочки, который я много лет назад спрятал и написал на нём предупреждение. Я уверен – вы не убьёте ни одной бабочки или, по крайней мере, не сможете убить их всех. Ещё не один век мамы будущего будут говорить своим детям:

– Ни одно живое существо не заслужило такого восхищения, как бабочка, и трогать её руками – проявление неуважения не только к насекомым, но и ко всему человеческому роду.

И эти слова запомнит любой ребёнок. Потому как, помимо механизма наручных часов, я в каждую бабочку встроил миниатюрное взрывное устройство. Так, на всякий случай.

17.05.2013 г.

НЕКРОПОЛИС

«В некоторых людях страсть к познанию перевешивает всё, ей уступает даже инстинкт самосохранения...»
(Г.Лавкрафт, «Хребты Безумия»)

В этот город мы вошли на закате, и с каждым шагом я ощущал, как нарастает мой страх при приближении к руинам седовласой древности. В последних лучах предзакатного солнца это место таким и запомнилось – частично ушедшим под землю, в базальтовых колоннах и потёках застывшей лавы. Воздух пропитан чем-то зловещим, он казался затхлым и пустым, словно из этого места выкачали всю жизнь и заменили её тяжёлым духом могильного одиночества. Я не слышу ни ветра, ни шелеста травы или листьев, а только звук шагов и собственное сердцебиение. Порой мне мерещилось, что мое дыхание уносится в глубины мёртвого города и возвращается чужеродным эхом. Древние создатели желали вознестись к небесам и определённо чувствовали себя если не Богами, то великими мастерами. Но это было тысячелетия назад, а сейчас никто даже и не помнит, как они выглядели.

Ах, если бы я только мог знать, что мы здесь делаем! Я мог предположить, что эти люди – искатели сокровищ или археологи, если бы наблюдал в их арсенале подходящее оборудование, но все сумки закрыты и недоступны моему вниманию. Это мой сон.

Будучи наблюдателем в теле человека с другой планеты или из иного времени, я не могу направить его движения и не в силах руководить сознанием, а способен лишь пользоваться органами чувств и распоряжаться собственными мыслями. Из-за незнания языка я не выхватывал сути разговора, но вслушиваясь в слова, понимал, что

этого юношу зовут Кар'Анту; он белокурый, любит горячие блюда и представляет собой учёный ум этого мира.

Я насчитал пятерых человек. Двое ставили палатки, третий запасал дрова и ещё один предавался раздумьям о недостижимом, устремив мечтающий взгляд в ночное небо.

Что касается меня, – вернее, того человека, в чьём теле я пребывал, – мои действия направлены на изучение потрёпанных временем листов бумаги, на которых изображались неуклюже разрисованные маршруты, а также руны оккультного характера и иллюстрации древних легенд. Я не смог подобрать даже приблизительный перевод, а потому – отнеслся ли этот язык к одному из земных или принадлежал людям с другой планеты – не знаю. Важно то, что рисунки воссоздали облик забытого города, в коем преобладали высокие стены с множеством окон, и от поразительного сходства с последовавшими ассоциациями меня охватила тревога.

Мы разбили лагерь на берегу реки, чтобы лучше разглядеть панораму пугающего величия, окутанную мраком ночи, пропитанную зловонием проклятых трясин и безжизненным опустошением. Эта река выглядела неестественно: мутная и неподвижная, она лежала ровной гладью, и лишь изредка можно проследить за её движением, когда на поверхность падала травинка или листок. В последний раз Кар'Анту попросил своего компаньона не кидать в неё от скуки камни, поскольку ему становилось не по себе от мысли, что обитает или может обитать на том берегу. Тот рассмеялся, порицая его боязливость.

С содроганием молодой учёный смотрел на призрак прошлого и выталкивал из головы видения тех возможных событий, что привели к исчезновению целого города. Планета старалась поглотить эту обитель зловещих легенд, но её тень до тех пор останется на поверхности, пока не превратятся в пыль последние следы исчезнувшей цивилизации. И глядя на прекрасно сохранившиеся стены, я уверен, что это возможно, только если наступит конец света.

Кар'Анту отвлёкся от чтения. Впервые он услышал шелест листьев, но тот был резким и длился ровно секунду, словно кто-то могущественный дёрнул за все ниточки, подвязанные к каждой ветке этого леса, а затем разом остановил их. Его компаньон у реки удивлённо огляделся, и только двое других, устанавливающих палатки, ничего не услышали. Почувствовав, с какой частотой заколотилось сердце учёного, как он задыхается от волнения и дрожит от страха, я осознал, насколько сильна его вера в проклятие руин.

Но, может быть, тяжёлая атмосфера просто играет с воображением? Обоим могло показаться, что из разрушенных окон древнего строения вырвались столбы пыли...

***

...Я не помню, когда наступило утро. Оно пришло незаметно, ибо мрак царствует здесь по своим правилам. Небо затянула мгла, туман оседал над рекой. Кар'Анту поспал только пару часов, не одолев бессонницу, и полночи провёл за чтением у костра, где мне пришлось составить ему компанию. Он произносил вслух слова и вычитывал какие-то координаты.

Люди никогда не спускались в эти руины, я так думаю, поскольку карты руин нарисованы небрежно и схематично, словно первооткрыватели поспешили покинуть город до первого спуска в необъятные владения тьмы. Записи указывают на то, что существуют соединительные сети тоннелей, открывающие под ними поистине пугающий подземный мир. Кар'Анту не хотел туда спускаться, но знал, что должен сделать этот шаг. Что там внизу и что так тянет его туда?.. Почему это место вызывает непреодолимое желание бежать прочь, бежать в ужасе без оглядки и навсегда забыть дорогу туда?..

Всё просто. Такова наша природа. Тайна неведомого страха, как и любой первозданный кошмар, всегда следовала по пятам человечества. Мы не можем побороть эту эмоцию. Сначала ищем оправдание, чтобы взглянуть страху в лицо и доказать, что бояться на самом-то деле нечего, но в итоге всё равно понимаем, как сильно мы ошибались в своём превосходстве. Вопрос не в том, зачем Кар'Анту идёт к этим развалинам. Я хочу знать только одно: почему его колени дрожат?..

Мы взобрались по базальтовой лестнице и вошли через высокое окно, перелезая обвалы и неустойчивые выступы, пока не оказались в зале необъятной темноты. Полы здания покрывали не только осколки древней культуры и окаменелые породы, но и сформированные временем почвенные наросты с травой. Кар'Анту долго смотрел под ноги и пытался понять, чем именно его насторожила эта серая трава, но переключив внимание на затянутый тёрном потолок, застыл среди колонн и отверстий в полу. Удушающая энергия руин рассеивала взор, вызывая помутнение и отчаяние.

Особенно сильно разум затуманился тогда, когда один из наших спутников обернулся и дрожащим голосом призвал остальных. Никто ничего не ответил. Тьма поглотила выход и лучи восходящего солнца. Учёный сделал шаг в сторону спутников, но в нере-

шительности остановился. Чуть позже я вспомнил, с каким беспокойством он смотрел на реку и сообразил, что возвращение вызывает у него ещё больший страх, чем дальнейший путь. Он не желал приближаться к окнам. Что-то снаружи не даёт возможности чувствовать себя в безопасности даже при свете дня...

***

...Очень долго мы продвигались по развалинам в окружении стен из красного камня, и я почти не обращал внимания на то, что в обычной жизни мне казалось повседневным и малоинтересным, тогда как Кар'Анту и его спутники останавливались возле каждого обломка, каждого осколка и каждого кусочка неизвестной им культуры. Всё было очевидно, но мой разум отказывался воспринимать увиденное. Они находили предметы из стекла и рваные полусгнившие одежды, обрывки книг и предметы мебели, которые странным образом сохранились в этих условиях даже спустя тысячи лет. Мало что оставило свой первоначальный облик, ибо время всё изуродовало.

Записи в журнале делал только молодой учёный. Остальные о чём-то спорили и направляли друг другу в лицо найденные предметы, словно искали что-то из древних легенд, что-то неопределённое и бесценное. Один из таких споров всё и решил. Кто-то разозлился и выкинул металлическую рамку от настольной фотографии, посчитав её бесполезной. Я успел взглянуть на сохранившееся за стеклом изображение, и если бы я действительно мог, мне хватило бы секунды, чтобы вырвать крик из горла Кар'Анту. Я получил ответ, который искал на протяжении всего этого пути, но последующие события помешали мне погрузиться в размышления. Я не знал, никто не знал, что за темной скрывалась пропасть и шаткие булыжники, которым для падения достаточно было одного лишь прикосновения...

Когда грохот утих, а мурашки стали совсем невыносимы, мы обменялись друг с другом взглядами, переполненными непритворными эмоциями. Уста не издали ни звука, но глаза единогласно сказали: «уходим». Бормоча что-то невнятное, словно извиняясь за шум, метнувший свою находку человек повёл отряд к выходу, но, спустя две минуты остановился. Он долго вслушивался и не произносил ни слова, пока остальные переговаривались и с тревогой поглядывали на спутника, а затем развернулся, как если бы ожидал увидеть за спиной кошмар всей своей жизни, и мы обнаружили, что его лицо отразило мёртвый ужас. Оглушённый гулом и всеобщим волнением, я лишь

через мгновение сообразил, что мы услышали звук, к которому уже никто из нас не был причастен. Сначала был глухой стук. Потом мы услышали, как во тьме с громким звоном на камень упал кусок железа. И не успел Кар'Анту сглотнуть ком во рту и неохотно обернуться, как под ногами прозвучал ещё один звук, который, вне всякого сомнения, уже не имел ничего общего с обвалом. Это было то, что можно описать только как звук множественных и быстро приближающихся шагов. В следующее мгновение мы зажмурились, поскольку в лицо ударил порыв ветра и послышался голос, похожий на сдавленный хрип и ледяное дыхание ветра, пронзающего вершины скал. Кар'Анту упал на колени, прикрывая глаза и сдерживая дыхание. Он был на грани нервного срыва. Звуки раздавались отовсюду...

Здесь всё и завершилось. Я не помню подробностей, будучи потрясённым до умопомрачения, но есть среди этого сумбура и то, что пожелал бы позабыть. В панике мы перепутали двери и вошли не в тот коридор, где тьма и поглотила первого спутника нашей группы. Где-то в глубине души Кар'Анту знал, что не стоило открывать ту железную дверь, но вслушиваясь в звуки, он слишком поздно догадался, что собирался сделать их проводник. С ржавым скрипом дверь открылась и наступила тишина. Открывший её человек долго вглядывался в темноту за дверью. А когда мрак пронзил янтарный свет и он без чувств повалился на пол, я закричал. Мне хватило одной секунды, чтобы вырвать этот крик из горла Кар'Анту, и на секунду мне даже показалось, что я смог повернуть его в противоположном направлении, словно взял тело под контроль. Но, может быть, мы просто подумали об этом в одно время?..

Полы скрипели и ломались, будь то каменное дерево или шаткие кирпичи. Второй компаньон провалился под землю. Или что-то утащило его туда?..

***

Ориентируясь по колоннам и прорываясь через терновые кусты, разрывая руки в кровь и оставляя на шипах лоскуты одежды, Кар'Анту задержался на пороге между внешним миром и обителью подземного кошмара. Лишь потому, что он понял, что не так в этой траве. Молодой учёный не чувствовал ветра. Но её стебли извивались, словно змеи или тысячи длинных тонких пальцев, пытающихся за что-то ухватиться в беспорядочном шевелении.

Нас осталось двое. Кар'Анту посмотрел на своего спутника. Тот имел вид дикого, практически безумного человека, готового выпрыгнуть из окна на базальтовую лестницу,

что во всех случаях привело бы к ужасной смерти. Он схватил его за грудки и потащил к спуску, но вдруг отвлёкся. Раздался гром – в спину ударил ветер, задрожала земля. Все растения заколыхались с утроенной силой, испуская холодное серебристое свечение.

И мы заметили существ, которые не относились к миру живых. Они приближались. Их невозможно сосчитать. О, Боги! Они ужасны!!!

Мы взобрались на плот, и Кар'Анту схватил длинный прут, рассчитывая увести нас к другому берегу. Его спутник беспомощно стоял на коленях и смеялся с нелепым причитанием, не пытаясь обернуться. Он отреагировал лишь на воду в реке, когда с её дна начали всплывать обугленные кости, огромное множество древних костей, складывающихся в человеческие скелеты. Но эта реакция дала понять, что его рассудок потерян окончательно. Худые пальцы пытались рассоединить брёвна. И мой спутник начал им помогать, лихорадочно разрывая связывающие верёвки.

Когда Кар'Анту опомнился, твари уже подплывали к плоту, намереваясь его опрокинуть и разбить. Из-за несбалансированности тот перевернулся, и нас затащило под воду, на мгновение оглушив и притупив органы чувств. Но Кар'Анту не сдавался. Ему удалось выбраться на сушу. Перекачываясь по илистому берегу и пытаясь встать на ноги, он в последний раз взглянул на руины.

Здесь он мог протянуть руку помощи, если бы не знал, что спутник сошёл с ума, или что твари подземного мира начали вылезать за ним следом. Размахнувшись и кинув булыжник в воду, он со всех ног побежал в самые что ни на есть глубины леса, прочь от этого места, желая забыть обо всем, что здесь произошло...

***

Он остановился в постоялом дворе. Своим видом молодой учёный отталкивал от себя посетителей, которые взволнованно перешёптывались и старались покинуть его компанию под одной крышей. Дважды мне удалось бросить взгляд в зеркало, когда он омывал лицо от грязи и пота; его глаза были чернее ночи, без блеска и радости от спасения. Наверное, Кар'Анту тоже сошёл с ума, как и его товарищ, которого нельзя было спасти. Единственное, что он смог для него сделать – это подарить быструю смерть. Метко брошенный камень сделал своё дело.

Запершись в комнате, он сполз по стене и закрыл лицо дрожащими руками.

Пока Кар'Анту пытался осознать свой поступок и найти оправдание, я размышлял о том загадочном времени, когда подобные

строения были переполнены светом и почти достигали небесных вершин до их погружения под землю. Я предавался этим мыслям в совершенном одиночестве, поскольку из нас двоих в этой комнате только я один мог устанавливать параллели между тем, что видел и что помнил.

Причины моего страха содержались в той металлической рамке, которую так небрежно выкинули в глубины забытого мира, а именно – в фотографии за стеклом, на которой я отчётливо разглядел архитектурный памятник своего города...

29.10.2014

Семён ГУБИЧАН

Семён Абрамович Губичан уроженец села Гижига Северо-Эвенского района Магаданской области.

В 1998 году окончил Гижигинский учебный комплекс: Гижигинскую среднюю школу, интернат с детским садом. В этом же году поступил на факультет естественных наук и математики в Северный международный университет. По результатам учёбы получал стипендию от благотворительного фонда «Омолон». Являлся участником, призёром и победителем в межвузовских научно-практических конференциях и семинарах.

В 2001 году был делегатом от Магаданской области на Втором конгрессе оленеводов мира, в рамках которого проходила Конференция молодых оленеводов мира в коммуне Инари (Финляндия).

После окончания университета работал учителем математики в сельских школах (п. Усть-Среднекан, с. Тауйск). В 2008–2011 гг. работал педагогом дополнительного образования в областном детском доме п. Ола.

С 2007 года является участником областных молодёжных конференций.

Участник и дипломант областных творческих конкурсов. Участник всероссийского молодёжного форума «Мы – россияне» (г. Владивосток 2008 г.).

Лауреат премии губернатора Магаданской области (2012 г.).

Пишет стихи и рассказы на русском и эвенском языках. Дипломант литературной премии Юрия Рытхэу (2014 г.).

Занимается спортом. Является членом ДНД пограничного поста с. Тахтоямск. Награждён грамотой начальника УФСБ России по Магаданской области.

С 2011 года работает учителем в МКОУ «ООШ с. Тахтоямск». Учитель эвенского языка. В апреле 2016 года стал победителем областного конкурса Педагог года – 2016 в номинации «Лучший учитель родного языка».

СХВАТКА

После отпуска, приехав с детьми в пятую бригаду совхоза «Расцвет севера», Абрам ходил на дежурство с бригадиром Мико и его сыном Сергеем. Стойбище располагалось на левой стороне реки Вархалам, километрах в пяти ниже устья речки Хигичан. Олени паслись, поедая ягель и зелёную траву, и ничего особенного не происходило, пока стадо не забрело в густой вековой стланик. Кусты кедрача были столь большими, что с близлежащей террасы стадо невозможно было рассмотреть.

– Бу итныдим ораарбу болгитал бардада, хи-да ораарбу илбэли Хигичан холилэн. Болгиту мудаграм тадук бакалдыдим (Мы с Сергеем проверим оленей на той стороне стланика, а ты гони оленей вниз по течению вдоль Хигичана, пока не закончится стланик, там и встретимся), – сказал Мико, и они с сыном скрылись в зарослях. Мико – опытный оленевод, не раз замещал бригадира, и сейчас ему доверили эту должность на время отпуска основного бригадира Ивана.

Абрам криками сгонял оленей, направляя их в сторону равнины, начинавшейся там, где кончался стланик. Вдруг до его уха донёсся нарастающий гул: что-то потревожило стадо. Один за другим мимо пастуха промчались с десятков оленей, а за ними гнался мощный бурый медведь. Стланик был настолько плотный, а поляна так мала, что хищник просто не успел отпрянуть в сторону при виде внезапно возникшего перед ним человека.

Медведь просто так с человеком иметь дело не станет, обойдёт, избегая встречи. И вовсе не от трусости. Он мудр. Иной раз ходишь по лесу день за днем, а медведя увидишь редко, лишь тогда, когда он потеряет запах человека.

Доли секунды Абрам стоял в оцепенении, хиркан (нож) в эньки (ножны) остались в рюкзаке. Полчаса назад, сидя у костра, сам

положил. Карабин в смену не брали: очень тяжело таскать его целый день, да и пасли недалеко от стойбища – километрах в четырёх.

Медведь от безвыходности пошёл на человека и свалил Абрама в речку. Удар был смертельный, если бы вода не смягчила его. Медведь хоть и силён, в воде ему было неподручно расправляться с пастухом. Он вытянул человека на берег и начал снимать скальп. Боль была ужасная, вся жизнь пролетела перед глазами Абрама...

На прошлой смене или немного раньше Абрам во время проливного дождя взял, чтобы укрыть голову, материал из разбитого медведем геологического вагончика. А у эвенов существует поверье, что брать найденную старую вещь нельзя: она уже принадлежит медведю, и хозяин обязательно придёт за ней. Мико предупреждал Абрама, но тому всё это казалось сказками. Вот он и взял с собой материю. Да и в этот трагический момент той тканью была обмотана голова, чтобы вытирать пот.

Боль пронзила голову, крик, вырывавшись изнутри был настолько пронизывающий, что казалось его слышит весь мир. Мико и выбежавший из-за стланика Сергей поспешили на помощь.

– Серёга, медведь! Медведь! Медведь! Уходи! – кричал истекающий кровью Абрам.

Сергей тарашил испуганные глаза, пока не понял, что ничем не может помочь раненому. Вырвавшись из оцепенения, он побежал к стойбищу. Гена – старший брат Сергея, – рыбачил чуть ниже стойбища на Вархаламе, взяв с собой младшего брата Сеню, который то и дело бросал камни в реку и распугивал, шедших на нерест, горбушу и кету. Несмотря на такое времяпровождение, рыбалка удавалась.

– Гена! Гена! Медведь! Папу медведь задрал! – Плача, бежала по дороге их сестра Марина и, обняв младшего брата, повела его в стойбище.

А Гена уже был возле палаток. Оставив свежельовленную кету на берегу, он взял карабин и побежал к стаду.

Медведь хладнокровно орудовал острыми когтями, то и дело отгоняя надоедливую собаку, впивавшуюся, словно комар, ему в спину. Если бы не её старания, то хозяину уже настал бы конец.

...Давным-давно Мико подарил Абраму старую собаку по кличке Моряк, но через некоторое время она умерла под упавшим деревом: от старости не смогла вовремя вернуться. После смерти Моряка Марфа, жена бригадира Ивана, подарила Абраму новорождённого щенка. Сын Сеня таскал его вместе с другими щенками на наледь – «мерить

глубину». Абрам назвал его Моряком в честь старой собаки. Все щенки из этого помёта долго не прожили, многих из них сразила чумка. Но Моряк выжил и работал до глубокой собачьей старости. В возрасте шестнадцати-семнадцати лет глухая и дряхлая собака ушла умирать в тундру.

...Моряк рьяно защищал своего хозяина, кусая медведя, ловко и с бесстрашием манил его на себя.

– Мину мултули, муландали эди мадали (отпусти меня, пожалей, не убивай меня), – выдал просьбу из раненой груди Абрам, обращаясь к медведю.

– Часки хорли нугдэ! Ку-у! Ку-у! Часки хорли (уходи прочь, медведь)! – Во всё горло кричал Мико, стуча концами посоха и длинной палки, изображая подобие выстрела...

Сознание у Абрама уходило, внутренности вывалились на землю. Медведь ушёл, так и не сломив волю человека к жизни. Абрам так и не узнает о его дальнейшей судьбе. Убили его тогда или нет, даже не интересовался. Да и о медведе эвены просто так не говорят, боятся, что придёт, услышав своё имя.

Мико связал маутом стланик, соорудив подобие носилок, чтобы перенести умирающего напарника до прибытия санрейса на поляну. На счастье, кроме фельдшера в стойбище находилась начинающая врач Татьяна – дочь Марфы и Ивана. То ли она была студенткой-практиканткой, то ли только начинала работать в больнице. Времени прошло уже немало, не упомнишь.

Оказав первую помощь, стали дожидаться санрейса. Время шло мучительно долго.

«Как же дети?» – Сверлило в голове Абрама...

Из тумана показался вертолёт. Врачи при помощи пастухов перенесли истекающего кровью в салон, сделали необходимые уколы.

...Сознание пришло уже в Эвенске, в больнице. Врачи приготовили «тяжёлого» для отправки в Магадан. Но непогода загнала авиацию в угол.

«Как дети? Нужно готовить их в школу», – крутилось в голове Абрама, – «надо выжить для детей».

Вечером у костра в дюкане (юрте) обсуждали происшествие. Дети ловили каждое слово, не всегда предназначенное для их ушей.

– Кишки мы собирали с земли и уложили прямо в живот, – с горечью говорила Татьяна. Сделав глоток чая, чтобы перевести дух, продолжила, – лицо всё покалечено, страшно было смотреть.

Марина убежала в кустарники и тихо плакала. Все переживали и очень жалели детей.

– Би гэрбэтэн бэй кокэче дэсчин (я думал мёртвый человек лежит), – рассказывал спустя некоторое время Папачан, который лежал в то время в больнице и случайно заглянул в палату Абрама.

Положение с каждым днём ухудшалось, раненому пастуху вводили обезболивающее. Самолёт стоял в полной готовности. На четвёртый день небо прояснилось, и лётчики решились на вылет – под свою ответственность. Безотказная «Аннушка», скрывшись в тумане, взяла курс на Магадан. В порту малой авиации на тринадцатом километре ожидала «Скорая».

Абрам очнулся в холодном помещении. Он принялся стучать о деревянную кушетку. У появившегося врача попросил пить. Утолив жажду, вновь потерял сознание. Через некоторое время вновь очнулся. Яркий слепящий свет бил в лицо. Люди в марлевых повязках что-то говорили. Догадался: «Операция».

Здоровье мало-помалу возвращалось, силы прибавлялись с каждым днём. На соседней койке лежал парень-шофёр – не справился с управлением. Его машина в районе посёлка Талая слетела с дороги. Чудом спасли его в реанимации. Мать навещала парня каждый день и всякий раз не могла удержаться слёз:

– Вы оба выжили, Бог вам помог – от смерти спас. Всё время Бога о вас молю.

– Ну, ты и крепкий мужик, – сказал врач Абраму во время осмотра, – другие бы не выжили.

Каждый день приходила дочь Анна.

Уже после выписки он узнал не новую для других новость. Ждал вылета в Эвенск, и одна незнакомая женщина шепнула ему:

– Ты тогда в морге лежал. Врач не велел говорить. Ты воды попросил, вот в операционную и повезли. Умер ты, а ожил. Как-то он говорил... Клиническая смерть. Чудно как.

Три месяца прошло, пора домой, к детям. Лицо, покрытое шрамами, наполовину закрывали большие солнцезащитные очки. Один глаз не открывался. После того, как приехал домой, первое время старался не выходить из комнаты, чтобы не пугать детей своим видом. Спустя некоторое время пообвыкся, стал принимать родственников, гостей. Жизнь входила в своё русло.

То место стали называть Абрам болгитал (Абрамовские стланики). Мне доводилось бывать в тех местах и гонять по этому стланику оленей. Он стал ещё гуще. Один раз мы три часа выгоняли забредшее туда стадо. Очень сильно вымотались.

С тех пор прошло немало лет. И как-то к Абраму, гревшему у печи спину, в гости зашла Марфа с рюкзаком.

– Абрам, рюкзак гали хиркан, энки до-лан бисни (возьми рюкзак, нож и ножны внутри лежат).

Это спустя столько лет было найдено то, что было когда-то потеряно в смертельной схватке. Тогда было не до рюкзака. Воспоминания вновь нахлынули на старика, и в грустных глазах предательски выступили слёзы.

ОРАНЖЕВОЕ ЯБЛОКО

В детском саду, где я и дневал, и ночевал, воспитателем была Мария Васильевна. Она приобщила меня к цивилизованной жизни. Отец круглый год находился в оленеводческой бригаде, лишь время от времени приезжал в центральную усадьбу в Гижигу. Когда умерла мама, ему стало невозможно ставить на ноги нас восьмерых. Я был седьмым в семье, а самую младшую взяли под свою опеку дедушка Виталий и бабушка Улита.

Раннее детство я провёл с отцом, и когда меня приняли в детский сад, я не умел говорить по-русски. Мария Васильевна учила меня русским словам, а я не оставался в долгу – начал обучать её разговаривать по-эвенски.

– Мария Васильевна, когда я приду, то говори мне «Дорова», значит, здравствуй.

На том и порешили.

– Дрова, Сеня! – Бойко, с выражением, по-солдатски отчеканила воспитательница, придя утром на работу.

– Да не дрова, а дорова! До-ро-ва – это же очень просто, – с досадой я смотрел на свою «ученицу».

Раньше, в советские времена, в детском саду, в школе и в больнице во время обедов давали различные фрукты и овощи. Это называлось «витаминация». Мне очень нравились яблоки.

– Какой вкусный и большой ягода, Мария Васильевна, – говорю воспитательнице, с хрустом поедая спелый зелёный плод.

– Это не ягода, это фрукт, и называется «яблоко».

– А что такое фрукт? Я в тундре не видел такого.

– Оно растёт далеко отсюда, там, где тепло.

– Правда, тепло? А ты не обманываешь меня? Разве бывает всегда тепло? – Удивлялся я. – У нас только летом можно ходить без куртки и не мёрзнуть, а в остальное время холодно бывает. Да и то дожди с туманами над тундрой гуляют.

– Есть такие места на земле, где целый год можно ходить без куртки и не мёрзнуть.

– Наверное, там олени всегда жирные бы-

вают? Им не приходится голодными копать глубокий снег, чтобы поесть ягель.

Воспитательница зареклась продолжать беседу, остерегаясь всё новых и новых вопросов. Ведь в скором времени должна прийти нянечка, чтобы забрать оставшихся детей и отвести их в ночную группу.

– Дрова, Сеня!

– Да не дрова, а до-ро-ва. Ты, наверное, в школе училась плохо, Мария Васильевна, раз не можешь запомнить.

– Хорошо, запомнила: до-ро-ва, до-ро-ва!

На завтрак обычно давали молочную кашу.

– Эрэк молоков, манный кашав кэнелич бивэтгэн. Чакты бидай, минду боли улрыв, олрав – тарав айдмар бивэтгэн.

– О чём ты говоришь? Я не понимаю тебя.

– Молоко, манная каша – не вкусно, будьте добры, дайте мне мясо или рыбу – всё-таки это лучше.

Как обычно, попив чай с хлебом, намазанным маслом, я незаметно для воспитателя переливал кашу соседям по столу. Конечно, воспитательница ругала за это, но ничего со мной поделать не могла.

После завтрака выходили всей группой на прогулку.

– Шарик! – Так по несколько раз кричали мы всеми группами, находившимися на территории, вслед улетающему в неизвестность зонду, запущенному местной метеостанцией.

Вдоволь нагулявшись, мы, обмениваясь впечатлениями, заходили в игровую, где находились до обеда.

В обед давали крупные оранжевые яблоки. Первый раз, попробовав такое яблоко, я начал машинально глазами искать воспитательницу. Так и не найдя её, положил яблоко под подушку.

Самое мучительное было время послеобеденного сна, и, чтобы его скоротать, мы рассказывали друг другу различные истории. Я обычно говорил об оленях, волках и медведях. Другие дети рассказывали, как летали в самолётах, ездили в машинах и на мотоциклах, плавали на моторных лодках. От зависти и обиды я стал приукрашивать свои истории: мол, выстрелами из ружья убил двух волков, ранил медведя, а в прошлом году вообще поймал маутом (арканом) оленя.

– Всем спать, не шумите, – резким строгим голосом прерывала наши увлечённые беседы, переходившие в жаркие споры, воспитательница.

На полдник всегда давали либо молоко, либо кефир. Многие из нас, приезжих из бригад, отказывались от полезного для здоровья питья. Воспитатель даже не пред-

лагала добавки, знала – всё выльем. А вот если давали мясной суп или гарнир с мясом – иное дело. После полдника я подошёл к воспитателю:

– Мария Васильевна, яблоко испортилось, оно совсем не вкусное и сильно горькое.

– Какое яблоко? – удивлённо спросила воспитатель.

– Да вот же. Под подушкой лежало.

– Так ведь это же не яблоко, а апельсин, – повеселев, объяснила мне Мария Васильевна и, ловко почистив его, протянула мне дольку.

– Теперь вкусно?

– Да вкусно, как это яблоко называется?

– Это апельсин, а вовсе не яблоко...

– Дорова!

– Дорова!

– Он такан (как дела)?

– Аич (хорошо).

– Хину он гэрбэн (как тебя зовут)?

– Мин гэрбэв Семендя (меня зовут Семендя).

– Хину он гэрбэн?

– Мин гэрбэв Мария Васильевна.

Так вот и общались мы с моей воспитательницей, передавая друг другу частицу своей культуры.

Аич бидлирэ, Мария Васильевна! Живите долго и счастливо, Мария Васильевна!

МЕДВЕДИЦА

Осенью наше стойбище кочевало в верховьях реки Вархалам. Стадо на ночь оставляли в определённом месте, а ранним утром, как посветлеет, его собирали, передавая дневной смене. И так день за днём.

Однажды утром, попив чаю, бригадир, распределяя пастухов на участки, велел мне с Чивиткиным Рудольфом обследовать распадок Гилинэмнэм (Глинистый) и всех найденных оленей сгонять на поляну у реки Вархалам.

Собрав в рюкзак всё необходимое: котелок, чай, сахар, лепёшки, запасные спички, завернутые в полиэтиленовый пакетик – вышли мы по указанному маршруту. Сразу договорились, что я пойду вдоль самого русла ручья вверх по течению по правой стороне, а Рудик по левой, но по хребту сопки. Покуривав, Рудик затушил сигарету и скрылся в стланике, поднимаясь вверх по склону.

В распадке нашего ручья находилось больше половины стада. Остальные пастухи пошли искать оленей – кто вверх по Вархаламу, кто на другую сторону реки. Нам с Рудольфом нужно было идти до передних

оленей и пасти их вниз по течению, а там встретиться с другими поисковиками. Сгонная оленей с правого склона, заросшего густым стлаником и редким листвяником, я изредка поглядывал на Рудольфа, который хорошо был виден на горизонте и шёл с такой же скоростью, что и я.

«Вот вроде бы и передние олени», – подумал я, пройдя пару километров и, напевая во всё горло знаменитый в то время хит популярной группы, остановился.

Обычно, когда кричишь или поёшь песню, то олени, реагируя на звуки, собираются в кучу, что они и делали.

Боковым зрением я уловил большое тёмное пятно, которое слегка шевелилось. Метрах двадцати от меня, на противоположной стороне ручья, среди оленей мирно отдыхала, наслаждаясь игрой своих детёнышей, медведица. Тут же страх сковал всё моё тело. Я замер, кровь застыла в жилах, ком подкатился к горлу, ноги подкосились. От неожиданности я присел на торчащую возле меня кочку. Раньше медведей видел и с более близкого расстояния, но медведицу с медвежатами – впервые. Три медвежонка проворно играли друг с другом, а мать, сидя рядом, будто смотрела прямо на меня. Нюхая воздух, медведица направила морду в мою сторону. Видит она ли меня? В какую сторону ветер дует? Вот незадача – с моей стороны!

Олени мирно паслись метрах в десяти вокруг семейства медведей. Медведица и не думала на них нападать. В данный момент она точно смотрела прямо на меня. От кого же ещё ей ждать опасности, как не от человека? Ей эта встреча, как и мне, была нежелательна, как и нежелательны её последствия.

Медведица резво встала на дыбы, подняв лапы перед собой. В этот момент вся моя жизнь, словно в ускоренном кино, пронеслась перед глазами. Медведица пригнулась в мою сторону, шевеля ушами. Встав на четыре лапы, она оглядела малышей, один из которых хотел, было, из любопытства ринуться ко мне. Но, сделав пару прыжков, он был остановлен мамашей и, получив приличный увесистый шлепок, скуля, покатился в противоположную от меня сторону. В этот момент я ещё более испугался, вспоминая рассказ отца о знакомых о встречах медведем.

Остальные медвежата, видимо поняв рык матери и не желая получить тумака, как младший братишка, потянулись вслед за медведицей. Четыре зверя начали свой подъём вверх по слону сопки, то скрываясь за стлаником, то появляясь на маленьких полянах. Медведица, вставая среди стлани-

ка на задние лапы, почти на половину показывалась из него.

В это время Рудольф, поняв, что выше по течению оленей нет, стал спускаться в мою сторону. Я его увидел шагающим через открытые полянки – в стланике его видно не было. Но ко мне ещё не вернулся дар речи, и я не мог предупредить об опасности ничего не подозревающего Рудольфа, который шёл прямо навстречу к приближающимся животным. Как ни пытался я крикнуть, ком не хотел рассасываться и ещё сильнее сдавливал грудь и горло.

«Я буду виноват в смерти Рудика», – приходило на ум. Через некоторое время я увидел силуэт бегущего в сторону от медведей человека.

«Фу, – облегчённо выдохнул я. – Рудик, медведь! Быстрее беги!»

Как будто бы я заговорил впервые в жизни. Чуть ниже горизонта, среди редко растущей ольхи, медведица встала на задние лапы, в последний раз посмотрела в нашу сторону, словно прощаясь, вернулась в обычное положение и на большой скорости, подгоняя медвежат, побежала вверх по распадку.

«Ку-у, ку-у!» – Кричал я вслед убегающей четвёрке.

Через некоторое время подошёл Рудольф и, поделившись впечатлениями, начал свой рассказ:

«Иду я, время от времени поглядывая в бинокль, слышу, ты песни поёшь, а потом вдруг резко замолчал. Что бы это значило? Посмотрев вверх по распадку, не увидел оленей, начал спускаться. Иду я, выбираю дорогу среди стланика, выхожу на поляны. Убирая для прохода ветки стланика, столбенею: на меня движется медвежье семейство: на меня движется медвежье семейство. Они по ту сторону поляны, я по эту. Недолго думая, разворачиваюсь и что есть силы бегу обратно. Думаю – доберусь до верха, а там и до большой каменной скалы, торчащей из-под земли, рукой подать. А дальше ты знаешь... Кстати, а почему ты не предупредил?»

«Да у меня голос от испуга пропал», – ответил я напарнику и показал место, где отдыхали медведи.

«Я так и понял, когда бежал от медведей, – сказал Рудольф. – Ты пока паси оленей вниз по течению ручья, а я проверю – может быть, есть выше олешки – посмотрю по следам, но мне кажется, что они и есть передние».

«Ты там держи ухо востро, опять не встретиться с этими», – показав в сторону медведей, предупредил я напарника.

«Да нет, они далеко убежали, ты ведь сильно кричал. Хорошо ещё, сытые они

были», – сказал Рудольф и пошёл, растворившись среди кустарников.

Через полчаса он догнал меня. Подгоняя оленей к назначенному месту, мы не могли не говорить о происшедшем.

«Медведи и вправду сытые были, я там видел свежую тушку явкана (годовалого оленёнка). Видимо, медведица остановила ночью оленей, и они, пробежав немного, там и паслись, где ты их и нашёл».

Подогнав оленей к равнине, я начал сооружать таган, Рудольф сходил по воду. Повесив чайник над костром, мы ожидали приближающихся с разных сторон пастухов, подгонявших другие группы оленей. Собрав стадо, мы начали пить чай, вытащив из рюкзаков испечённые накануне лепёшки. Олени, насытившиеся за ночь, улеглись.

«Когда медведь встаёт на дыбы, то значит, он уходит, – сказал мне бригадир Иван. – Сейчас медведи сытые: кормятся ягодой, шишками, летом рыбу ели... Если бы весной встретила, было бы хуже».

Дождавшись дневную смену, мы медленно направились к стойбищу.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

Накануне этого великого для каждого россиянина, жителей стран СНГ, да и всего мира дня мы делали венки. На следующий день учащиеся Гижигинской средней школы имени Лягушина должны были возложить их на могилы ветеранам, отдавая дань уважения всем воинам и труженикам тыла – тем, кто приближал День Великой Победы над фашисткой Германией. Старшеклассники, днем ранее, натаскали кедрача. Девчонки сделали цветы из цветной бумаги, обмакнув их при этом в расплавленный парафин. Ну а венки делали мы – я и мои одноклассники Казик и Вася под руководством классного, учителя физкультуры Алексея Николаевича.

– Какое у нас прекрасное знамя, смотрю на него и прямо не налюбуюсь, красота! – с восхищением произнесла завуч Светлана Максимовна, зашедшая в кабинет проведать процесс изготовления венков. – Как у вас всё получается?

– Ребята молодцы, к работе приступили ответственно, стараются, – ответил на вопрос наш классный.

– Долго вам ещё? Ребята, в столовую потом сходите, вас там накормят.

– Спасибо, работы хватает – пока проволоку в обод скрутим, на него потом ветки закрепим.

– Не буду мешать, у самой с документацией работы полно. Если что, то я у себя.

– Знамя и вправду красивое, алое. Где только Михайловна материю достала? – вслух рассуждал Алексей Николаевич. – Ребята, а давайте завтра в поход пойдём. Школа завтра на кладбище, а мы на сопку Школьную рванём. Знамя прихватим и установим его в честь Дня Победы.

– Здорово, Алексей Николаевич, вы придумали... Я согласен, только вот у родителей спрошу... – С задумчивостью сказал Казик, видимо перебирал в голове слова, которыми он поставит отца и мать в известность о своих планах.

– Я тоже пойду, – сказал Васька.

– А во сколько выйдем, Алексей Николаевич? – спросил я.

– Полдесятого сбор, в десять выходим. Встречаемся у меня в кабинете, заходим через интернат.

– А как со... знаменем? – Мы все загадочно переглянулись, предвкушая что-то особенное.

Недолго думая, классный пошёл в кабинет завуча по «личному вопросу», а мы тем временем сняли стяг с флагштока, мигом перетащили знамя из рекреации в кабинет литературы, где делали венки, и спрятали его за шторой. Проведя операцию, мы вновь принялись за работу, а через некоторое время нас пригласили в столовую. Мы пообедали, взяли с собой по стакану киселя.

– Алёша, а где знамя? – спросила снова зашедшая нас проведать Светлана Максимовна. Вид у неё был уставшим. Документов, наверное, было много, да и проверка тетрадей отнимала много времени.

– Не знаем, не видели. – непринуждённо, как ни в чём не бывало ответил Алексей Николаевич.

– Наверное, Михайловна после концерта и убрала, – подыграл классному Казбек.

– Да, наверняка она его спрятала – красная материя сейчас в дефиците, на следующий год оно и пригодится, – поддержали товарищей мы с Васькой.

Так ничего и не понявшая завуч пошла к себе в кабинет. Она уже и забыла, как два часа назад восхищалась Знаменем Победы. Сделав дело, мы незаметно перенесли знамя к спортивному залу, а Алексей Николаевич занёс его к себе в кабинет. Попрощавшись со Светланой Максимовной, мы вышли на крыльцо школы.

– Завтра в полдесятого сбор, сухпаёк не забудьте, котелок у меня есть, ложки, кружки, тарелки возьмите. Родители подсказут, что брать.

Так и разошлись.

Утром, прихватив с собой рюкзак и положив в него сгущёнку, кусок оленины, вяле-

ное мясо, четыре пластинки ююколы, хлеба, сахара, пачку индийского чая, посуду, походный чайник и охотничий нож, я пошёл в интернат на завтрак.

В школьные годы я считался интернатовским, и даже когда в старших классах жил дома (по заявлению родителей или старших сестёр и братьев воспитанники интерната могли проживать дома), питался в столовой. Иногда приходилось в интернате и ночевать. На каникулы, как в летние, так и в зимние нам выдавали сухой паёк. Но всё же большую часть детства я прожил в интернате. Даже в садик меня отводили старшие сёстры или брат из интерната, где я находился во время отсутствия отца.

Алексей Николаевич уже был в кабинете, когда я вышел из столовой. Казик пришёл, как и договаривались – к половине десятого. Василия не было. Без четверти десять мы с Казбеком пошли домой за пропавшим одноклассником. Постучались в дверь, вышел ожидавший нас Василий и расстроенным голосом сказал, что родители его не отпускают.

– Дядя Витя, отпустите Ваську с нами в поход.

– Кто идёт?

– Алексей Николаевич и мы втроём.

– Нет, Вася не пойдёт, он наказан и знает за что.

Посочувствовав взглядом Василию, мы бегом ринулись в школу.

– Васька не пойдёт, наказан за что-то.

– Выходим без него. Готовы?

– Да.

Мы вышли из посёлка, подгоняемые весенним майским ветерком. Яркое белое солнце ослепляло глаза. Перейдя распадок, мы начали подыматься к подножию Школьной.

– Нужно было с собою лыжи взять, быстрее бы шли. Думал же прихватить, – сокрушался Алексей Николаевич.

До Школьной добрались за два с небольшим часа. Дошли до каменных осыпей, среди которых выбрали место для привала. Разожгли костёр, поставили таган, подвесили котелок и чайник. Перекусили.

– Казик, поешь кам, – я подпалил над костром ююколу, почистив от нагара, подал однокласснику.

– Вкусно, в первый раз кам.

Поели отварной картошки с поджаренным на костре мясом. Насытившись, легли отдыхать. Вовсю палило весеннее солнце, место нашего привала закрывала от северного ветерка сопка Школьная. Было тепло.

– В школьные годы мы всегда ходили в походы. Все окрестности облазили, – с ностальгией произнёс Алексей Николаевич.

– Мы по отдельности – кто с семьей, кто с друзьями ходим в походы. Хорошо бы классом пойти, здорово было бы.

– Обязательно сходим, – заверил классный.

Отдохнув от сытного обеда, мы начали свой подъём на Школьную. Время прохождения расстояния от подножия до первой вершины заняло сорок минут. Выбирали удобные участки пути. По серым, испускающим синеватый оттенок камням мы выходили на снежные поля, выдалбливая в промёрзшем насте ступеньки. На крутом снежном подъёме нам встречались следы бывших здесь накануне медведей. Наконец мы забрались на вершину, нас окатило холодным студёным ураганным ветром. В тот же момент нам открылся необычайно красивый вид пёстрой тундры.

Преодолев все трудности, установили на пирамиде Знамя Победы, с помощью заранее приготовленной верёвки прикрепили древко к торчащему из макушки лому.

В ушах свистал хлестко бивший в лицо ветер. К этому свисту присоединился звук, а скорее гул трепещущего материала.

Дальше мы пошли по плато, встречая бесконечные надписи фамилий и имён, дат, признаний в любви, прямо на земле выложенных из камней. Вышли на верхнее плато. Здесь надписей стало больше. На обоих плато мы оставили и свои автографы. Алексей Николаевич как ни старался отыскать свои предыдущие «послания внукам», его старания были тщетны – надписей было море.

Время от времени спускались на левый, морской склон сопки погреться, укрывшись от пронизывающего до костей ветра. Осмотрев в бинокль окружающие окрестности, мы вышли в обратный путь. Дойдя до реющего на ветру знамени, мы постояли возле него, отдавая дань павшим воинам, погибшим в боях за Родину. Почтили их память минутой молчания.

Спускались мы примерно по тому же маршруту, по которому поднимались, стремительно скатываясь по медвежьей колее и кое-как передвигаясь, ища более удобный путь между камнями при крутом спуске. Мы и не ожидали, что наш спуск займёт то же время, что и подъём – сорок минут.

У подножия сопки разожгли костёр, отварили гречневую кашу, обильно заправили её тушёнкой. Возле костра сложили из камней пирамиду, возле которой выложили наши имена и дату пребывания.

Солнце клонилось к горизонту, мы любовались видом открытого, таскающего по

водной глади многочисленные поля льда блестящего моря. Из труб котельных посёлка клубился угоняемый в море северным ветром дым. За посёлком вдали красовались белоснежные, очерченные синими полосками камня Чайбухинские горы. Горная цепь тянулась далеко с севера, плавно переходя в полуостров Тайгонос.

Напоследок попив горячего свежезаваренного чая, мы стали собираться в дорогу. Шли не спеша по рыхлому от палящего днём солнца снегу. Западная часть неба окрасилась в розово-алый цвет. Вечерело. Спустились с холмов в тундру. Дорога, за зиму утрамбованная «буранами», белела тонкой полоской среди коричнево-жёлтой тундры. В этот момент мы вспомнили про лыжи, которые не помешали бы нам в данный момент. Уставшие за день, мы подходили к вертолётной площадке на окраине посёлка, на которой вырисовывалась фигура человека. Было десять вечера, когда мы ступили на вертолётную площадку, усыпанную речной галькой.

– Сколько можно ждать? Дома получишь! – встретила переживающая мама Казика и повела его домой.

Оглянувшись, переведя дух, мы с чувством выполненного долга любовались реющим над Школьной знаменем, которое отчётливо можно было разглядеть в бинокль. Пирамида, которая обычно выглядела маленькой выпуклостью на вершине сопки, выросла раза в три.

После выходных, по приходу в школу, на пороге меня встретила, сложив на пояс руки, завхоз Людмила Михайловна:

– Это же надо – додуматься украсть знамя! Где я на будущий год буду материал искать! Скажите мне, пожалуйста!

– Досок нам не привозят, как в советские времена. А у техничек швабры без конца ломаются, – добавил трудовик Вячеслав Прохорович.

– Молодцы ребята – в честь Дня Победы флаг установили! – поддержала нас завуч. – А я, то думаю: заработалась, что ли? Знамя вроде бы стояло, и вдруг его нет.

Все учителя одобрительно смотрели на нас, стоя возле гардероба всем коллективом, ожидая пришедших в школу учащихся.

– А мне дома сильно досталось, – шепнул мне на ухо Казбек, – но я не расстроен – классно ведь время провели.

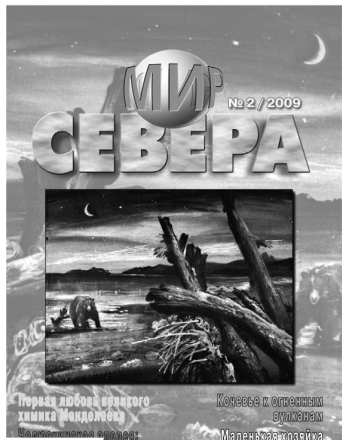
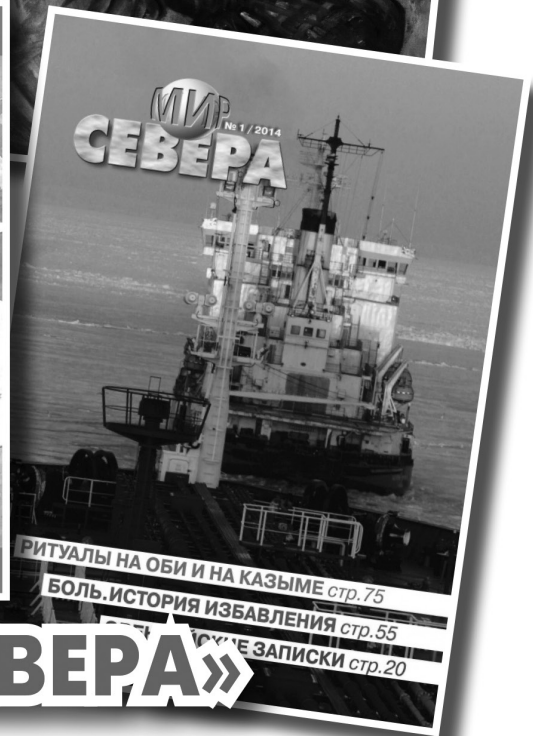
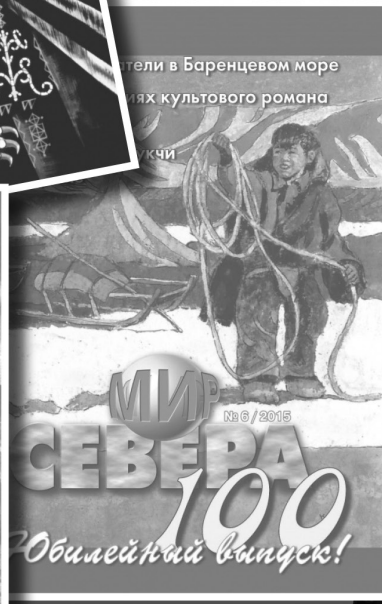
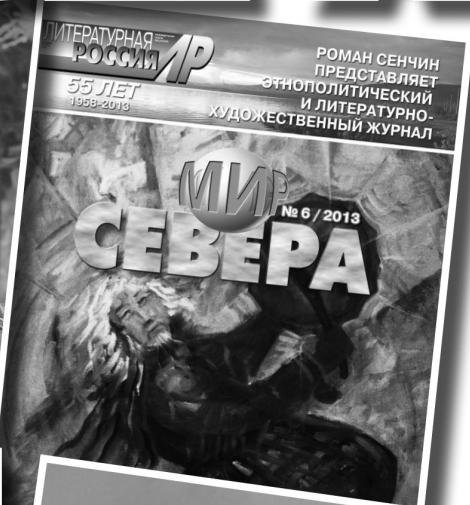
Как и обещал Алексей Николаевич, мы сходили в поход всем классом, вспугнув изпод одной скалы рыжую лису. Знамя красовалось ещё долго, пока не истребалось постоянными воздушными потоками, характерными для высоты над уровнем моря, где мы его установили.

Подпишитесь

на журнал

МИР

СЕВЕРА

Журнал «МИР СЕВЕРА»

Индекс = 47303